

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

№ 1 New York
Times
Бестселлер

18+

МЭТТЬЮ МАККОНАХИ

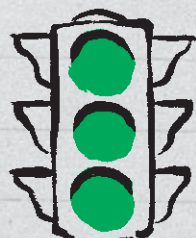
Я прожил пятьдесят лет,
сорок два из которых
пытался разгадать загадку
жизни, а в течение последних
тридцати пяти вел дневники,
записывая в них подсказки
к этой разгадке.
Записи об успехах и неудачах,
о радостях и горестях,
о поразительном и о смешном.

Тридцать пять лет
я осмысливал, вспоминал,
распознавал, собирал
и записывал то, что меня
восхищало или помогало
мне на жизненном пути.

Как быть честным.
Как избежать стресса.
Как радоваться жизни.
Как не обижать людей.
Как не обижаться самому.
Как быть хорошим.
Как добиваться желаемого.
Как обрести смысл жизни.
Как быть собой.

Мэттью Макконахи

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Зеленый свет

Мэттью
Макконахи

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
М 15

Matthew McConaughey
GREENLIGHTS

Copyright © 2020 by Matthew McConaughey
Photo on page 287 by Anne Marie Fox
Photo on page 121 courtesy of Universal Studios Licensing LLC
Photo on page 156 licensed by Warner Bros. Entertainment
All other photos are courtesy of the author
All rights reserved

Перевод с английского Александры Питчер

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-19099-3

© А. Питчер, перевод, примечания, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2021
Издательство АЗБУКА®

*Тому, кем я всегда
хотел быть, и семье*

одержание

26

Часть первая:

ЛОГИКА
ВОЛЬНОДУМЦЕВ

68

Часть вторая:

НАЙДИ ВОЛНУ

100

Часть третья:

Проселочные
дороги
и магистрали

138

Часть четвертая:

ИСКУССТВО
БЕГА
с горы

190

Часть пятая:

Переверни страницу

238

Часть шестая:

СТРЕЛА не ищет ЦЕЛЬ,
цель ПРИТЯГИВАЕТ
стрелу

264

Часть седьмая:

ДЕРЗНИ взять
ВЫСОТУ

288

Часть восьмая:

ЖИЗНЬ как
ПОСЛЕДИЕ

Зеленый свет

1-22-89

I'VE FOUND MYSELF

- the most difficult word in the universe?
- WHOWHATWHEREWHENHOW?? - and that's the truth.
WHY? - is even bigger

I think I'll write a book. —————
A ^{word} ~~book~~ about my life.
I wonder who would give a damn
About the pleasures and the strife?

————— I think I'll write a book. —————
~~to~~ help the generations with the truth about the past?
Who's to say one would agree?
Shit! I'm tired. Hope that these thoughts last...

————— I still think I'll write a book. —————

- mood for the sayings
- favorite one
- physiological
- let life be no-things
- write a book.
Match 11-1-1989 towards

"Я Нашел Себя"

- самое трудное слово во вселенной?

- КТОЧТОГДЕКОГДАКАК?? — вот в чем правда.

ЗАЧЕМ? — еще важнее.

А может, книгу написать?

О жизни ^{слов} пару строк сказать.

Еще хотелось бы понять,

Будут ли ее читать.

А может, книгу написать?

О прошлом правду рассказать...

Что, кто-то станет возражать?

Ох, устал я. Ну, как знать...

Да, надо книгу написать.

- Настроение

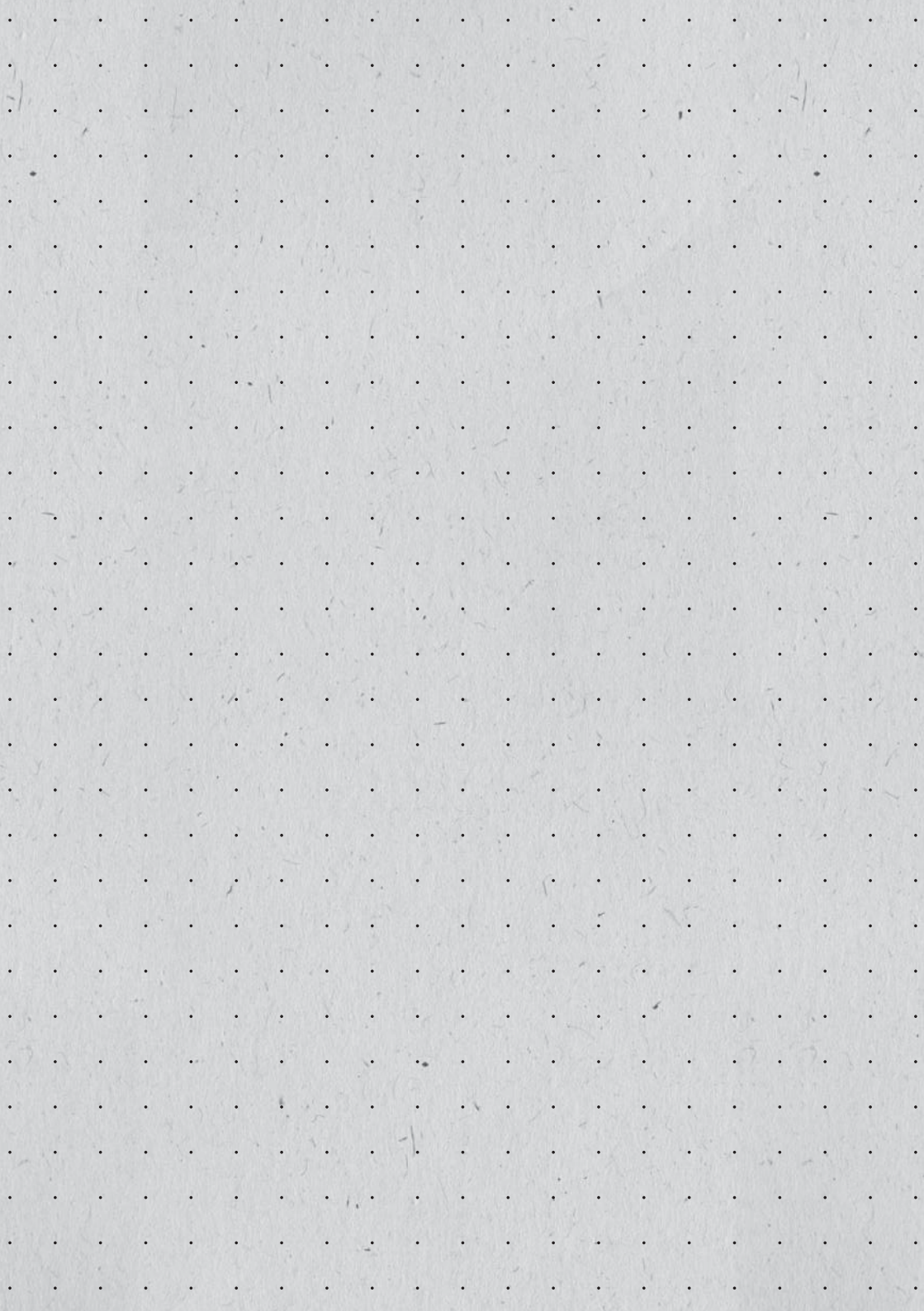
- Любимые фразы

- Физиологично

- Жизнь как она есть, не страшно, что без прикрас.

- Пиши книгу.

|| Нарина

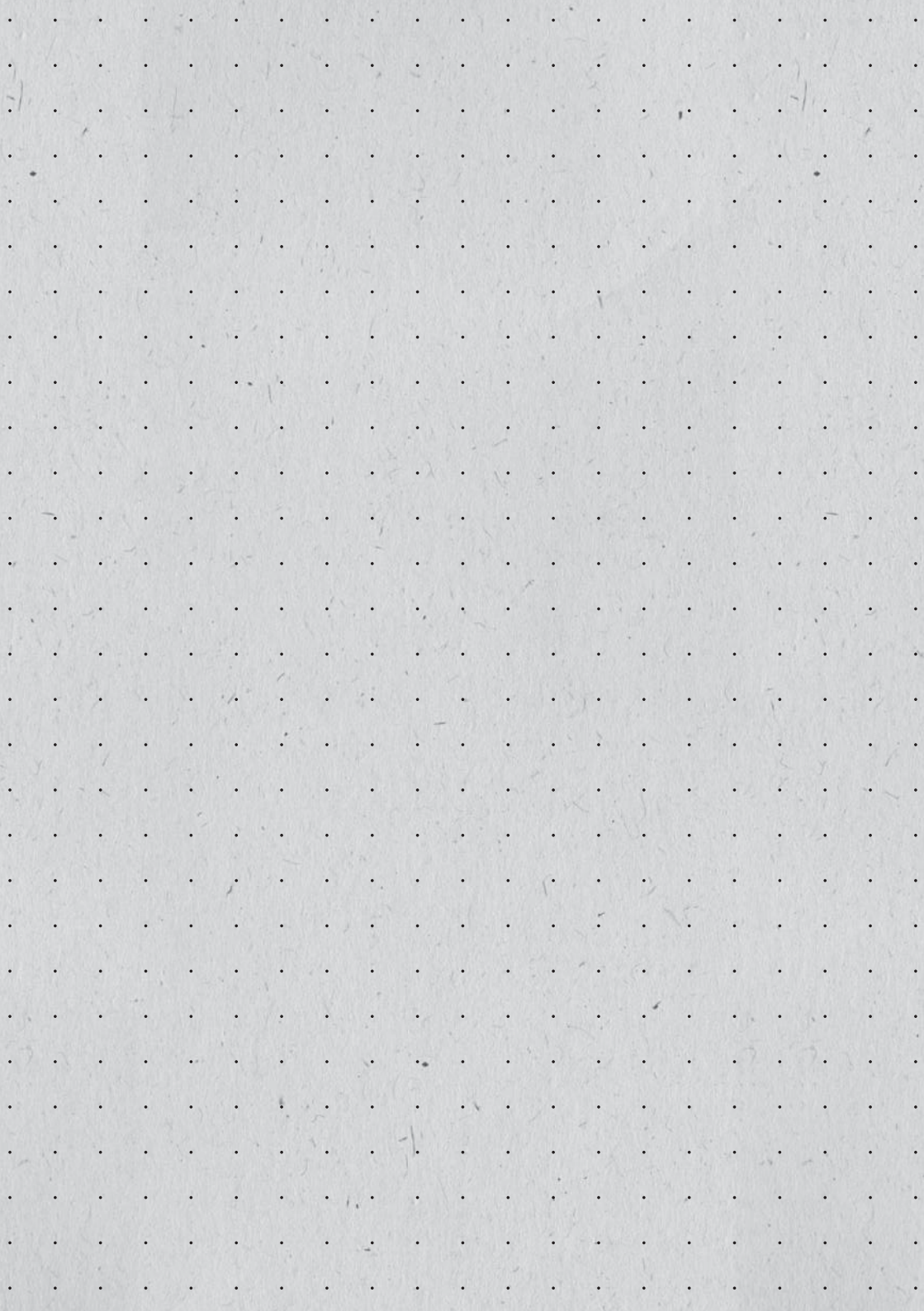

ЭТО НЕ ТРАДИЦИОННЫЕ МЕМУАРЫ. Да, я рассказываю о прошлом, но безо всякой ностальгии, сантиментов и отстранения, чего обычно ждут от мемуаров. И советов в этой книге нет. Я люблю проповедников, но не намерен читать проповеди и учить, как поступать.

Это концептуальная книга. Я рассказываю о своем прошлом, делюсь своими наблюдениями и соображениями, которые можно объективно осознать и, при желании, субъективно принять, изменив либо окружающую действительность, либо свой взгляд на нее.

Это своего рода пособие, основанное на случаях из моей жизни. Случаях важных, назидательных и забавных, иногда намеренно смешных, но чаще потому, что просто так сложилось. По натуре я оптимист и считаю юмор одним из главных наставников в жизни. С помощью юмора я превозмог боль, утраты и недоверие. Я не без изъяна; я все время влезаю в какое-то дерьмо, зато понимаю, куда я влез. Я научился соскребать грязь с ботинок и идти дальше.

Каждый из нас когда-нибудь влезает в дерьмо. Всю жизнь мы сталкиваемся с преградами и подставами, лажаем, болеем, не получаем того, чего хотим, переживаем тысячи «можно было и лучше» и «жаль, что так вышло». Так или иначе, но в дерьмо наступает каждый, поэтому можно либо считать, что это на счастье, либо найти способ делать это пореже.

К жизни

я ПРОЖИЛ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ, сорок два из которых пытался разгадать загадку жизни, а в течение последних тридцати пяти вел дневники, записывая в них подсказки к этой разгадке. Записи об успехах и неудачах, о радостях и горестях, о поразительном и о смешном. Тридцать пять лет я осмысливал, вспоминал, распознавал, собирал и записывал то, что меня восхищало или помогало мне на жизненном пути. Как быть честным. Как избежать стресса. Как радоваться жизни. Как не обижать людей. Как не обижаться самому. Как быть хорошим. Как добиваться желаемого. Как обрести смысл жизни. Как быть собой.

Я делал записи не для того, чтобы запомнить события, а наоборот, чтобы их забыть. Я боялся заглянуть в прошлое, встретиться со своими тогдашними мыслями, заранее опасаясь, что они мне не понравятся. Не так давно я наконец-то набрался смелости и перечитал все то, что написал за тридцать пять лет о том, кем я был в последние пятьдесят. И знаете что? Мне понравилось. Я смеялся, я плакал, я сообразил, что мне запомнилось много больше, а забылось гораздо меньше, чем я предполагал.

Что же я там отыскал? Всевозможные байки, жизненные уроки, которые я выучил и о которых забыл, стихи, молитвы, предписания, ответы на вопросы, заметки о вопросах без ответа, подтверждение некоторых сомнений, вера в то, что важно,

всякие теории относительности и множество бамперок*. Я обнаружил постоянство в своем подходе к жизни, которое приносило мне удовлетворение и тогда, и сейчас.

Я обнаружил основную тему.

Тогда я собрал все свои дневники и отшельником отправился в пустыню, где начал писать то, что сейчас перед вами: альбом, записки, историю своей жизни.

То, что я видел, о чем мечтал, к чему стремился, что давал и что получал.

Взрывы истины, которые неумолимо сотрясали мое жизненное пространство.

Договоренности с самим собой — и те, что я исполнил, и те, которые соблюдаю до сих пор.

Все это — мои взгляды и впечатления, чувства и ощущения, достойные и постыдные.

Благость, истина и красота жестокости.

Посвящения, приглашения, вычисления и восхождения.

Увертки, ловкие и не очень, и безуспешные попытки не намочнуть, танцую между каплями дождя.

Ритуалы и испытания.

Все в пределах или за пределами упорства и уступок, на пути к науке удовлетворения великим экспериментом, который называют жизнью.

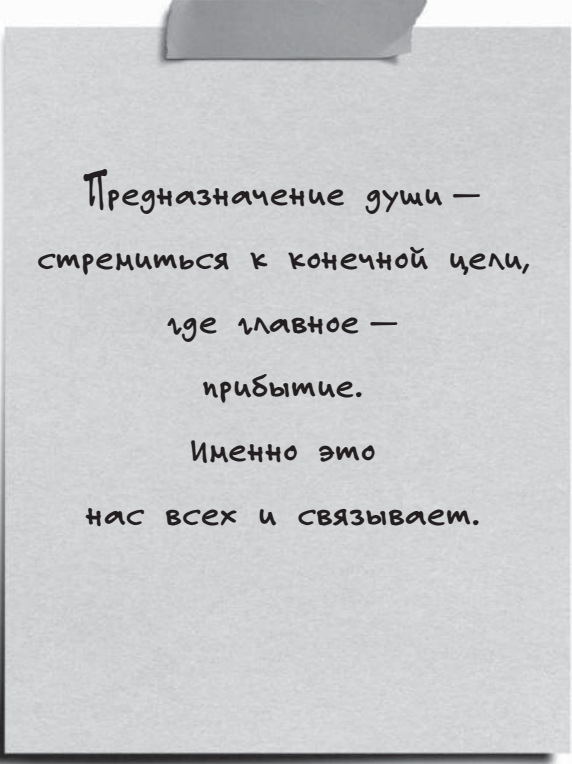
* Я так люблю наклейки на бампер, что выдумал для них слово «бамперка». Это короткие высказывания, юмористические, хлесткие, всякие личные пристрастия, выраженные публично. Это и дешево, и забавно. По своей сути они не всегда политкорректны, ведь это бамперки. То, каким шрифтом они написаны, какого они цвета, какими словами выражена мысль, прекрасно характеризует водителя машины впереди: его политические пристрастия, семейный статус, свободомыслие, благонамеренность, серьезность или насмешливость, домашние любимцы, музыкальные вкусы и даже религиозные взгляды. Я полвека коллекционирую бамперки — увиденные, услышанные, украденные, выдуманные или сказанные мной. Все они — и смешные, и серьезные — чем-то мне запомнились, потому что для этого они и существуют. Свои любимые бамперки я включил в эту книгу. *(Здесь и далее — примечания автора.)*

К жизни

Хочется верить, что это не горькое лекарство, всего лишь пара таблеток аспирина, а не больничная койка, экспедиция на Марс без полетного удостоверения, поход в церковь без того, чтобы родиться заново, смех сквозь слезы.

Любовное послание.

К жизни.

Предназначение души —
стремиться к конечной цели,
где главное —
прибытие.
Именно это
нас всех и связывает.

Иногда, чтобы продвинуться вперед,
надо вернуться. Вернуться, но не
ради того, чтобы предаваться
воспоминаниям или тонуть за
призраками прошлого. Вернуться,
чтобы понять, откуда ты пришел,
где был, как оказался ЗДЕСЬ.

— МДМ, реклама «линкольна»,
2014

Как я оказался здесь?

НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РОДЕО я заработал немало шрамов. Иногда получалось хорошо, иногда плохо, и в конце концов я привык наслаждаться и тем и другим. Расскажу-ка я кое-что о себе, чтобы было понятнее, в чем дело.

Я младший из трех братьев, сын родителей, которые дважды разводились и три раза вступали в брак. Друг с другом. С детства мы говорили друг другу: «Я тебя люблю». Искренне.

В десять лет я налепил переводную татуировку, и за это меня выпороли так, что задница посинела.

Когда я в первый раз пригрозил, что уйду из дома, родители собрали мне рюкзак.

Отец не присутствовал при моем рождении. Он позвонил маме и сказал: «Только очень прошу, если родится мальчик, не называй его Келли».

Всю жизнь больше всего на свете я хотел быть отцом.

Я научился плавать, когда мама столкнула меня в реку Льяно — либо сорвусь с водопада в тридцати ярдах ниже по течению, либо выберусь на берег. Я выбрался на берег.

Я всегда первым до дыр протираю коленки в суперпрочных джинсах «тафскин».

Два года подряд я получал больше всех красных карточек в детской футбольной лиге (до 12 лет). Я был вратарем.

Когда я начал нить, что мои единственные кеды старые и немодные, мама сказала: «Не канючь, а то познакомлю тебя с безногим мальчиком».

В пятнадцать лет меня шантажировали на секс. Тогда я свято верил, что секс вне брака — прямая дорога в ад. Сейчас я всего лишь смею надеяться, что это не так.

В восемнадцать меня избили до беспамятства, швырнули в автофургон и надругались.

В мексиканском городке Реал-де-Каторсе я, наевшись пейотля, оказался в клетке с кугуаром.

Мне на лоб наложили семьдесят восемь швов. Зашивал ветеринар.

Я заработал четыре сотрясения мозга, свалившись с четырех разных деревьев. Три из них — в полнолуние.

Я курил марихуану в чем мать родила, и меня арестовали.

Я оказал сопротивление при аресте.

Собираясь поступать в колледж, я подал документы в университет Дюка, Техасский университет в Остине, Южный методистский университет и университет Грэмблинга. Меня согласились принять три из четырех.

Я никогда не чувствовал себя жертвой.

У меня есть много доказательств того, что существует мировой заговор сделать меня счастливым.

В жизни мне удалось выкрутиться из бóльших неприятностей, чем я предполагал.

Мне часто попадались чужие стихи, автором которых был я, сам того не зная.

Я был наивен, озлоблен и циничен. Но я неколебимо верю в добросердечность — присущую и мне, и всему человечеству, — которая объединяет всех нас.

Я считаю, что правда оскорбительна, только если мы лжем.

Я воспитан на экзистенциальной логике вольнодумцев, на пышном наборе несуразностей, на фикции фантазмагорической физики, ведь все должно быть правдой, даже если это неправда.

КАК Я ОКАЗАЛСЯ ЗДЕСЬ?

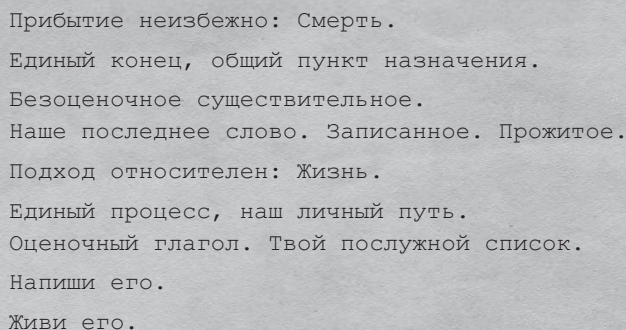
А вот любовь — не фикция. Любовь настоящая. Иногда кровавая, но без вопросов.

Я очень рано усвоил принцип относительности: как относиться к событиям и поступкам.

Я узнал, что такое стойкость, последствия, ответственность и тяжелый труд. Я научился любить, смеяться, прощать, забывать, играть и молиться. Я научился уговаривать, продавать, очаровывать, менять курс, превращать поражения в победы и травить байки. Я научился лавировать меж бед и радостей, меж похвал и гадостей, меж достатка и нехватки, меж любовных песнопений и отборных оскорблений. Особенно когда сталкиваешься с **неизбежным**.

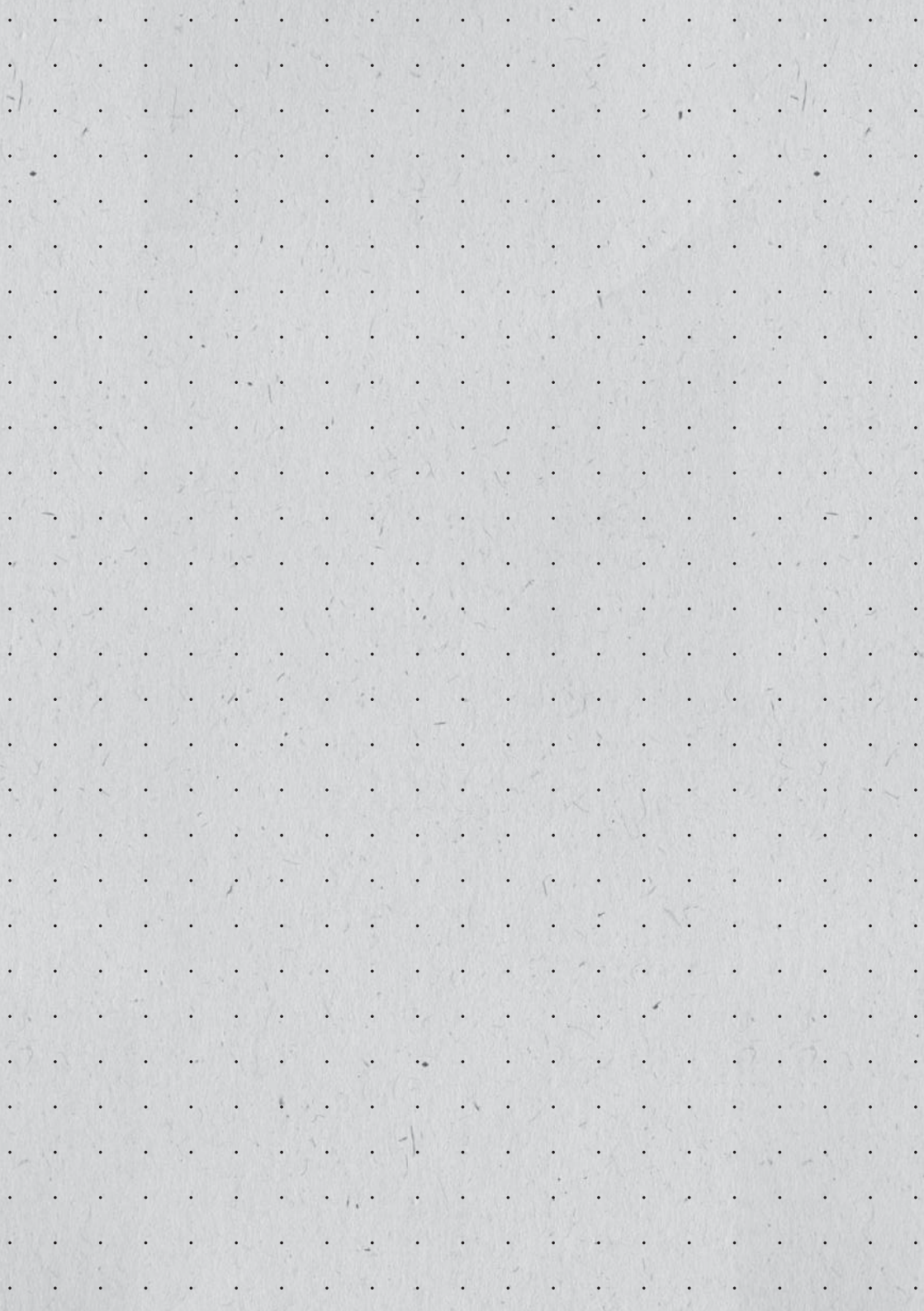
Это рассказ о том, как относиться к неизбежному.

Это рассказ о **зеленом свете**.

Прибытие неизбежно: Смерть.
Единый конец, общий пункт назначения.
Безоценочное сущестительное.
Наше последнее слово. Записанное. Прожитое.
Подход относителен: Жизнь.
Единый процесс, наш личный путь.
Оценочный глагол. Твой послужной список.
Напиши его.
Живи его.

Это первые пятьдесят лет моей жизни, мой послужной список, пока еще не дописанный до последнего слова.

Что такое **зеленый свет**?

ЗЕЛЕНЫЙ СИГНАЛ СВЕТОФОРА означает «идите» — шагайте вперед, двигайтесь, продолжайте. Светофоры регулируют дорожное движение, и если их правильно настроить, то машина попадет в «зеленую волну». **Зеленый свет** означает «следуйте вперед».

В жизни **зеленый свет** — подтверждение твоего пути. Одобрение, поддержка, похвала, подарок, растопка для нашего костра, молодец, возьми с полки пирожок. Это наличные, рождение, весна, здоровье, успех, радость, обеспеченность, невинность и новое начало. Все любят **зеленый свет**. Он не сбивает с пути. С ним легко. Он — как босоное лето. Он говорит «да» и дает то, чего ты **хочешь**.

Иногда **зеленый свет** притворяется желтым или красным. Предупреждение, объезд, пауза для размышлений, временная остановка, спор, несварение желудка, болезнь, боль. Точка, нож, помеха, неудача, страдание, пощечина, смерть. Никто не любит желтый и красный свет. Они замедляют, останавливают твой бег. С ними трудно. Они — босоногая зима. Они говорят «**нет**», но иногда дают то, что тебе **необходимо**.

Для того чтобы поймать **зеленый свет**, нужно умение: намерение, контекст, осмысление, выносливость, предвидение, стойкость, скорость и дисциплина. **Зеленый свет** можно поймать, если определить, где в твоей жизни горит красный, и изменить

курс так, чтобы его избежать. А еще **зеленый свет** можно заслужить или разработать и создать самому. Можно даже запланировать, где он должен быть в будущем — чтобы облегчить себе путь, — но для этого нужны сила воли, тяжкий труд и правильный выбор. Мы сами можем создавать **зеленый свет**.

Для того чтобы поймать **зеленый свет**, нужно уметь улучить момент. Момент в жизни мира, а не в твоей собственной. Когда попадаешь в струю, настраиваешься на волну. **Зеленый свет** можно поймать по счастливой случайности, просто оказавшись в нужное время в нужном месте. Удастся ли поймать **зеленый свет**, в будущем во многом зависит от интуиции, кармы и везения. Иногда поймать **зеленый свет** помогает **судьба**.

Успешное движение по магистрали жизни означает правильное отношение к неизбежному в нужный момент. Неизбежность ситуации не относительна; *когда* признаешь, что какая-то ситуация приведет к неизбежному результату, относительным является то, *как* ты намерен к этому отнестись. Можно либо и дальше **настойчиво добиваться** желаемого, либо **изменить направление** и зайти с другой стороны, либо **признать поражение** и смириться с судьбой. Продолжаешь, меняешь планы или поднимаешь белый флаг и живешь себе дальше.

Это и есть секрет того, как жить в свое удовольствие: *что* из перечисленного выбирать и *когда*.

Такое вот искусство жизни.

Я верю, что все наши поступки — часть плана. Иногда все идет по плану, а иногда нет. И это тоже часть плана. Осознание этого — очередной **зеленый свет**.

В конце концов сегодняшние трудности в зеркале заднего вида твоей жизни окажутся скрытым благословением. Со временем вчерашний красный свет ведет тебя к **зеленому свету**. Все разрушения рано или поздно приводят к созиданию, смерть ведет к рождению, боль — к наслаждению. В этой жизни или в следующей все, что падает, обязательно поднимется.

Все дело в том, как относиться к стоящим перед нами проблемам и как с ними справляться. **Настойчиво добивайся,**

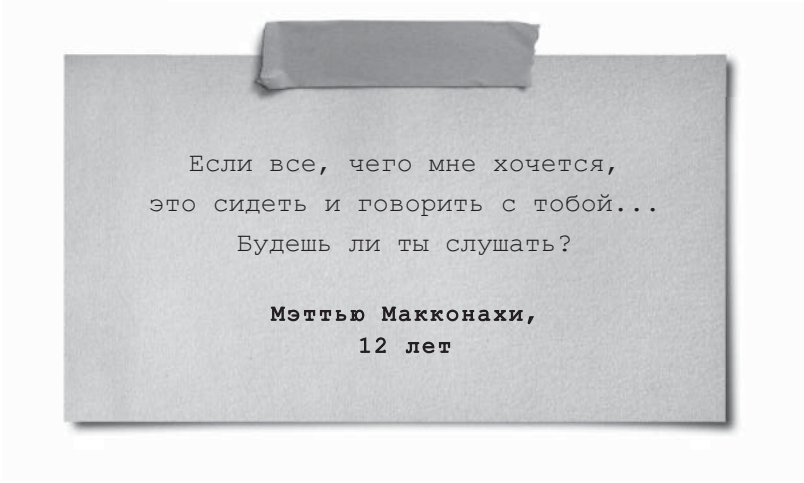
ЧТО ТАКОЕ ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ?

меняй курс или признавай поражение. Выбор делаешь ты сам, и всякий раз выбор зависит лишь от тебя самого.

Эта книга о том, как поймать больше «да» в мире, полном «нет», и как распознать, *когда* именно «нет» на самом деле оказывается «да». Эта книга о том, как ловить **зеленый свет** и как осознать, что желтый и красный в конце концов становятся зеленым.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Сознательно и намеренно... Удачи.

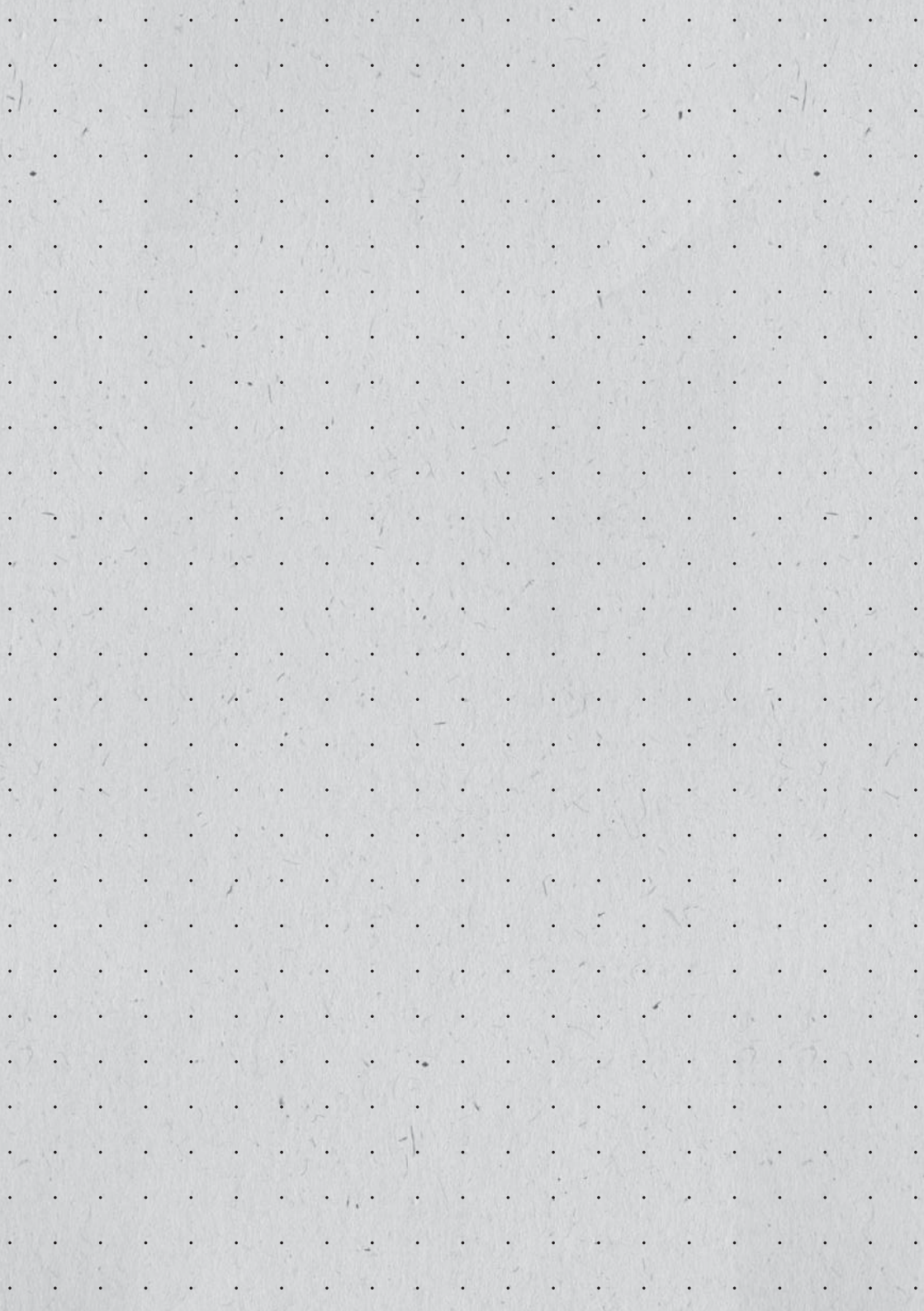

Если все, чего мне хочется,
это сидеть и говорить с тобой...
Будешь ли ты слушать?

**Мэттью Макконахи,
12 лет**

Часть первая

**ЛОГИКА
ВОЛЬНОДУМЦЕВ**

1974 Г. СРЕДА, ВЕЧЕР

ОТЕЦ ТОЛЬКО ЧТО ВЕРНУЛСЯ с работы. Швырнул в стиральную машину замызганную синюю рубаху (на левом нагрудном кармане вышито «Джим») и в одной майке сел во главе стола. Проголодался. Мы с братьями уже поужинали. Мама вытащила из духовки отцовскую порцию и метнула тарелку по столешнице.

— Солнышко, пюрешки побольше, — сказал отец, принимаясь за еду.

Он был человеком крупным: ростом шесть футов четыре дюйма, весом 265 фунтов. «Самый что ни на есть бойцовый вес, — говорил он. — Был бы легче, слег бы с простудой». В его сорок четыре года 265 фунтов выпирали в местах, которые в этот вечер совершенно не привлекали маму.

— Тебе пюрешки мало, ЖИРДЯЙ? — рявкнула она.

Я спрятался за диван в жилой комнате, занервничал.

Отец, не поднимая головы, продолжал есть.

— Глянь, какое пузо отрастил. Ну жри, жри, ЖИРДЯЙ, — приговаривала мама, наваливая в отцовскую тарелку невероятное количество пюре.

И понеслось. БАБАХ! Отец оттолкнул стол к потолку, встал и подступил к маме.

— Черт побери, Кэти, я целыми днями горбачусь, прихожу домой отдохнуть, дай хоть поесть спокойно.

Ну, дальше пошло-поехало.

Мои братья знали, что будет. И я знал. И мама знала, поэтому бросилась к телефону на дальней стене кухни, чтобы вызвать полицию.

— А тебе все нейдет, да, Кэти? — процедил отец сквозь сжатые зубы и, тыча указательным пальцем, двинулся к ней через кухню.

Мама с размаху зафигачила ему по лицу телефонной трубкой.

Из разбитого носа хлынула кровь.

Мама подбежала к шкафчику, схватила двенадцатидюймовый поварской нож и пригрозила:

— Что, слабó тебе, ЖИРДЯЙ?! Вот я тебе сейчас все кишки выпущу!

Они кружили посреди кухни. Мама грозила ножом, отец с разбитым в кровь носом злобно скалился. Он сгреб початую четырнадцатиунциевую бутылку кетчупа «Хайнц», открыл крышку и стал размахивать бутылкой, как клинком.

— Давай-давай, ЖИРДЯЙ! Я тебе живо пузо пропорю!

Отец встал в позу матадора и начал прыскать на маму кетчупом.

— Ага! Попал! — с издевкой вопил он, прыгая из стороны в сторону.

Он ловко уворачивался от поварского ножа и поливал маму кетчупом, отчего она злилась все больше и больше.

— И снова попал! — язвил отец, когда маму пересекала очередная красная полоса.

Так продолжалось некоторое время, пока мама не обессилела от гнева. Перепачканная кетчупом, она швырнула нож на пол и выпрямилась, тяжело дыша и размазывая слезы по щекам.

Отец отбросил бутылку кетчупа, перестал изображать матадора и ткнул носом в предплечье, вытирая кровь.

С минуту они глядели друг на друга: на мамином лице слезы смешались с кетчупом, на отцовскую грудь стекала струйка крови. Внезапно родители сорвались с мест и стиснули друг друга в безумных объятьях, потом упали на колени, повалились на окровавленный, залитый кетчупом линолеум... и занялись любовью. Красный свет стал зеленым.

Потому что у моих родителей были вот такие отношения.

Поэтому мама, вручив отцу приглашение на их собственную свадьбу, заявила: «На обдумывание — сутки».

Поэтому мама с отцом трижды вступали в брак и дважды разводились — друг с другом.

Поэтому отец четыре раза ломал маме средний палец, чтобы она не тыкала ему в лицо.

Вот такая у них была любовь.

золотое правило и все в меру

Два выражения, которые часто называют общими правилами жизни.

И в каждом есть подвох.

Иногда люди не хотят делать то, что хочешь делать ты.

А то, что один назовет аппетитом, у другого вызовет несварение желудка.

Покинув Ирландию, клан Макконахи расселился по миру — от Ливерпуля в Англии до Нового Орлеана и Литтл-Рока в Западной Виргинии. Среди моих предков нет благородных особ. Зато есть скотокрады, азартные игроки на прогулочных пароходах и телохранитель Аль Капоне.

Мой отец родился в Паттерсоне, штат Миссисипи, но вырос и считал родным домом Морган-Сити в Луизиане.

Мама родом из Алтуны, штат Пенсильвания, но всем говорила, что из Трентона, в Нью-Джерси, потому что «кому ж понравится быть родом из Алтуны».

У меня два брата. Старшего, Майкла, вот уже сорок лет зовут Рустером, потому что даже если он ложится спать за полночь, то все равно просыпается с петухами, на рассвете. Когда ему исполнилось десять, он заявил, что хочет в подарок братика, поэтому в 1963 году родители усыновили моего второго брата, Пэта, из методистского детского приюта в Далласе. Каждый год они предлагали Пэту устроить встречу с его настоящими

родителями, но он упрямо отказывался, а когда ему исполнилось девятнадцать, вдруг согласился. В назначенную дату мама, отец и Пэт отправились в Даллас. Мама с отцом остались в машине, припаркованной на обочине у дома. Пэт подошел к двери, позвонил и вошел, а спустя пару минут вышел и уселся на заднее сиденье.

— В чем дело? — спросили родители.

— Да я хотел взглянуть, не облысел ли отец, потому что у меня начала редеть шевелюра.

Первая свадьба
22.12.1954

Вторая свадьба
18.12.1959

Мое появление на свет было случайностью. Родители много лет пытались завести еще одного ребенка, но безуспешно, поэтому до пятого месяца беременности мама считала, что у нее опухоль. Когда начались роды, отец отправился не в больницу, а в бар, так как подозревал, что я — не от него.

А все-таки я — от него.

В первый раз меня выпороли за то, что в детском саду я откликнулся на имя Мэтт («Ты же не щенок какой-нибудь!» — орала мама), второй — за то, что я сказал брату: «Я тебя ненавижу!», третий — за «не могу», а четвертый — за то, что солгал об украденной пицце.

За «дерьмо», «черт» и «твою мать» мне мыли рот мылом, но в общем ругали только за те слова, употребление которых было чревато большими неприятностями. Для меня самого. **За оскорбительные слова.** Вообще-то, слова сделали меня тем, кто я есть, потому что они были больше чем просто слова. Они выражали определенные ожидания, приводили к определенным последствиям. Они были **ценностями**.

От родителей я узнал, что имя мне дали не случайно.

Узнал, что нельзя ненавидеть.

Научился не говорить «не могу».

И никогда не лгать.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Слова моментальны.

Намерения монументальны.

Родители не *надеялись*, что мы будем следовать установленным правилам, а *ожидали* этого. Несбывшиеся ожидания ранят большее несбывшихся надежд, а сбывшиеся надежды доставляют больше счастья, чем сбывшиеся ожидания. У надежд бо́льшая отдача счастья и меньшие затраты на исполнение, но измерению они поддаются плохо. А мои родители предпочитали измерять.

Я ни в коем случае не пропагандирую телесные наказания как воспитательный метод, но знаю, что в детстве не делал того, что запрещалось, потому что не хотел порки. А еще я знаю, что *делал то, что следовало*, потому что хотел заслужить родительскую похвалу. Такие вот последствия.

Я родился в любящей семье. Мы всегда любили друг друга, даже когда в ком-то что-то и не нравилось. Мы до сих пор обнимаемся, целуемся, дурачимся и в шутку деремся. Мы не злопамятны.

Среди моих предков много тех, кто нарушал правила. Много свободомыслящих вольнодумцев, которые всегда голосовали за республиканцев, веря, что *это не позволит другим вольнодумцам вторгаться на нашу территорию*.

В нашей семье придерживались строгости и требовали соблюдать правила, до тех пор, пока у тебя не *хватит смелости их нарушить*. Мы вели себя так, как велели мать с отцом, потому что «так сказано», а непослушание наказывалось не лишением права гулять, а ремнем или оплеухами, потому что «так доходчивее и отнимает меньше драгоценного времени». Часто сразу после порки родители вели нас в нашу любимую кафешку, на чизбургеры и молочный коктейль, отмечая затверженный урок. Нас могли отругать за нарушение правил, но если уж попался с поличным, то порки было не избежать. Такое обращение на первый взгляд кажется жестоким, и то, что для нас привычно, часто задевает других, но мы с этим вполне справляемся и ни на что не жалуемся.

Подобная жизненная философия сделала меня ловчилой во всех смыслах этого слова. Я привык работать, и мне нравится ловчить. А еще благодаря этому мне есть о чем рассказать.

Как истинный сын американского Юга, начну с рассказа о маме. Она — та еще штучка, живое доказательство того, что ценность отпирательства целиком и полностью зависит от степени упрямства. Мама дважды победила рак — с помощью аспирина и упрямого нежелания признать болезнь. Она из тех женщин, которые не задумываясь, с ходу заявляют «я сделаю» и «я готова» и говорят «я обязательно приду», не дожидаясь приглашения. Ярая приверженка всего, что выгодно для нее, она не привыкла ни поступать сообразно ситуации, ни учитывать чужое мнение, потому что не терпит ждать чьего-то позволения. Может быть, она и не самый умный человек на свете, но ее это нисколько не волнует.

Сейчас ей восемьдесят восемь лет, но мне все равно редко когда удастся лечь спать позже или проснуться раньше, чем она. В молодости она не возвращалась с танцев до тех пор, пока не протирала чулки до дыр.

Она с такой скоростью находит себе извинения, что никогда не расстраивается. Однажды я спросил ее, жалеет ли она о чем-то в конце дня, и она тут же ответила: «Каждый день, сынок, только к утру я по-любому об этом забываю». Она всегда заявляла: «В чужой дом надо входить не как покупатель, а как владелец». Естественно, ее любимое слово — «да».

В 1977 году мама отправила меня на конкурс «Юный мистер Техас» в городе Бандера.

Я выиграл приз.

Мама вставила фотографию в рамку и повесила на стену в кухне.

Каждое утро за завтраком она показывала на фотографию и говорила: «Вот полюбуйтесь, победитель, юный мистер Техас семьдесят седьмого года».

В прошлом году я случайно наткнулся на эту фотографию в мамином фотоальбоме и заметил какую-то надпись на призе. Увеличив изображение, я прочел: «Второе место».

Я позвонил маме, королеве относительности, и сказал:

— Мам, ты всю жизнь утверждала, что я победил на конкурсе «Юный мистер Техас», а на самом деле я занял второе место.

— Нет, первое место отдали мальчишке из богатой семьи, потому что его нарядили в дорогой костюмчик с жилеткой, — ответила она. — Это нечестно. Так что юный мистер Техас — это ты.

Потом, в 1982 году, в седьмом классе, я принял участие в поэтическом конкурсе. За день до конкурса я показал маме свое стихотворение.

— Неплохо, — сказала она, — но надо доработать.

Я ушел к себе в комнату сочинять новый вариант.

Пару часов спустя, довольный написанным, я снова принес стихи маме.

Она прочитала. Ничего не сказала.

— Ну как? — спросил я.

Она не ответила. Открыла книгу в твердой обложке на заложенной странице, положила передо мной, ткнула пальцем и заявила:

— А как тебе вот это?

Если все, чего мне хочется,
это сидеть и говорить с тобой...

Будешь ли ты слушать?

Это было стихотворение Энн Эшфорд.

— Мне нравится, — сказал я. — А что?

— Вот *так* и напиши, — сказала мама.

— Как — *так*? В каком смысле?

— Ты ведь его понимаешь?

— Да, но...

— Если оно тебе нравится и если ты его понимаешь, то оно — *твое*.

— Мам, но оно ведь на самом деле не мое, а Энн Эшфорд.

— А что оно для тебя означает?

— Ну, когда тот, кого ты любишь, просто хочет посидеть с тобой и поговорить...

— Вот именно. Значит, если оно тебе нравится, если ты его понимаешь и если оно для тебя что-то означает, то оно — *твое*. Вот и напиши его.

— И подписать своим именем?

Да.

Я так и сделал.

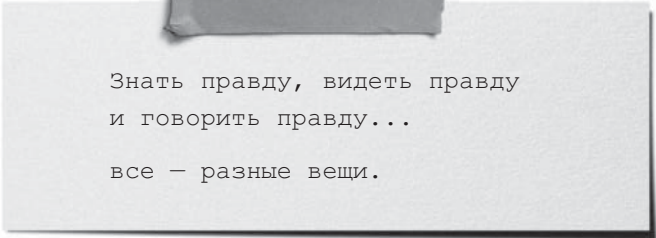
И выиграл поэтический конкурс.

Мама не получила никакого воспитания и, поскольку не любила свое детство и юность, отвергла свое прошлое и придумала себе новое. Она твердо верила: то, что ты понял, принадлежит тебе, а значит, его можно присвоить, пользоваться как своим, продавать как свое и получать за это награды. Плагиат?

— Да плевать. Все равно никто ничего не узнает, а если узнают, то ничего плохого не сделают. Только обвинят и медаль отберут. Да ну их, — говорит мама.

Очевидно, что мама готовила меня в актеры задолго до того, как я сам избрал эту профессию.

ЗЕЛЕНый СВЕТ

Знать правду, видеть правду
и говорить правду...
все — разные вещи.

Мама учила нас рисковому экзистенциализму, а отец — здравому смыслу. Он ценил почтительное обращение, «да, сэр», «нет, сэр», дисциплину, верность, настойчивость, добросовестность, честный труд, скромность, ритуалы взросления, уважение к женщинам и способность зарабатывать деньги на содержание семьи. А еще он писал картины, учился балету, играл в футбольной команде «Грин-Бей Пэкерс», не брезговал азартными играми, не пропускал мошеннических схем-«пирамид», любил выигрывать, а не покупать вещи и мечтал, «если сильно повезет», открыть закусочную на флоридском пляже.

Воспитывая сыновей, отец сперва ломал, а потом строил. Он уважал желтый свет, поэтому первым делом заставил нас усвоить основополагающие принципы поведения и лишь после этого проявлять индивидуальность. Выражаясь языком футболистов, сначала он учил нас играть в защите, а потом в нападении.

Всем было ясно, кто в доме хозяин, и если кто-то из нас троих пытался поставить это под сомнение, то отец хмыкал: «Ну вы знаете, где меня искать». Мы его боялись. Не потому, что он нас бил или еще как-то измывался, а потому, что он был наш отец. Мы брали с него пример. Для нас он был и высшим законом, и властью. Он не выносил дураков, но смягчался, если ты признавал, что слупил. Огромный, как медведь, он был снисходителен к неудачникам и беспомощным людям, а к миру и к себе самому относился с грубоватым юмором. «Лучше потратить

деньги на веселье, чем зарабатывать их скукой». Однажды, в конце 1980-х, банк отказал ему в выдаче кредита, и отец заявил банковскому служащему: «Ну, либо сейчас вы захлопнете передо мной дверь, либо мы с вами выйдем из банка друзьями». Кредит ему все-таки выдали. Отец обожал устраивать вечеринки,

Джим Макконахи

Большой Джим Макконахи, участник двух кубковых игр, собирается завершить свою карьеру в студенческом футболе последней игрой в первый день нового года. Двадцатидвухлетний студент выпускного курса, весом 210 фунтов и ростом шесть футов два дюйма, уроженец луизианского города Метери, был защитником в «Кентукки уайлдкэts», команде «Медведя» Брайанта, которая в 1949 году проиграла Оранж-Боул команде «Бронкос» из Санта-Клары.

...Самыми интересными событиями студенческого футбола он считает кубок Салад-Боул прошлого сезона и игру с командой Техасского технологического университета. «В обеих играх наша защита сработала...» — с улыбкой говорит он... Спортивная карьера Джима началась в Метери, где он был одним из девяти участников легкоатлетической команды, которая стала чемпионами Луизианы в 1947 году. Он стал первым в беге с барьерами, вторым в прыжках в высоту, вместе с другими участниками команды занял второе место в эстафетах на 880 и 440 ярдов и в челночном забеге. На втором и третьем курсах он был центровым в баскетбольной команде, но потом «чересчур заматерел для этой игры»...

В 1948 году он поступил в Кентуккийский университет, где на первом курсе играл в футбольной команде с Бейбом Парилли... Джим познакомился с Кей, университетской королевой красоты 1949 года, и 22 декабря прошлого года они сыграли свадьбу... «Поездка на Салад-Боул стала нашим свадебным путешествием», — с улыбкой пояснил он...

Он прекрасный танцор и предпочитает «медленную музыку». Правда, говорит Джим, что у него нет времени на хобби или на другие виды спорта. Зато он великолепно играет в защите, а тренеры утверждают, что, принимая во внимание его физические данные, опыт и маневренность, в этом сезоне его будут использовать и в нападении.

ДЖИМ МАККОНАХИ

Он играет под номером 88!

пить пиво и травить байки — и все это у него прекрасно получалось.

Майк — его старший сын. Майком отец занимался больше, чем Пэтом или мной, во-первых, потому что Майк был его первенцем, а во-вторых, к появлению нас с Пэтом отец работал в разъездах. У Майка — уверенного в себе, трудолюбивого, смышленного и запальчивого парня — была душа хиппи, и он вставал на защиту всех, кто послабее. Он никогда не терял головы, был равнодушен к боли, как барсук, и при первом же признаке неприятностей все обращались к нему. Мама всегда говорила, что он любую смерть переживет и, в отличие от нас с Пэтом, за него даже молиться не надо.

В нас воспитали уважение к Ветхому Завету, но адскими муками особо не пугали. В родительских принципах воспитания нашлось место и для милосердного учения Иисуса Христа.

В старших классах Майк отрастил патлы такой длины, что тренер футбольной команды Джим Колдуэлл попросил его подстричься. Отец с ним согласился, но Майк отказался.

На следующий день отец повез Майка в школу и по дороге сказал:

— Сынок, ты прямо как настоящий хиппи. Если не обкорнаешь патлы, тренер погонит тебя из команды.

— А мне плевать, пап. Мои волосы, что хочу, то и делаю. Пусть себе гонит, мне все равно. Стричься я не буду.

— Слушай, сынок, лучше не упрямясь и подстригись.

Возмущенный Майк возразил:

— Нет, папа. Не буду я стричься.

— Сынок, я же тебе сказал...

— А у Иисуса тоже были патлы, — выпалил Майк.

Отец молчал. Майк знал, что совершил ловкий ход, помянув религию, и что, возможно, все сложится в его пользу. Отец молча вел машину. Когда они подъехали к школе, Майк окончательно уверился, что Иисус ему помог, но тут отец газанул и промчался мимо школы.

— Эй, пап, ты чего? — спросил Майк.

Не говоря ни слова, отец отъехал на восемь миль от школы, потом вдруг свернул на обочину, потянулся к пассажирской дверце, распахнул ее, вытолкнул моего брата из салона и буркнул:

— Иисус ходил пешком.

В тот день мой брат явился в школу с опозданием. Не только потому, что ему пришлось пройти восемь миль, но еще и потому, что по пути он зашел в парикмахерскую.

Трудовой путь отец начал на бензозаправке «Тексако», потом занялся перевозкой труб, а потом стал поставщиком труб в местной компании «Генско». Он был хорошим продавцом. Он устроил Майка в отдел продаж, и Майк стал замечательным продавцом, причем очень быстро. Спустя два года, когда Майку исполнилось двадцать два, его признали лучшим продавцом компании. Директор компании поручил ему самого важного клиента, Дона Ноулса. Отец очень гордился Майком, но при этом помнил, что Майк — его сын.

За нашим домом был деревянный амбар, выходивший в проулок. В амбаре стояла фура, оставшаяся с тех времен, когда отец занимался перевозкой труб. Как-то субботним вечером отец сказал Майку:

- Давай-ка выпьем пивка и пойдем в амбар, ножи метать.
- Договорились, пап. Вечером увидимся.

Часов в десять вечера, основательно залившись пивом, отец предложил:

— А пойдем покатаем трубы! Давненько мы с тобой этим не занимались.

«Катать трубы» означало подогнать пустую фуру к чужому складу труб, загрузить ее под завязку и умыкнуть товар. Когда отец занимался перевозкой труб, они с Майком частенько такое проделывали по субботам.

- А на чей склад поедем, пап?

Отец уставился на Майка и заявил:

- К Дону Ноулсу.

Вот же ж черт.

- Нет, пап, я пас. Ты же знаешь, Ноулс теперь мой клиент.

— Знаю. А еще знаю, что это я пристроил тебя в «Генско». Без меня не видать тебе таких клиентов как своих ушей. Кто для тебя важнее, сынок? Родной отец или долбаный Дон Ноулс?

- Пап, ну так нечестно!

— Что нечестно? С чего ты нос воротишь? Западло с отцом трубы покатасть? Важной птицей заделался, а?

Вот же ж черт.

- Пап, ну не шуми...

Отец снял рубашку.

— Нет уж, давай-ка посмотрим, что ты за важная птица такая! Против родного отца выступаешь? Ну-ка, докажи, хватит ли у тебя силенок.

- Пап, я ж не хочу...

Бац! Отец влепил Майку увесистую оплеуху. Майк отступил на шаг, выпрямился и закатал рукава:

- Ах вот, значит, ты как?

— Да вот так! Давай-давай, молокосос, покажи, на что ты способен.

В отце было 265 фунтов веса и 6 футов 4 дюйма роста. В Майке — 180 фунтов и 5 футов 10 дюймов.

Вот же ж черт.

Отец, пригнувшись, хуком справа врезал Майку в челюсть. Майк упал. Отец подступил к нему. Майк приподнялся и заметил рядом пятифудовый отрезок бруса сечением два на четыре дюйма. Не успел отец в очередной раз ударить сына, как Майк схватил брус, замахнулся им, как бейсбольной битой, и стукнул отца в правый висок.

Отец покачулся, слегка оглушенный, но устоял на ногах.

— Прекрати, пап! Я не хочу с тобой драться! И воровать трубы у Дона Ноулса тоже не хочу!

Из отцовского уха текла кровь. Отец повернулся и врезал Майку еще одним хуком справа.

— Хрен тебе! — сказал он, повалив сына на землю.

Брус отлетел в сторону. Майк, защищаясь от ударов, сгреб горсть мелкого гравия и швырнул отцу в лицо, на время ослепив его.

Отец отшатнулся.

— Пап, ну хватит уже! Все, закончили.

Но отец не унимался. Ничего не видя, он бросился на голос сына. Майк легко увернулся.

— Хватит, пап!

Отец взревел, как слепой медведь с окровавленными ушами, и снова накинудся на Майка.

— Где ты, сопляк? Где мой сын, который не желает с отцом трубы катать?

Майк поднял брус и перехватил поудобнее.

— Папа, я тебя предупреждаю, завязывай. Еще раз ко мне полезешь, я тебя этой деревяшкой шаряхну.

Услышав это, отец выпрямился и заявил:

— Ну, попробуй.

И метнулся к Майку.

БАЦ!

Отец огреб брусом по голове. И в беспамятстве упал.

— Ох, черт! Папа!!! — встревоженно крикнул Майк и внезапно испугался, что убил отца.

Из глаз брызнули слезы. Майк опустилсЯ на колени:

— Папа! Ну я же просил, не лезь ко мне!

Отец не шелохнулся. Четыре с половиной минуты Майк на коленях рыдал над поверженным отцом:

— Пап, я не хотел, я же просил, не нарывайся!!!

Отец наконец-то очухался и медленно встал.

— Папа, извини, пожалуйста! Прости меня! — закричал Майк.

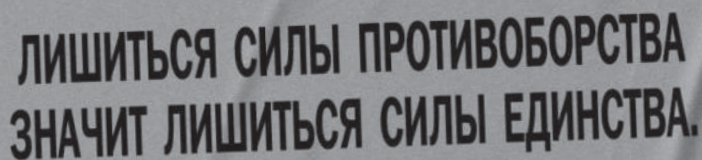
Отец расправил плечи и стряхнул гравий со щек. Майк, всхлипывая от страха и волнения, приготовился к очередной атаке. Отец свежим взглядом смотрел на молодого человека, который только что его оглушил. На своего первенца.

Драка закончилась. По отцовским щекам струились слезы — слезы гордости и радости. Он раскинул руки, подошел к Майку и сдал его в медвежьих объятиях, нашептывая ему на ухо:

— Молодец, мальчик мой! Молодец, сынок!

С того самого дня отец признал Майка равней себе и держался с ним на равных. И больше никогда не бросал ему вызов и не мерился с ним силами — физическими, духовными или моральными. Они стали лучшими друзьями.

Видите ли, для отца были очень важны ритуалы взросления. Если ты считал, что можешь с ним справиться, то должен был это доказать. Что Майк и сделал.

ЛИШИТЬСЯ СИЛЫ ПРОТИВОБОРСТВА
ЗНАЧИТ ЛИШИТЬСЯ СИЛЫ ЕДИНСТВА.

Пэту тоже выпала честь испытать на себе отцовские методы превращения мальчиков в мужей. За последние сорок лет, пока Рустер делал карьеру в нефтяном бизнесе Западного Техаса, а я — в Голливуде, Пэт оставался верен семье и поддерживал самые близкие отношения с мамой. В юности он со мной нянчился, защищал меня, принимал в компанию своих друзей, познакомил меня с рок-н-роллом, научил играть в гольф, водить машину и приглашать девушек на свидание.

Для меня Пэт был героем. Его же героем был Ивел Книвел.

Пэт прошел отцовское испытание на прочность в пятницу, ранней весной 1969 года, за восемь месяцев до моего чудесного рождения. Отец с друзьями отправился на охоту, в угоду Фреда Смизера, в нескольких часах езды от нашего дома.

Вечером подгулявшие охотники решили развлечься, устроив соревнования «кто посылит выше головы». Все выстроились вдоль амбарной стены, пометили меловой чертой рост каждого, а затем по очереди «подходили к снаряду». Отец одержал уверенную победу, окропив свою отметку на высоте 6 футов 4 дюйма. Какой приз ему достался? Право хвастаться.

Однако же самым высоким среди собравшихся был не отец, а Фред Смизер, ростом 6 футов 7 дюймов. И хотя отца уже объявили победителем, он решил проверить, сможет ли взять и эту высоту.

— Давай, Большой Джим! — подбадривали его приятели. — У тебя получится!

Отец выхлебал еще банку пива, изготовился и пустил струю.

Но выше шести футов четырех дюймов не попал.

— Вот, я же говорил, выше *моей* головы не посышь! Такого никто не сможет! — заявил Фред Смизер.

На что отец тут же ответил:

— А мой сын сможет!

— Ну ты загнул, Джим, — ухмыльнулся Фред. — Выше *моей* головы никто не посылит, даже твой сын.

— Ни фига. Хочешь на спор?

— Ладно. На что спорим?

В углу амбара стоял мотоцикл-внедорожник «Хонда XR-80». Дело в том, что Пэт целый год просил подарить ему внедорожник на Рождество, а отцу такие расходы были не по карману.

— А вот спорим на этот мотоцикл, Фред, что мой сын посылит выше *твоей* головы.

Все захохотали.

Фред посмотрел на мотоцикл, перевел взгляд на отца и сказал:

— По рукам. А если не посылит, с тебя двести долларов.

— Ну, таких денег у меня не водится, Фред. Но если мой сын не посылит выше *твоей* головы, забирай мой пикап.

— Заметано, — сказал Фред.

— Договорились. Я съезжу за сыном, к рассвету вернемся, так что не вздумайте дрыхнуть.

Отец сел в свой старенький пикап и отправился домой, в Ювалде, за 112 миль от охотничьих угодий Фреда Смизера.

— Просыпайся, дружок, — негромко сказал отец, расталкивая спящего Пэта. — Надевай куртку и обувайся, мы сейчас поедем.

Восьмилетний Пэт вылез из постели, надел кеды, натянул куртку поверх белья и пошел в туалет.

— Нет-нет, сынок, — остановил его отец. — Терпи.

И повез Пэта за 112 миль, заставив по пути выпить две банки пива. К Фреду Смизеру они приехали без двадцати пять. Мочевой пузырь Пэта раздулся до предела.

— Пап, мне невтерпеж...

— Знаю, сынок, знаю. Погоди еще минуточку.

Отец с Пэтом (кеды, куртка, нижнее белье) вошли в амбар. Охотники поутихли, но не заснули. И Фред Смизер тоже.

— Ребята, это мой сын Пэт. И сейчас он поссыт выше Фредовой головы.

Все расхохотались.

Фред подошел к амбарной стене и провел над головой меловую черту — на высоте шесть футов семь дюймов.

— Пап, чего это он? — спросил Пэт.

— Видишь отметку на стене?

— Да, сэр.

— Сможешь до нее досать?

— Делов-то! — Пэт стянул трусы до колен, обеими руками взялся за писюн, прицелился и пустил струю.

На два фута выше отметки Фреда Смизера.

— Молодец, сынок! Ну, что я вам говорил? Мой сын ссыт выше головы Фреда!

Отец метнулся в угол амбара, схватил мотоцикл и подкатил его к Пэту.

— Счастливого Рождества, сынок!

Они загрузили «хонду» в кузов отцовского пикапа и, проехав еще 112 миль, вернулись домой к завтраку.

Четырнадцать лет спустя Пэт стал лучшим гольфистом в команде университета Дельта штата Миссисипи. Пэта, игрока с нулевым гандикапом, прозвали Техасским Жеребцом. Он как раз стал победителем турнира Юго-Восточной спортивной студенческой конференции в игре на счет ударов, проходившего на гольф-поле ассоциации «Арканзас рейзорбекс». В автобусе по дороге домой тренер объявил, что намерен провести общее собрание команды.

— Завтра утром у меня дома, ровно в восемь.

На следующее утро тренер собрал игроков в своей гостиной и сказал:

— Мне стало известно, что вчера перед началом турнира кто-то из вас курил марихуану в городском парке Литтл-Рока. Необходимо выяснить, во-первых, кто привез марихуану в Литтл-Рок, а во-вторых, кто ее курил.

При этом он смотрел на Пэта. Пэт, воспитанный на отцовском принципе «всегда говори правду», сделал шаг вперед:

— Тренер, это я. Я привез марихуану, и я ее курил.

Он одиноко стоял в центре комнаты. Его товарищи по команде не шелохнулись и не произнесли ни слова, хотя косячок в парке Литтл-Рока курили на троих.

— И больше никто? — уточнил тренер.

Молчание.

— Решение я приму завтра и вас извещу, — сказал тренер. — А пока свободны.

На следующее утро тренер пришел к Пэту в общежитие.

— Об этом проступке я сообщу твоему отцу. А ты на семестр отстранен от соревнований.

Пэт вздохнул.

— Послушайте, я же честно признался. А вдобавок я лучший игрок в команде.

— Это не имеет значения, — сказал тренер. — У нас запрещено употреблять наркотики, а ты это правило нарушил. Поэтому и отстранен. И я сообщу твоему отцу.

— Ну хорошо, — сказал Пэт. — Хотите — отстраняйте. Но отцу ни в коем случае не говорите. Да поймите же, ему можно сказать, что я пьяным сел за руль. А за марихуану он меня убьет.

Подростком Пэта дважды уличали в курении марихуаны, и он, испытав на себе отцовские методы дисциплинарного воздействия, был твердо намерен не допустить третьего раза.

— А это уж ваше дело, — заупрямился тренер.

Пэт снова вздохнул:

— Ну ладно, тренер. А давайте мы с вами прокатимся.

Они уселись в машину Пэта, «Шевроле-камаро Z-28» 1981 года выпуска, и поехали по кампусу университета Дельта. Минут через десять Пэт нарушил молчание:

— Знаете, вот я вам честно скажу: хотите отстранить — отстраняйте. Но если вы позвоните отцу... я вас убью.

Пэта отстранили.

Отец об этом не узнал.

СПЕРВА КОНСЕРВАТОР

Ставь рамки,
Чтобы получить свободу.

Делай погоду,
Чтобы свистеть по ветру.

Прокладывай маршрут,
Чтобы от него отклоняться.

Наводи чистоту,
Чтобы испачкаться.

Координируй движения,
Чтобы танцевать.

Научись читать и писать,
Прежде чем выдумывать
слова.

Проверь, есть ли вода
в бассейне,
Прежде чем в него нырять.

Научись плавать,
Прежде чем летать.

Сначала инициация,
Потом инаугурация.

Заслужи выходные.

ПОТОМ ЛИБЕРАЛ

Требуется дисциплина,
руководство, контекст
и ответственность, прежде
чем приступить к новому
начинанию.

Нужно многим пожертвовать.
Учиться, наблюдать,
быть осмотрительным.

Если и когда познакомишься
с полем деятельности,
с ремеслом, с людьми
и с планом, то можешь дать
волю своему воображению
и творить.

Творчеству нужны границы.

Индивидуальности нужно
сопротивление.

Земле нужно притяжение.

Без них не существует
формы.

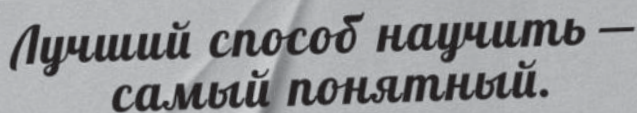
Не существует искусства.

Только хаос.

Как я уже говорил, мое рождение было незапланированным — мама до сих пор зовет меня «случайностью», а отец полшутя заявил ей: «Это не мой сын, Кэти, а *твой*». В моем детстве отец работал в разъездах, поэтому большую часть времени я провел с мамой. И это правда. Я был маминым сыном. Когда я был с отцом, то радовался каждому мигу.

Мне очень хотелось заслужить его одобрение, и иногда мне это удавалось. А иногда он весьма изобретательно и радикально изменял мои представления.

**Лучший способ научить —
самый понятный.**

В детстве у меня была любимая передача: «Невероятный Халк» с Лу Ферриньо.

Я восхищался его мускулами и, стоя перед телевизором, скидывал рубашку и копировал его позы: сгибал руки, сжимал кулаки, что было сил напрягал бицепсы, воображая себя бодибилдером.

Как-то раз отец застал меня за этим занятием.

— А что это ты делаешь, сынок? — спросил он.

— В один прекрасный день у меня будут такие же мышцы, — заявил я, указывая на экран. — Бицепсы как бейсбольные мячики!

Отец хмыкнул, скинул с плеч рубашку и встал перед телевизором в той же позе, что и я.

— Ну да, при виде бицепсов девчонки визжат от восторга, и выглядит все это впечатляюще, но этот тип такой перекачан-

ный, что без посторонней помощи задницу себе не подотрет... Бицепсы эти его... фуфло.

Он медленно опустил руки, сжал кулаки, вывернул локти наружу и напруг массивные трицепсы.

— А вот трицепсы, сынок, — продолжил он, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, к бугрящимся мускулам на задней стороне плеча, — это рабочие мышцы, они тебя и прокормят, и крышу над головой построят. Трицепсы — вот это бабло.

Отец предпочитал ворочать мешки на складе, а не красоваться напоказ.

Летом 1979 года отец перевез маму, меня и Пэта из города Ювалде, штат Техас (население 12 000 чел.), в Лонгвью (население 76 000 чел.), самый быстро растущий — на волне нефтяного бума — населенный пункт Восточного Техаса. В Ювалде я научился справляться с трудностями, а в Лонгвью — мечтать.

Как и все, мы переехали из-за денег. Отец по-прежнему торговал трубами, а на буровых скважинах в Лонгвью можно было быстро разбогатеть. Едва мы обосновались в Лонгвью, Пэт уехал на сборы гольфистов, а мама решила провести «продолжительный отпуск» на пляже Наварре-Бич во Флориде. Рустер, которому еще не исполнилось и тридцати, уже стал мультимиллионером и переехал в Мидленд, штат Техас, так что в автодоме на окраине Лонгвью остались только мы с отцом.

Отцовские руки могли искалечить, а могли и исцелить. Когда мама страдала мигренями, отцовский массаж снимал боль лучше любых лекарств. Отцовские руки и отцовские объятия с одинаковой легкостью лечили и переломы, и сердечные раны, особенно у беспомощных слабаков.

Кроме нас, в автодоме жил попугай по кличке Везунчик. Отец обожал попугая, а попугай — отца. Каждое утро отец открывал клетку и выпускал Везунчика полетать по автодому.

Попугай любил сидеть на отцовском плече или на предплечье. А еще они разговаривали друг с другом.

На ночь Везунчика запирали в клетку, а весь день он порхал себе по автодому, только надо было осторожно закрывать и открывать входную дверь, чтобы попугай не вылетел на свободу.

Однажды вечером, за день нагулявшись по окрестностям, я пришел домой как раз тогда, когда отец вернулся с работы.

Мы вошли в автодом, но Везунчик почему-то не взлетел к отцу на плечо. Странно. Мы обыскали весь автодом. Везунчик пропал. Черт, может, утром попугай выпорхнул в раскрытую дверь, а я не заметил? Или кто-то приходил сюда без нас?

Внезапно из дальнего конца автодома послышался отцовский голос:

— Ох, Везунчик! Боже мой! Ну надо же...

Я бросился к отцу. Он опустился на колени перед толчком. В воде на дне телепался Везунчик. По отцовским щекам струились слезы. Он обеими руками достал попугая из воды и, нежно покачивая в ладонях, причитал сквозь всхлипы:

— Ох, Везунчик! Как же ты так....

Везунчик сдох. Отец держал в горсти мокрое неподвижное тельце. Похоже, попугай случайно свалился в толчок, крышка захлопнулась, и он не смог из-под нее выбраться.

Рыдая, отец поднесдохлого попугая к лицу и вгляделся в поникшую птичью головку. Потом широко раскрыл рот и осторожно всунул в него Везунчика, так что наружу торчали только кончики крыльев и хвост. И начал делать попугаю искусственное дыхание. Он втягивал носом воздух, чтобы поддерживать ровный приток, и дышал размеренно и осторожно, чтобы не повредить крошечные птичьи легкие. Он стоял на коленях у толчка, наполовину засунув в рот попугая по кличке Везунчик, и делал птице искусственное дыхание. Один выдох... Второй выдох... Третий выдох... Отцовские слезы орошали и без того мокрое птичье тельце. Четвертый выдох... Пятый... Дрогнуло перышко. Шестой выдох... Седьмой... Затрепетало крыло. Восьмой... Отец чуть разжал руки и ослабил напряженные губы. Девятый... Затрепетало другое крыло. Отец раскрыл рот

пошире. Десятый выдох... И тут из отцовского рта послышалось слабый писк. Горькие слезы стали слезами радости. Отец бережно вытащил голову Везунчика изо рта. Попугай дернулся, стряхнул с себя капли воды и слюны. Отец и птица смотрели друг другу в глаза. Попугай издох. А теперь ожил. Везунчик прожил еще восемь лет.

Божье везение

Богиня удачи — Фортуна,
Фортуна — сестра судьбы,
судьба — Провидение,
а Провидение — промысл Божий.
По-моему, выходит,
что тот, кто верит в удачу,
верит в Бога.

Тем же летом, пока отец был на работе, я целыми днями шастал по окрестным лесам Пайни-Вудс — босоногий, обвязав вокруг пояса фланелевую рубашу и сжимая в руках духовое ружье «Дейзи». В Ювалде таких деревьев не было. Тысячи высоченных сосен подпирали небо. Среди них была одна, которая нравилась мне больше всего, — белоствольная канадская сосна среди бесчисленных орегонских. Ее ствол был шести футов в поперечнике, а вершина устремлялась в космос.

Однажды, ближе к вечеру, в полумиле от дома, пытаясь подстрелить белку, я набрел на заросли, среди которых виднелась ограда футов десяти высотой, увитая густым плющом и увешанная обшарпанными табличками «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Я пробрался сквозь кусты и заглянул за ограду. Во двор лесопилки. Повсюду расхаживали рабочие в касках, работали вилочные погрузчики и высились аккуратные штабеля бруса, досок и листов фанеры. Отлично, подумал я. Самое то для домика на дереве.

На том самом дереве. Я дождался, когда погрузчики останутся, рабочие разойдутся, а лесопилку закроют, и часов в шесть побежал домой. У меня родился план, о котором я не мог рассказать отцу. План на все три летних месяца.

На следующее утро отец позавтракал и, как всегда, в половине седьмого отправился на работу. Как только он ушел, я залез в ящик с инструментом и отыскал кусачки для проволоки. Потом надел рубаху, схватил воздушку, оставил кеды в чулане и бегом бросился на разведку.

Как бы все это проверить? На лесопилке целый день люди, поэтому надо приходить по ночам, решил я. А если меня там поймают? Или отец узнает, что я по ночам сбегая из дома? А потом выяснится, что я ворую доски с лесопилки в полумиле от нас? Я волновался. И радовался.

После ужина я, как обычно, посмотрел очередную серию «Невероятного Халка», а потом мы с отцом пожелали друг другу спокойной ночи. Я лег в кровать и задумался, сколько придется ждать, пока я смогу улизнуть через окно. Было хорошо слышно, как отец возится в противоположном конце трейлера. Когда все звуки смолкли, я на всякий случай выждал еще час, тихонько встал с кровати, повязал на пояс фланелевую рубаху, оставил кеды в чулане, схватил воздушку, фонарик и кусачки, сбросил их через окно на газон, вылез в окно сам и отправился на лесопилку.

Было около часа ночи. Я рассчитал, что домой вернуться надо до пяти, так что мне предстояло несколько часов работы.

На лесопилке было тихо. Я швырнул через ограду пару камней, проверить, нет ли сторожевых псов. Никаких собак не оказалось. Тогда я очистил участок ограды от плюща, прижал фонарик подбородком к груди и обеими руками поднес кусачки к проволоке. Щелк. Чтобы разрезать металлические звенья, понадобилась сила обеих рук. Щелк, щелк, щелк, щелк. Наконец я проделал отверстие шириной футов в шесть и высотой в фут — вполне достаточное для того, чтобы просунуть сквозь него доски, брусья и фанеру, но не очень заметное. Хотелось верить, что не очень.

Дрожа от возбуждения, я лег на спину и скользнул под ограду, в чужие владения. Подошел к штабелю бруса квадратного сечения, четыре на четыре дюйма, вытянул один, подтащил к отверстию в ограде, вытолкнул наружу, снова пролез под оградой и поволок брус за собой в лес. К большой белоствольной сосне. Потом побежал за следующим брусом. К тому времени, как я второй раз вернулся к дереву с добычей, было уже полпятого. Я стогнял к ограде, замаскировал отверстие плющом и ветками и помчался домой. Влез в окно, положил ружье и фонарик на полку, спрятал кусачки под матрас, лег в кровать и уснул. В шесть утра меня разбудил отец, готовить завтрак.

Так продолжалось больше месяца. По ночам я не спал, дремал днем, под белоствольной сосной, рядом с растущей горкой досок, возвращался домой к ужину, и все повторялось снова. Каждую ночь я уходил на лесопилку, до тех пор, пока у меня не накопилось пиломатериалов на огромный дом на дереве.

Наконец самая опасная часть моего плана завершилась. Лета оставалось всего два месяца, пора было начинать строительство. С лесопилки я умыкнул футов сорок гвоздевой ленты с пятнадцатимиллиметровыми гвоздями, а молоток и ручную пилу взял дома, из ящика с инструментом. Теперь мне нужен был только дневной свет.

Следующие два месяца я каждый день просыпался в шесть, уходил из дома в семь и дотемна строил дом на дереве. Босиком, без рубахи, с грудью, крест-накрест перевязанной гвоздевой

лентой, и с молотком в руке — то ли индеец-команч, то ли Панчо Вилья — я принялся за работу. Начал с первого уровня и постепенно надстраивал дом. В каждом листе фанеры, служившем полом, я прорезал у ствола квадратную дыру, два на два фута, для лесенок, чтобы перемещаться с этажа на этаж. А еще я соорудил подъемник. Каждое утро я брал с собой бутерброд, приходил на *свою* стройплощадку, укладывал пакет с бутербродом в подъемник, забирался на самый верхний этаж и подтягивал к себе еду. И съедал бутерброд, когда устраивал перерыв на обед.

Спустя шесть недель в моем доме на дереве насчитывалось тринадцать ярусов. Тринадцатый был в ста футах над землей. Оттуда открывался вид на окрестности и даже на Лонгвью, в пятнадцати милях отсюда. В две последние недели лета я каждый день забирался на самый верх, поднимал туда свой бутерброд и оставался один над целым миром. И мечтал. Мне казалось, что оттуда видно даже, как на горизонте скругляется Земля. Там я и понял, почему город называли Лонгвью — «дальнорозор».

Так я провел лучшее лето в своей жизни.

ЗЕЛЕНый СВЕТ

Наступил сентябрь, я пошел в школу. Мама вернулась из Флориды, и вскоре мы переехали в дом на противоположном конце города. Своего дома на дереве я больше не видел.

Мне до сих пор интересно, сохранился ли он. На съемках фильма «Мад» я вспоминал об этом доме — он был для меня таким же убежищем, как «лодка на дереве» для юных героев фильма. Тайна, секрет, опасное, удивительное место, где можно мечтать. Если бы «Мад» сняли в 1979 году, отец, наверное, сказал бы мне: «Слушай, сынок, я тут посмотрел чертовски хороший фильм, „Мад“ называется, давай посмотрим его вместе». А я в ответ сказал бы ему: «Пап, знаешь, я тут построил в лесу дом на дереве, хочу тебе показать. Чертовски хороший дом».

А помните мамин «продолжительный отпуск» во Флориде? Лишь двадцать лет спустя я узнал, что это был вовсе не отпуск — родители тогда второй раз разводились.

**ЭТО НЕ САМОЛЮБОВАНИЕ,
А КОММЕРЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ.
(А ПОТОМ СНОВА САМОЛЮБОВАНИЕ?)**

Я уже был в старших классах. Мы жили все там же, в доме на противоположном конце Лонгвью. Мама решила заняться предпринимательством и стала торговать вразнос косметическими средствами «Норковое масло». Реклама утверждала, что они обладают лечебными свойствами, «великолепно очищают кожу» и что если «напитать кожу норковым маслом, то она будет здоровой и чистой всю жизнь».

Тем временем у меня начался подростковый возраст — ну вы представляете, растут волосы в паху, отвисают яйца, ломается голос... и, разумеется, высыпают прыщи.

В один прекрасный день мама посмотрела на меня и заявила:
— Тебе нужно «Норковое масло».

Я всегда считал, что забота о своей внешности — один из признаков уважения к себе, поэтому стал каждый вечер перед сном щедро мазать физиономию «Норковым маслом». Количество прыщей увеличилось.

— Это потому, что кожа очищается, — сказала мама.

Я ей поверил и продолжал еженощно умащать себя «Норковым маслом».

Прошла неделя. Прыщей стало больше.

Прошло двенадцать дней. Теперь пошли угри.

— Мам, а ты уверена, что мне можно пользоваться этим кремом? — спросил я.

— Конечно уверена. Но давай позвоним моей начальнице Элейн, она придет, посмотрит и скажет точно.

Пришла Элейн, посмотрела на мое воспаленное лицо и завопила:

— Ух ты! Крем действует как положено. Очищает. Вытягивает всю грязь. У тебя очень грязная кожа, Мэттью! Так что пользуйся кремом каждый вечер, и в конце концов кожа станет чистой и здоровой. На всю жизнь.

Что ж, ничего не поделаешь. Придется терпеть. Я упорно мазался кремом. Через три недели щеки покрылись воспаленными волдырями. Появились жировики, угри загноились. Я был сам на себя не похож.

Вопреки советам мамы я решил сходить к дерматологу. Доктор Хаскинс посмотрел на меня:

— Ох, Мэттью, что за... у тебя все поры забиты жиром. Коже нечем дышать. Чем ты пользуешься?

Я вытащил тюбик «Норкового масла».

Дерматолог внимательно прочитал этикетку.

— И как долго ты им мажешься?

— Двадцать один день.

— О господи, это крем для сорокалетних женщин, а не для подростков переходного возраста. Твоя кожа и так выделяет много жира. Крем забил тебе все поры, Мэттью, и теперь у тебя тяжелая форма узловато-кистозного акне. Еще десять дней — и ты бы на всю жизнь покрылся оспинами. Я пропишу тебе таблетки изотретиноина. Надеюсь, удастся купировать воспаление, и ты за год избавишься от прыщей. Хочется верить, что следов не останется.

— Ах, Мэттью, неужели «Норковое масло» не подействовало? Какая жалость! — с невинным видом воскликнула мама.

— Угу... не подействовало.

Я немедленно выбросил чудодейственный крем и начал пить изотретиноин. У него оказалась целая обойма побочных эффектов. Кожа стала сухой, шелушилась, пересохшие уголки губ растрескались и кровоточили, колени ломило, жутко болела голова, выпадали волосы. Я страдал аллергией и с виду напоминал распухшую черносливину. И, несмотря на все это, я был невероятно счастлив избавиться от акне, вызванного «Норковым маслом».

Но история на этом не окончилась. В семействе Макконахи все довели до логического завершения. Отец учул возможность пожить.

— Подадим в суд на эту проклятую фирму! Так и поступим. Засудим их и стяжем денег. Сам знаешь, сынок, зря они всучили тебе этот крем. Элейн не должна была уговаривать маму, чтобы та его тебе навязала. Так что у нас есть все основания для иска.

Отец привел меня к своему юристу, Джерри Харрису, приятному и эрудированному человеку, весьма уверенному в себе, который держался с таким апломбом, будто жил в Далласе, а не в Лонгвью.

— Совершенно верно, у нас есть все основания для иска, — сказал Джерри. — Во-первых, этот продукт явно не предназначен для подростков, но на упаковке нет никаких предупреждений и указаний на возможные побочные эффекты. Мало того, что это доставило тебе определенные физические неудобства, так еще и...

Джерри с отцом многозначительно уставились на меня.

— Ты ведь испытал и значительный моральный ущерб, правда, Мэттью?

— Ну... ага.

Джерри вытащил кассетный магнитофон и нажал красную кнопку «запись».

— Так что? — спросил он.

— Да, в то время я испытывал значительный моральный ущерб.

— Почему? — спросил он, кивая.

— Потому... Потому что у меня высыпали ужасные прыщи, которых не было до того, как я начал пользоваться «Норковым маслом»?

— Совершенно верно, — подтвердил Джерри. — И это повлияло на твою самооценку?

— Да, сэр.

— Как?

— Она снизилась.

— Очень хорошо. А как это повлияло на твои отношения с девушками?

— Ну... раньше девушки уделяли мне внимание, а теперь не очень.

— То, что надо, — заявил Джерри, выключив магнитофон. — Джим, вчиняем иск. Нанесение морального ущерба ставит истца в преимущественную позицию. Да и вообще, посмотри на него — весь распух и выглядит ужасно. Можно рассчитывать на сумму от тридцати пяти до пятидесяти тысяч в качестве компенсации.

По отцовскому лицу расплылась довольная ухмылка. Он горячо пожал Джерри руку и похлопал меня по спине:

— Отлично сработано.

Как всем известно, судебные разбирательства — дело долгое. Прошло два года, мои прыщи исчезли, от угрей не осталось и следа. Изотретиноин подействовал. Меня вызвали давать показания в присутствии адвоката ответчика, фирмы-производителя «Норкового масла». На столе стоял кассетный магнитофон, включенный на запись.

— Мэттью, как ты себя чувствуешь?

— Намного лучше, спасибо.

— Мне очень жаль, что с тобой это произошло. Наверное, тогда это тебя очень расстроило?

Я не верил своим ушам: адвокат задал вопрос, который играл мне на руку. У меня был готов ответ:

— Да, сэр. Я был очень расстроен. Мало того, что я выглядел как человек-слон, у меня пересохла кожа, выпадали волосы, болели колени и спина, шелушилась кожа. Я полностью утратил уверенность в себе, а девушки не обращали на меня внимания. «Норковое масло» искалечило мне жизнь.

— Боже мой! Представляю, как тебе было тяжело. И сейчас трудно, наверное, да?

Я с готовностью согласился:

— Да, сэр, трудно.

Он внимательно посмотрел на меня и, сложив губы в едва заметную улыбку Чеширского кота, достал из-под стола школь-

ный фотоальбом — мой школьный фотоальбом — за тот самый 1988 год. Потом медленно раскрыл его на заложенной странице, повернул альбом ко мне, придвинул поближе и, наклонившись через стол, ткнул пальцем в фотографию:

— Вот это — ты?

Разумеется, это был я. С Камиссой Спринг. На груди у меня и у Камиссы красовались ленты наискось. На ленте Камиссы была надпись: «Первая красавица». На моей ленте: «Первый красавец». Черт возьми! Я сразу понял, что дело не выгорит. Меня подловили.

— Исклечило жизнь, говоришь? Да, заметно, что ты очень расстроен, — сказал адвокат, ухмыляясь.

Так оно и вышло, что иск отозвали.

Отец долго не мог успокоиться. Тянулись недели, а он все бурчал себе под нос:

— Черт бы тебя побрал, сопляк! Профукал такой шанс выиграть дело и заработать тридцать пять, а то и все пятьдесят тысяч компенсации! Нет, надо было обязательно стать «Первым красавцем». Все дело испортил! Черт бы тебя побрал!

Первая красавица — Камисса Спринг
и Первый красавец — Мэттью Макконахи.

Есть брехуны, а есть муны.

Разница в том, что мун старается
скрыть свою брехню,
а брехун брешет в открытую.

Поэтому я предпочитаю иметь дело
с брехунами, а не с мунами.

Спустя несколько месяцев мама отправилась в Наварре-Бич, во второй «продолжительный отпуск» (на этот раз родители не разводились, а просто решили немного отдохнуть друг от друга), и мы с отцом снова остались вдвоем, только не в трейлере, а в доме с тремя спальнями. Я вернулся домой к установленному сроку — к полуночи. Как ни странно, отец не спал. Разговаривал по телефону. Я заглянул в отцовскую спальню.

— Да, мистер Фелкер, он только что пришел, — говорил он в трубку. — Сейчас я у него спрошу.

В спальне горел свет. Отец в нижнем белье сидел на кровати. Он зажал трубку плечом и посмотрел на меня:

— Чем сегодня развлекались, сынок?

Мне бы сразу все честно рассказать, но я решил, что выкручусь — перед тем, кто учил меня выкручиваться.

— Да так... Сходили с Бадом Фелкером в «Пиццу-хат», а потом он подвез меня домой.

— Вы за пиццу заплатили, сынок?

Отец давал мне возможность признаться во всем начистоту и избежать наказания за самое худшее — хуже, чем быть пойманным на озорстве, — за ложь. Но вместо этого, хотя мне и было ясно, что ему все известно, я уклончиво ответил:

— Кажется, да. Ну, я первым пошел к машине, потому что Бад должен был заплатить.

Я сам себе вырыл яму, из которой теперь было не выбраться.

Отец вздохнул, расстроено поморгал и снова поднес телефонную трубку к уху:

— Мистер Фелкер, спасибо. Я с ним разберусь.

И положил трубку на рычаг.

Меня пробил пот.

Отец невозмутимо оперся ладонями о колени, поднял голову, поглядел мне в глаза и стиснул зубы.

— В последний раз спрашиваю, сынок. Ты знал, что вы *крадете* пиццу?

Мне бы сказать: «Да, папа, знал», — и все бы закончилось строгой отповедью за то, что мы попались по дури. Ну и попробовал бы ремня — собственно, за то, что попались. Но нет.

На мотне моих джинсов появилось крошечное мокрое пятнышко. Широко раскрыв глаза, я с запинкой произнес:

— Н-нет, сэр. Пап, я же сказал...

ХЛОП! Прерывая мою жалобную мольбу, отец вскочил с кровати и хлестнул меня тыльной стороной ладони по лицу. Я упал — не от удара, а потому, что меня не держали ноги, внезапно ослабевшие от страха.

Я это заслужил. Заработал. Сам напросился. Хотел. И получил.

Я соврал отцу и разбил его сердце.

И дело было не в украденной пицце. Он и сам не раз воровал пиццу, и не только пиццу. Мне надо было сразу признаться. А я солгал.

Я стоял на коленях, рыдая от ужаса — так же, как когда-то мой брат Майк, но он рыдал из-за другого. Мне было стыдно. В отличие от Майка в амбаре, я был ссылком, подлецом, рохлей. Трусом.

«Это не мой сын, Кэти, а твой», — звучало у меня в ушах.

Отец стоял надо мной.

— Официантка в «Пицце-хат» узнала Бада, нашла номер его телефона, позвонила ему домой и попросила, чтобы он на следующий день принес деньги за пиццу. Бад признался отцу, что это он решил умыкнуть пиццу, а ты просто его не остановил. Но ты мне солгал, сынок, сказал, что ничего не знал.

Он хотел, чтобы я поднялся, признал свою вину, посмотрел ему в глаза и принял положенное наказание. Но я этого не сделал.

Я струсил, начал оправдываться и канючить. Он молча смотрел на меня. По моим джинсам расплывалось мокрое пятно.

Отец, разъяренный моей бесхарактерностью, встал передо мной на четвереньки, как медведь, и начал дразнить:

— Ну-ка, засвети мне в морду! Даю тебе четыре попытки против моей одной. Ну же, не трусь!

Парализованный страхом, я не отреагировал. При одной мысли о том, чтобы ударить отца, руки стали картонными. Мысль о том, что он меня снова ударит, ужасала еще больше.

— Ну почему?! Почему?! — завопил он.

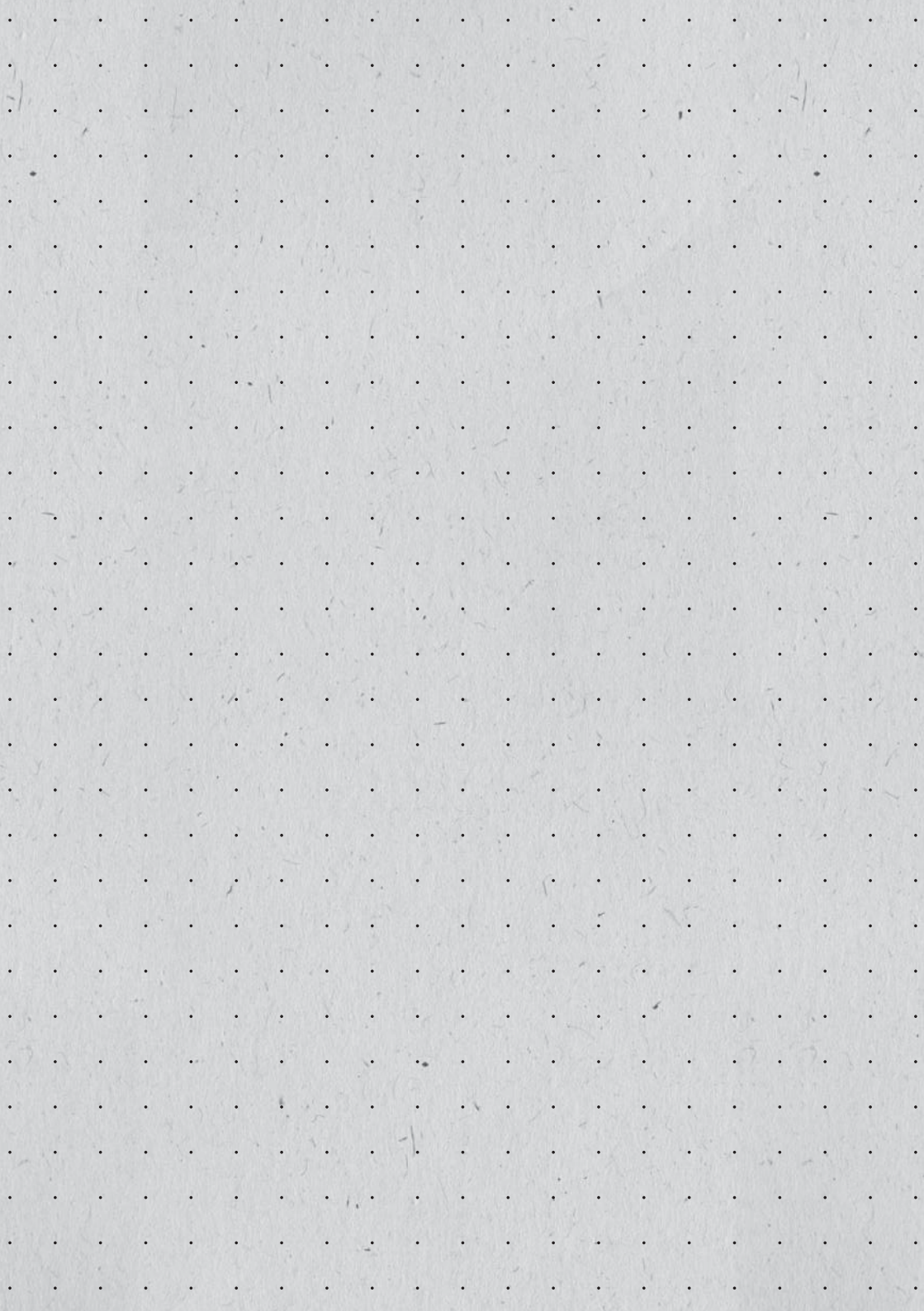
Не в силах ответить, я на коленях отполз в угол и сжался в комок. Отец встал и сокрушенно покачал головой, пытаясь понять, почему его сын вырос таким трусом.

Я часто жалел о том, что сделал и чего не сделал в тот вечер.

Отец предоставил мне возможность пройти ритуал взросления — стать мужчиной в его глазах, — но я перепугался, обоссал штаны и провалил испытание. Спасовал.

Часть вторая

НАЙДИ ВОЛНУ

ВЫПУСКНОЙ КЛАСС ШКОЛЫ. У меня все было прекрасно: отличные оценки, работа, которая гарантировала мне сорок пять долларов в кармане, гандикап 4 в гольфе, звание «Первый красавец». Вдобавок я встречался с самой красивой девчонкой из нашей школы — и из соседней школы тоже. В общем, меня несла зеленая волна.

Крутой парень, который на вечеринках невозмутимо стоит у стены и курит, — это не про меня. На вечеринках я танцевал, охмурял девчонок и на всех концертах проталкивался в первый ряд, даже если приходил последним. Я старался изо всех сил. Я ловчил.

У меня был пикап-внедорожник. После уроков именно в нем я катался с девчонками по грязи*. К решетке радиатора я прикрутил мегафон и по утрам на школьной автостоянке прятался в кабине и вопил на всю округу: *«Эй, поглядите, Кэти Кук сегодня в клевых джинсах! Классно выглядит!»*

Всем нравилось. Все хохотали. Особенно Кэти Кук.

Я был *своим парнем*. Весельчаком. Всеобщим любимцем.

Однажды, проезжая мимо местного автодилерского центра, я увидел выставленный на продажу ярко-красный «ниссан 300-ZX».

* «Кататься по грязи» в Восточном Техасе означает ездить по руслам высохших ручьев.

У меня никогда прежде не было спортивной машины. Тем более со съёмными панелями крыши.

Я подъехал к центру навести справки. Продавец очень хотел заключить сделку.

В обмен на свой пикап я получил ярко-красный «ниссан 300-ZX». Со съёмными панелями.

Теперь у меня была красная спортивная машина.

Каждое воскресенье я полировал ее до глянца и наводил лоск на свою красавицу.

Я стал парковаться на *третьей*, обычно пустующей стоянке за зданием школы, чтобы мою новенькую машину случайно не поцарапали и не помяли.

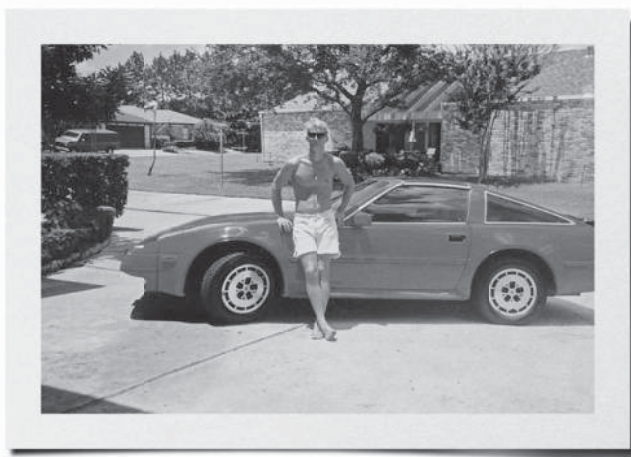
Я знал, что девчонки заценят мою красную спортивную машину куда больше, чем обшарпанный пикап, а значит, заценят и меня. Поэтому каждое утро я пораньше заезжал на *третью* парковку, ставил машину и *небрежно опирался на капот*.

Крутой парень.

С *крутой* тачкой. С красной спортивной машиной.

Через пару недель я заметил перемены. Девчонки почему-то не спешили меня заценивать. Им почему-то было скучно смотреть, как я *небрежно опираюсь на капот*.

После уроков девчонкам было интереснее *кататься по грязи* с другими, чем *рассекать по улицам* со мной, в красной спортивной машине со съёмной крышей.

НАЙДИ ВОЛНУ

И свиданий у меня стало меньше. Девчонки утратили ко мне интерес.

Я не понимал, в чем дело.

И в один прекрасный день до меня дошло.

Пропал пикап.

Пропали возможности стараться, крутиться и ловчить. Пропал мегафон. Пропало *веселье*.

А вместо всего этого я *небрежно опирался на капот* красной спортивной машины со съемными панелями крыши на третьей школьной парковке.

Я обленился, слишком часто смотрел в зеркало и думал, что моя красная спортивная машина гарантированно привлечет внимание ко мне самому. Ни фига подобного.

Обменяв пикап на красную спортивную машину, я сам себя перехитрил. Лоханулся.

На следующий день после уроков я поехал в автоцентр и обменял красную спортивную машину на свой старенький пикап.

На следующий день я, поставив машину на первой школьной парковке, охмурял девчонок в мегафон, а после уроков поехал с ними *кататься по грязи*.

И все пошло по заведенному.

И фиг с ней, с красной спортивной машиной.

ЗЕЛЕНый СВЕТ

метод исключения и определения

Первым шагом, который ведет к определению нашего места в жизни, обычно является не «Я знаю, кто я», а наоборот, «Я знаю, кто не я». Метод исключения.

Когда есть из чего выбирать, легко превратиться в тирана, поэтому необходимо избавиться от лишнего, от того, что мешает тебе оставаться собой. Если отсечь бесполезные возможности выбора, то, практически случайно, открываются новые возможности, которые действительно приносят пользу.

Знать, кто ты, нелегко. Если первым делом исключить все то, что не ты, то окажешься там, где и нужно.

Когда мне исполнилось восемнадцать, родители сказали: «Если ты еще этого не усвоил, то уже не усвоишь». В нашей семье восемнадцатилетие — знаменательный момент. Оно знаменует отсутствие правил. Отсутствие родительского надзора. Независимость. Свободу.

Я окончил школу и, как многие выпускники, не знал, что делать дальше. То есть я думал, что хочу поступить на юридический факультет и выучиться на адвоката, но полной уверенности в этом у меня не было. Тут маме пришла в голову замечательная мысль:

— Мэттью, ты ведь любишь путешествовать. Не хочешь стать студентом по обмену?

Я сразу же согласился:

— А что, интересно же! Приключения...

НАЙДИ ВОЛНУ

Мы обратились в местное отделение Ротари-клуба, который вел программу студенческого обмена, и выяснили, что как раз есть два места — одно в Швеции, а второе в Австралии. Солнце, пляжи, серфинг, Эль Макферсон, английский... Я выбрал Австралию. Меня тут же усадили за стол в конференц-зале Ротари-клуба, перед двенадцатью мужчинами в строгих костюмах. Они приняли и рассмотрели мои документы, все одобрили, а потом один из них сказал:

— Мы считаем, что ты станешь великолепным представителем штата Техас в далекой Австралии и готовы отправить тебя в поездку, но сначала ты должен подписать вот эту бумагу — заявление, что домой ты вернешься только по истечении года.

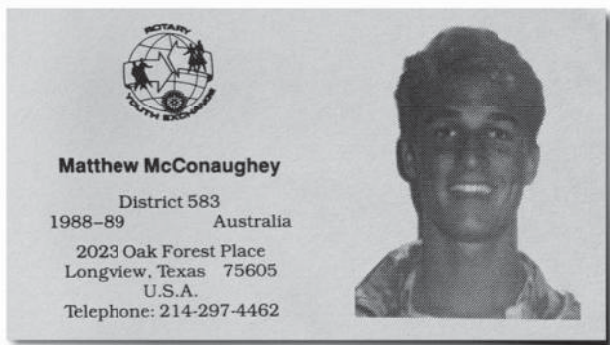
Очень странно.

— Но я и собирался уехать на целый год.

— Все так говорят, — ответил он. — Дело в том, что каждый студент рано или поздно начинает тосковать по дому и возвращается раньше. А этого допускать нельзя, поэтому подписывай. Вот: «Я, Мэттью Макконахи, обещаю не возвращаться домой раньше срока, если только этого не потребуют семейные обстоятельства».

— Я не буду ничего подписывать, — возразил я. — Но готов дать вам честное слово, что не нарушу своего обещания и проведу в Австралии полный год. — Я посмотрел ему в глаза. — Договорились?

Он кивнул, мы обменялись рукопожатием, и вскоре я уже собирал вещи для путешествия в Австралию. До отъезда оставалось десять дней.

Чуть позже я получил первое письмо из Австралии, от семейства Дулей — с ними мне предстояло провести год. В письме говорилось: «Мы с нетерпением ждем встречи с тобой, Мэттью. Мы живем в настоящем раю. Недалеко от пляжа, в пригороде Сиднея, тебе очень понравится».

Ура! Великолепно. Все, на что я надеялся, — пляж, Сидней. Отлично. Встречай меня, Австралия!

ДЕНЬ I

Я прибыл в международный аэропорт Сиднея и, забросив вещмешок за плечо, пошел по длинной наклонной дорожке в огромный зал, где стояли тысячи встречающих. Среди шума и гама послышался крик: «Мэттью! Мэттью! Мэттью!» Я обвел зал взглядом и заметил, что над морем голов то и дело появляется чья-то рука, приближаясь к концу дорожки.

— Мэттью! Мэттью! Мэттью!

Я добрался до зала, где меня сразу встретил тот, кто размахивал рукой и выкрикивал мое имя. С ласковой улыбкой на лице он опустил руку, и я ее пожал. Норвел Дулей. Рост 5 футов 4 дюйма, вес 220 фунтов, усы, плешивая голова и английский акцент — как я потом узнал, напускной, для пущей благопристойности.

— Ах, вы только посмотрите! Вот и он — сильный, красивый американский парень! Добро пожаловать в Австралию. Тебе здесь очень понравится.

Он познакомил меня с женой, Марджори: рост 4 фута 10 дюймов, белое полиэстеровое платье с большими зелеными горошинами и ходунки — из-за кифотической деформации позвоночника (в те годы это называлось горб). Я наклонился, обнял ее и поцеловал, а она приложила руки мне к щекам и ласково сказала:

— Добро пожаловать в Австралию, Мэттью. Добро пожаловать в твою новую семью. Познакомься, это мой сын Майкл.

Майкл — застегнутая на все пуговицы рубашка, аккуратно заправленная в брюки; пластмассовый защитный чехольчик в нагрудном кармане; огромная связка ключей на поясе. Как я по-

том узнал, из всех ключей Майкл пользовался только двумя, но связка явно придавала ему уверенность в себе, как напускной акцент — его отцу. Я протянул ему руку, но он порывисто меня обнял, а потом весьма чувствительно похлопал по спине, приговаривая:

— Мой братишка! Мой братишка!

Такое вот семейство Дулей, прошу любить и жаловать.

Мы уселись в машину и выехали из аэропорта. Я сидел на переднем пассажирском сиденье, Норвел — за рулем, Марджори и Майкл устроились сзади. Где-то через час я заметил, что мы давно проехали и Сидней, и все его пригороды.

— Получается, что, вообще-то, вы живете не в Сиднее? — спросил я Норвела.

— Да, дружище, — гордо ответил он. — В большом городе — большой грех. Грех и разврат. Цивилизованным людям там делать нечего. Мы живем в Госфорде, неподалеку отсюда, на Центральном побережье. Великолепное место. Прекрасные пляжи. Тебе понравится.

За разговорами прошло еще минут сорок. Мы доехали до Госфорда — города с населением в несколько сотен тысяч человек. И пляжи, и сам город выглядели замечательно.

— Прекрасно! — воскликнул я. — Меня вполне устраивает.

Все молчали.

Мы проехали через центр города, а минут через двадцать я вдруг сообразил, что Госфорд остался позади. Странно.

— Значит... вообще-то, вы живете не в Госфорде? — вежливо осведомился я.

— Да, дружище, — с прежней гордостью заявил Норвел. — В Госфорде все слишком по-городскому. Греховные порядки, распущенные нравы. Жить за городом куда лучше. Мы обосновались здесь, неподалеку, в Тукли. Тебе понравится.

Спустя сорок минут мы доехали до Тукли (население 5 000 человек). Один светофор, один бар и один небольшой супермаркет. Действительно, очень живописный городок на побережье.

— Что ж, очень похоже на мой родной город, — сказал я. — Приятно вспомнить.

Никто не произнес ни слова. Норвел вел машину.

Минут через шесть или семь мы доехали до кольцевой развязки на противоположной стороне города.

— Значит... вообще-то, вы живете не в Тукли? — на всякий случай уточнил я.

Норвел без промедления ответил:

— Да. Тукли — неплохой городок, но для нас слишком шумный. Мы живем в поселке, тут неподалеку. Очаровательное местечко, называется Горокан. Тебе понравится.

Мощеная дорога превратилась в асфальт.

Спустя несколько минут мы доехали до Горокана (население 1800 чел.). Захолустный поселок вдали от побережья. Никаких пляжей. Одна центральная улица. Деревянные одноэтажные домишки по правую и левую сторону. Я вздохнул — не очень глубоко, — и тут оказалось, что мы подъехали к очередной кольцевой развязке у городской черты, асфальт сменился грунтовкой, а Горокан остался позади.

Тут уж я занервничал и бесцеремонно заявил:

— Значит, вы живете не в Горокане.

— Совершенно верно! — восторженно откликнулся Норвел. — Мы уже почти дома. Тут недалеко, по проселку, прекрасное местечко, дружище. Тебе понравится.

Мы проехали еще миль пять по проселочной дороге. Я смотрел на пустынный пейзаж за окном и лихорадочно пересматривал свои ожидания. Мимо пронесся зеленый указатель: «Уорнервейл (население 305 чел.)». Мы проехали еще милю, не встретив никаких признаков цивилизации, свернули налево, затем направо и по гравийной дорожке подъехали к гаражу единственного дома в округе. Норвел остановил машину, выключил зажигание и напыщенно произнес:

— Добро пожаловать в Австралию, Мэттью. Здесь тебе очень понравится.

ДЕНЬ 4

Я мыл посуду после ужина. На кухню вошли Норвел и Марджори.

— Мэттью, мы собираемся позвать родственников в гости на выходные, вот и подумали, может, тебе захочется угостить их чем-нибудь таким, чисто американским?

— С удовольствием, — сказал я, раздумывая, что бы такое приготовить. — А, знаю. Гамбургер — самое американское блюдо, поэтому на выходные у нас будут гамбургеры.

— Прекрасный выбор, Мэттью, — сказал Норвел и направился к двери.

— Нет, погодите! — воскликнул я. — Я передумал. У нас будут чизбургеры. Потому что гамбургеры придумал умный человек, а вот чизбургеры изобрел гений.

Я начал составлять список продуктов для своего кулинарного шедевра — белые булочки, соленые огурцы, американский сыр и чеддер, красный лук, авокадо, острый перец-халапеньо, настоящий майонез, хороший кетчуп... — как вдруг меня тронули за плечо. Норвел.

— Мэттью, пройдем со мной, пожалуйста. Мне надо с тобой кое о чем поговорить.

Мы вышли из кухни, пересекли жилую комнату и попали в коридор, где Норвел открыл вторую дверь справа.

— Сюда, пожалуйста, — сказал он, приглашая меня в комнату.

Точнее, в свой кабинет. Норвел закрыл за собой дверь и указал на стул перед письменным столом. Я сел. Норвел обошел стол, поднялся на помост, где стояло его кресло, и уселся.

Теперь Норвел, ростом всего пять футов и четыре дюйма, возвышался надо мной фута на полтора. Он поудобнее устроился в кресле, наклонился к столу, уперся локтями в столешницу, сплел пальцы в замок, посмотрел мне в глаза и сурово изрек:

— Мэттью, я должен поговорить о твоём выборе слов.

— Да, сэр, — сказал я. — О каком именно?

Норвел опустил подбородок на сплетенные пальцы, обратил взор к портрету Уинстона Черчилля на стене, задумчиво вздохнул и произнес:

— Ты сказал, что гамбургеры придумал умный человек, а чизбургеры изобрел гений. Так?

— Да, сэр. Именно так.

Он изобразил еще один снисходительный вздох:

— Мэттью... видишь ли, это исключительно твое мнение. За время пребывания в семействе Дулей ты научишься ценить хорошее вино и благородные сыры, а также поймешь, что выражать свое мнение вслух неприлично.

— Норвел, это же просто шутка, — сказал я. — Я имел в виду, что чизбургеры мне нравятся больше, чем просто гамбургеры.

Он укоризненно погрозил мне пальцем:

— Как я уже говорил, за время пребывания в семействе Дулей ты научишься ценить хорошее вино и благородные сыры, а также поймешь, что выражать свое мнение вслух неприлично.

Он был совершенно серьезен.

Если не считать того, что в семействе Дулей «пригородом Сиднея» называли глухомань в двух часах езды от города, эта идиотская нотация была первой странностью, с которой я столкнулся в Австралии.

Слегка ошалевший, я списал это на «культурные различия».

ДЕНЬ 8

Начало школьных занятий.

Вообще-то, я уже окончил американскую школу, но в Австралии меня записали даже не в выпускной, а в предпоследний класс, объясняя это тем, что я приехал в середине семестра, а на следующий год перейду в выпускной вместе с той же группой одноклассников.

Первые две недели я отучился по программе, усвоенной еще полтора года назад. Математика давалась так легко, что я заскучал, зато мне очень нравились уроки творческого мастерства. А вот учителям мое творчество не нравилось. Все мои сочинения были исчерканы красными чернилами, и за каждое я получал неудовлетворительную отметку — за то, что употреблял сокращения, эвфемизмы, выдуманные слова и даже ругательства.

— Послушайте, — говорил я, — я знаю, как надо писать. Я же сдал все экзамены! А теперь я пишу так, как мне хочется. Я творю. Самовыражаюсь.

И что же я получил в ответ? «Неудовлетворительно».

Общение с одноклассниками тоже не складывалось.

Ученики носили форму, а на переменах играли в догонялки. Машин никто не водил и на права не сдавал, никто не устраивал вечеринок, а местные девчонки меня не заценили. Я перестал ощущать себя выпускником и с грустью вспоминал свой пикап, школьных друзей — и подруг, — Техас и былую свободу. Впрочем, я решил, что все это — часть приключений, «культурные различия».

Вскоре я перестал приходить на уроки, а вместо этого сидел в библиотеке, где открыл для себя великого английского поэта лорда Байрона. У меня было три магнитофонных кассеты: «Kick» INXS, «Maxi/Maxi Priest» и «Rattle and Hum» U2*. Под эту музыку в наушниках портативного плеера «Уокмэн» я читал романтические поэмы.

* Я до сих пор люблю этот альбом.

Спустя две недели в библиотеку пришел директор и сказал:

— Мэттью, школьное обучение явно не для тебя. Я тут подумал, может, тебе попробовать нашу программу стажировки? Ознакомишься с разными профессиями на практике. Платить тебе за это не будут, но выставят оценки в аттестат.

Ух ты!

— Да, конечно, — сказал я.

Сначала я стажировался кассиром в отделении Банка Австралии и Новой Зеландии. В обществе взрослых мне было легче. Я подружился с управляющим банка, Коннором Харрингтоном. Мы с ним часто обедали и выпивали по кружке пива после работы.

Странности в семействе Дулей не прекращались.

Ужинали мы рано, в пять или в полшестого. За столом на кухне всегда собирались одни и те же: я, Норвел, Марджори, Майкл и Мередит — подруга Майкла. У двадцатидвухлетней Мередит была небольшая задержка в развитии, поэтому ей нельзя было водить машину. А если она нервничала, то начинала пятачком давить прыщи на щеках. Впрочем, мы с ней были в хороших отношениях, а вдобавок у нее было прекрасное чувство юмора.

Однажды вечером я включил телевизор в жилой комнате — шла трансляция Олимпийских игр, а с моего места за кухонным столом был хорошо виден экран. В эстафете 4 x 100 метров выступала женская команда США. Кроме меня, это никого не интересовало. Гроыхнул выстрел стартового пистолета, и меньше чем через сорок две секунды США выиграли золотую медаль. Я гордо прижал кулак к груди и пробормотал себе под нос: «Ура!»

Норвел решил, что это самый подходящий момент прочитать мне лекцию по истории. Он вскочил с места, выбежал в жилую комнату, выключил телевизор, торжественно вернулся на кухню и заявил:

— Мэттью, пройдем со мной, пожалуйста. Мне надо с тобой кое о чем поговорить.

Что, опять?

Он вывел меня из кухни через жилую комнату в коридор и распахнул вторую дверь справа. Естественно, его кабинет. На этот раз Норвел схватил с полки томик энциклопедии, уселся в кресло на помосте, посмотрел на портрет Черчилля, раскрыл книгу на заложенной странице и заявил:

— Настоящий спортсмен, Мэттью, по-настоящему великий спортсмен — это англичанин Дэвид Брум, который на Олимпийских играх в тысяча девятьсот шестидесятом году выиграл бронзовую медаль в соревнованиях по конкуру.

— Да, конечно, — сказал я.

— И вот еще что, Мэттью. Ты тут недавно смотрел фильм, «Добровольцы поневоле»? Так вот, это очень глупый фильм. Можно сказать, инфантильный. Еще одно доказательство того, что низкосортный американский юмор не идет ни в какое сравнение с английским.

Ну и дела!

— Ладно тогда... а можно я досмотрю Олимпийские игры?

В семействе Дулей мне все больше становилось не по себе, но я продолжал думать: «Ничего страшного, это все культурные различия».

ДЕНЬ 90

Теперь я проходил стажировку помощником адвоката. Мне нравилось проводить дни в суде, участвовать в подготовке заключительных заявлений, знакомиться с составом присяжных, искать исторические прецеденты законодательства и составлять конспекты для юристов. Все это было подспорьем для моих дальнейших планов стать юристом. А вот «культурные различия» семейства Дулей действовали мне на нервы.

Целостность моего самосознания была нарушена, и, чтобы ее восстановить, мне требовалось своего рода сопротивление,

которое следовало преодолеть. Мне нужна была цель, чтобы сохранить здравый ум в этом странном месте. Я решил стать вегетарианцем. Правда, я понятия не имел, как быть вегетарианцем, поэтому просто ужинал зеленым салатом, приправленным кетчупом.

А еще каждый день после работы я делал шестимильную пробежку. Я очень исхудал.

А еще я решил стать абстинентом до конца года. До конца года оставалось девять месяцев.

Я начал думать, что мое призвание — пойти в монахи.

А после того, как закончится год учебы по обмену, я собрался поехать в Южную Африку и освободить Нельсона Манделу.

Я писал письма маме, отцу, друзьям и бывшим подругам. Мое самое первое письмо, написанное, когда я только поселился у Дулей, было накорябано толстым черным фломастером:

"Эй, я тут креветки на гриле
готовлю! С любовью, Мэттью".

А теперь мои письма занимали девять, десять, одиннадцать, двенадцать, шестнадцать страниц, мелким четким почерком, с разветвленными предложениями на восемь строк, избыточными прилагательными и наречиями. На письма отвечали только мама и мой старый приятель Робб Биндлер. Робб и сам был писателем, поэтому невозмутимо воспринимал мои маниакальные опусы и в ответ присылал мне послания не меньшей длины, хотя и не такие путаные. Впрочем, по большей части я писал для себя.

Но со мной все было в порядке, правда же? Просто я соскучился по дому. Ну и «культурные различия». Ладно, потерплю...

границы свободы

Нам нужны рамки, границы, притяжение, разметка, форма и сопротивление, чтобы установить порядок.

Из порядка возникает ответственность.

Из ответственности возникает осмысление.

Из осмысления возникает выбор.

В **выборе** и заключается свобода.

Чтобы сделать погоду, которая приносит попутный ветер, надо сначала устранить то, что больше всего мешает нашей сущности.

Из этого метода исключения неизменно **возникает порядок**, что **создает больше** возможностей, к которым следует **стремиться**, и **уменьшает** число тех, которых следует **избегать**.

И мы принимаем эти установки, потому что это доставляет нам удовольствие, а не приносит боль.

Поэтому мы культивируем их до тех пор, пока они не превращаются в привычку и складываются в **характер**, а потом **разрастаются** и становятся **эманациями нашей сущности**.

Вот так и рождается истинная **личность**.

Мы обманываем самих себя, если полагаем, что свобода означает избавление от существующих ограничений.

Искусство жить — в свое удовольствие — заключается в **непрерывной связи** с нашим прошлым, во **взгляде** в будущее, в **принятии** настоящего и в **выборе**.

ДЕНЬ 122

Вечер, четверть шестого. Норвел, Марджори, Майкл, Мередит и я ужинали на кухне. Я жевал свой зеленый салат с кетчупом. Принесли ягнятину с мятным соусом, и я немедленно передал блюдо дальше. Норвел резко встал и обратился ко мне:

— Мэттью, ты американец, еще совсем юный и неразвитый. За время пребывания в нашем семействе ты должен усвоить, что ягнятину следует подавать с мятным соусом.

— Я уже пробовал мятный соус, — ответил я. — Мне он не нравится. И вообще, я мяса не ем.

Спустя несколько недель, под конец очередного барбекю с родственниками (на этот раз без гамбургеров), я мыл посуду на кухне, и тут меня окликнула Марджори.

— Мэттью! Иди сюда! Иди к нам, Мэттью!

Я вошел в жилую комнату и увидел, что все восемнадцать человек родни — тетки, дядя, двоюродные братья и сестры — выстроились в шеренгу вдоль стены. В конце шеренги стояла Мередит, застенчиво потупившись и поглаживая лоб кончиками пальцев. Все дожидались меня.

— В чем дело? — спросил я.

Майкл стоял в противоположном углу комнаты и нервно тербил тяжелую связку ключей. Марджори, которая весь день потягивала вино, радостно заявила:

— Мэттью, Мередит собирается уезжать, поэтому поцелуй ее на прощание. В губоньки!!!

Все притворно заахали и гаденько захихикали. Мередит, не поднимая головы, ущипнула себя за щеку. Майкл, сжав кулаки, расхаживал по комнате.

— Марджори, я уже попрощался с Мередит, — напомнил я. — И даже обнял ее.

Марджори упрямо стояла на своем:

— Нет-нет, Мэттью, давай целуй ее! В губоньки!

— Что? — Я посмотрел на Мередит.

Она чуть вздернула подбородок и тут же его опустила.

Я не мог понять, что происходит. Неужели Мередит сочла мое хорошее к ней отношение знаком романтической привязанности? Или Марджори в подпитии решила сыграть злую шутку со мной, Мередит и Майклом? В любом случае это надо было пресечь.

«Мой старший брат» Майкл теперь яростно метался по комнате, крутя тяжелую связку ключей.

Родственники Дулей стали меня подначивать:

— Давай, Мэттью! Целуй ее!

Как разрулить эту ситуацию? Я глубоко вздохнул, подошел к Мередит и спокойно сказал:

— Мередит, мы ведь с тобой уже попрощались, правда?

До смерти смущенная Мередит молчала, не поднимая глаз.

Я по-отцовски взял ее за плечи. Наконец она посмотрела на меня.

Присутствующие понемногу трезвели.

— Мы ведь с тобой уже попрощались, Мередит? И я тебя обнял на прощание, правда?

Она медленно кивнула.

— Спасибо, — сказал я.

— Спасибо, — еле слышно прошептала она.

Я повернулся к Марджори и сурово заявил:

— Марджори, не смейте так со мной обращаться. Это несправедливо. Это нечестно по отношению ко мне, к Мередит и к вашему сыну Майклу.

После этого я снова ушел на кухню мыть посуду.

Черт бы побрал эти «культурные различия».

ДЕНЬ 148

Я весил 140 фунтов и постоянно сопливил.

Вот уже месяц каждый вечер после ужина я уходил к себе в спальню, принимал горячую ванну, слушал одну из трех моих кассет в «Уокмэне», писал очередное пятнадцатистраничное послание самому себе и дрочил, читая Байрона.

Каждый вечер.

Теперь я проходил стажировку на шестой работе. До этого я был кассиром в банке, лодочным механиком, помощником в фотолаборатории, помощником адвоката, строителем и помощником тренера по гольфу.

Не поднимая головы, я сидел за столом, жевал зеленый салат с кетчупом и ждал, когда наступит без четверти шесть, чтобы уйти к себе и приступить к ежевечернему ритуалу. Внезапно Норвел заявил:

— Мэттью, мы с Марджори решили, что все оставшееся время пребывания в нашем семействе ты должен называть нас мама и папа.

Я не ожидал такого поворота и на миг утратил дар речи.

— Спасибо, Норвел, — поразмыслив, ответил я. — Спасибо... что вы так обо мне думаете, но... У меня уже есть мама и папа... и они пока что живы*.

Норвел немедленно повторил:

— Как я уже сказал, мы с Марджори решили, что все оставшееся время пребывания в нашем семействе ты должен называть нас «мама» и «папа».

Я промолчал и доел политый кетчупом салат. После этого вежливо собрал все грязные тарелки, вымыл посуду, вернулся к столу и громко обратился к каждому:

— Спокойной ночи, Норвел. Спокойной ночи, Марджори. Спокойной ночи, Майкл. Спокойной ночи, Мередит.

Впервые за 148 дней мой ум, сердце и душа обрели согласие. Ни за что на свете я не назову посторонних людей мамой и папой. Это не обсуждается. И на «культурные различия» это не спишешь. А если это все-таки пресловутые «культурные различия», то прощу прощения, но мне на них наплевать.

Один-единешенек, в чужой стране, в странном окружении, я осознал ответственность за себя и за свои убеждения. Я все

* Не знаю, с какой стати я добавил «они пока что живы», как будто им грозила смерть. Так получилось.

осмыслил и сделал выбор. Мне не требовалось ничьих уверений. Эта ясность укрепила мою сущность. Я сохранил свою целостность — из принципа и ради того, чтобы выжить.

На следующее утро вместо звонка будильника раздались женские вопли в другом конце дома. Было шесть утра.

— Он! Не желает! Называть! Меня! Мамой!!! Он! Не желает! Называть! Меня! Мамой!!!

Я вскочил с кровати, выбежал из спальни и бросился к Марджори, которая рыдала за кухонным столом и выла в голос.

Я приобнял ее за плечи:

— Марджори, ну поймите же, в этом нет ничего личного. Вот вам понравилось бы, если бы ваш Майкл стал еще кого-то называть мамой и папой?

Потом мы поплакали вместе, каждый по своей причине.

Тогда я и решил, что пришла пора подыскать другую семью на «оставшееся время моего пребывания» в Австралии.

После обеда поднялся ураган, обещали смерчи. Улицы опустели. Струи дождя хлестали наискось, ветер дул со скоростью 45 миль в час, небо стало багрово-оранжевым. Я все равно решил отправиться на пробежку, до самого дома Харриса Стюарта, президента местного отделения Ротари-клуба.

Харрис открыл дверь:

— Ты что, спятил? Что случилось?

— Я тут вышел на пробежку, вот решил заглянуть к вам. У меня есть просьба.

— Входи скорее. Тут смерч обещают, а ты на пробежку отправился? Нашел время!

Я вошел, и он дал мне полотенце обсушиться.

— Что случилось? — повторил он.

Я вздохнул:

— Послушайте, я подумал... А нельзя ли мне переехать в какую-нибудь другую семью?

— А что у Дулеев? Тебе не нравится?

— Нет-нет, все хорошо, — ответил я, чтобы не наябедничать. — Просто... хотелось бы посмотреть, как живут другие.

— Понимаешь, Мэттью, в другой семье ты будешь лишним ртом, — сказал он. — А экономическая ситуация в стране сейчас не очень. Но... в общем, я поспрашиваю.

Благослови, Господи, Харриса Стюарта.

Он обратился к Коннору Харрингтону, управляющему банка, где я стажировался кассиром. Коннор с женой согласились взять меня к себе. Благослови, Господи, Коннора Харрингтона. В четверг, на еженедельном собрании Ротари-клуба, Харрис Стюарт во всеуслышание объявил в микрофон:

— Наш студент по обмену Мэттью вот уже полгода живет в семействе Дулей. Спасибо, Норвел, за твое гостеприимство.

Бурные аплодисменты.

— А теперь Мэттью переедет к Харрингтонам. Спасибо, Коннор.

Снова аплодисменты.

Собрание закончилось, все были довольны.

В общем, все устроилось без особых хлопот. Никаких трагедий. На собрании Норвел Дулей сидел рядом со мной, спокойно выслушал объявление Харриса, а теперь обменивался рукопожатиями с остальными членами клуба и всем меня расхваливал, зная о моем предстоящем переезде.

— Во вторник вечером, в половине седьмого я заеду к вам за Мэттью, — сказал Коннор Норвелу.

— Договорились, — ответил Норвел. — До встречи.

Все складывалось прекрасно.

Мы с Норвелом вернулись домой. Он молчал всю дорогу.

Вечером я пожелал Норвелу и Марджори спокойной ночи, они пожелали мне того же — и больше ни слова. На следующее утро я проснулся, позавтракал, ушел на работу, вернулся домой, поужинал и снова пожелал всем спокойной ночи. В ответ ни слова.

В субботу — никаких родственников, никакой вечеринки, никаких «тебе осталось несколько дней с нами, что бы такого устроить...»

В воскресенье — ничего.

В понедельник — ничего.

Во вторник утром — ничего.

Я пришел с работы пораньше, проверил, не забыл ли каких вещей. Два своих чемодана я собрал еще в прошлый четверг.

За пять дней о моем переезде никто не упомянул. Наконец в пять часов я в последний раз сел за стол с Норвелом, Марджори, Майклом и Мередит. Жевал зеленый салат с кетчупом. Все молчали.

В половине шестого я встал из-за стола и начал мыть посуду. Молчание. После этого я ушел в свою комнату, еще раз проверить, все ли собрал. Через полчаса за мной должен был захватить Коннор. Поскорее бы. Я расхаживал по комнате, каждую минуту поглядывая на часы.

В дверь постучали.

Я открыл.

На пороге стоял Норвел — подбоченившись, расставив ноги, весь такой решительный.

— В чем дело, Норвел?

Нимало не смущаясь, он заявил:

— Мэттью, мы с Марджори решили, что на время пребывания в Австралии ты останешься жить с нами. В нашем доме. Распаковывай вещи.

В сумраке Сумеречной зоны я ошалело поглядел на него. Мой дух восстал.

— Кхм... Спасибо, Норвел, — как можно спокойнее начал я, — за ваше радушное предложение. Но за год пребывания в Австралии мне хотелось бы увидеть и узнать как можно больше. Поэтому я предпочитаю переехать в другую семью.

Он вздернул голову и не двинулся с места.

— Мэттью, распаковывай вещи. Мы с Марджори решили, что на время пребывания в Австралии ты останешься жить с нами, — повторил он.

И тут я не выдержал. Размахнулся и с такой силой саданул кулаком по двери, что пробил фанеру насквозь. Потом высвободил окровавленную, утыканную занозами руку и, дрожа от

гнева, уставился на Норвела. Он тоже дрожал, ошеломленно вытаращив глаза.

— Норвел, — прорычал я, — уйди с дороги, не то я тебя размажу перед домом, так что до смерти будешь выковыривать гравий из своей жирной жопы.

У него отвисла челюсть. Он затрясся и потихоньку попятился.

Я стоял, не сводя с него глаз и не разжимая окровавленных кулаков. От ярости я чуть не обоссался.

Он повернулся и убежал в коридор.

Я вытащил занозы из руки, смыл кровь в умывальнике, намочил полотенце холодной водой и обтер лицо. А потом заметался по комнате, пытаюсь успокоиться, осмысливая, что я натворил, и соображая, как быть дальше. За окном раздался гудок автомобиля. Я посмотрел на часы. Половина седьмого.

Я выкатил чемоданы в коридор, мимо кабинета Норвела, протащил их через жилую комнату, кухню и гараж на подъездную дорожку, где в «лендкрузере» сидел Коннор Харрингтон. В дверях стояли Норвел, Марджори, Майкл и Мередит, печальные, будто провожали сына в армию. Марджори заливалась слезами. Майкл, рыдая, сгреб меня в объятия. Мередит всхлипывала и щипала себя за щеки. Я поцеловал ее в лоб. Даже Норвел смахнул слезу. Чемоданы погрузили в багажник «лендкрузера», и мы с Коннором уехали. В зеркале заднего вида семейство Дулей, утирая слезы, дружно махало вслед удаляющейся машине, пока она не скрылась из виду.

ДЕНЬ 326

Субботний вечер, мой последний в Австралии. На следующий день я улетаю домой. Я пробыл здесь без малого целый календарный год. Последние месяцы я жил у Стюартов, а перед этим провел два месяца у Трэверсов, а до них — месяц у Харрингтонов. Все они были прекрасными, компанейскими людьми и добрыми друзьями. В тот день все собрались у Харриса на мою прощальную вечеринку. Развлекались как обычно по субботам:

Харрис играл на гитаре, мы по очереди читали вслух рассказы из сборника Вуди Аллена «Побочные действия», хохотали и пили портвейн до трех часов ночи.

К полуночи Коннор Харрингтон ни с того ни с сего спросил:

— Эй, Мака! — (Мне дали такое австралийское прозвище.) — Как тебе удалось так долго продержаться у Дулеев?

Я ошарашенно спросил:

— В каком смысле?

Все захихикали.

— Они же все того... с приветом, — рассмеялся он.

Все разразились громовым хохотом.

Раскрыв рот, я смотрел на них. Народ корчился от смеха, надрывал животы, только что не бился в истерику.

— Вот сволочи! — завопил я. — Вы знали! Вы с самого начала все знали! Знали, что они психованные! И вы меня с ними оставили? Да я с ними чуть сам с ума не сошел!

Хохот не умолкал. Тут я и сам засмеялся, и вскоре мы все катались по полу от смеха.

Такие вот у австралийцев шуточки.

Если честно, то у Дулеев мне было очень плохо. Для моего духа это была непрерывная адская пытка. Красный сигнал светофора. Все мои представления о собственном величии оказались иллюзией.

Но я дал слово, и о возвращении домой раньше срока не могло быть и речи. Я терпел. Только потом я понял, что мои мучения и мое одиночество были одним из самых важных моментов в моей жизни.

До поездки в Австралию я не задумывался о себе. А в Австралии впервые был вынужден разбираться в своих внутренних ощущениях, чтобы понять, что происходит вокруг.

Моя жизнь в Техасе была лучезарна и радужна, лето круглый год: «первый красавец», отметки, подруга — самая красивая

в школе (и в другой школе тоже), мой собственный плакал. И гуляй сколько влезет. Никакого надзора.

Австралия — страна солнечных пляжей, бикини и серфинга, но такой я ее не увидел. В этой поездке я научился уважать зиму. Целый год я был наедине с самим собой. Каждый вечер лежал в ванне и дрожил, читая Байрона и слушая «Rattle and Hum». Ежедневно уговаривал себя: «Все в порядке. Со мной все хорошо. Ты справишься, Макконахи. Это просто культурные различия». Я стал абстинентом и вегетарианцем, весил 130 фунтов, собирался пойти в монахи и освободить Нельсона Манделу.

Да, меня отправили в зиму. Заставили разбираться в себе, потому что никого больше рядом не было. И ничего не было. Никаких подпорок. Ни родителей, ни друзей, ни подруг, ни отличных оценок, ни телефона, ни плача. Ни «первого красавца».

Зато постоянный надзор. И комендантский час.

Этот год сделал меня тем, кем я в итоге стал.

Я нашел себя, потому что деваться было некуда.

Этот год заронил в меня убеждение, которое я сохранил по сей день. Жизнь трудна. В ней случаются неприятности. Мы сами создаем себе неприятности. В Австралии я должен был провести год, и для меня это было неизбежным, потому что я дал слово. Я добровольно пообещал себе, что раньше времени не вернусь. Поэтому я выработал особое отношение к происходящему. **Относительное.** Я отказывался признавать, что семейство Дулей — ненормальные люди. Я жил в кризисе, но старался не обращать на него внимания. Держался на плаву до самой финишной черты. Упорствовал. Доказывал себе, что унаследовал отцовскую принципиальность.

И чтобы окончательно не сойти с ума, говорил себе, что из всего этого можно и нужно извлечь урок, что в этом есть и положительная сторона, нужно только пройти через этот ад. И я прошел. Невозможно по-настоящему ценить свет, не ведая тьмы. Чтобы твердо встать на ноги, надо сначала потерять равновесие. Лучше прыгнуть, чем упасть. И это — я.

ЗЕЛЕНый СВЕТ

Р. С. Пока я жил у Дулеев по программе студенческого обмена, их второй сын, Рис, жил с моими родителями. Как он проводил время?

Мои родители свозили его на экскурсию в НАСА и в парк развлечений «Шесть флагов», а на лето поехали с ним во Флориду, где он каждые выходные устраивал вечеринки. Он ухлестывал за девчонками, упирая на неотразимый австралийский акцент, и катал мою бывшую подругу на моем пикапе. Ходили слухи, что две впечатлительные американки поддались его чарам по полной программе. Домашний бар был опустошен. Рис Дулей прекрасно провел время в Америке.

чудовище

Будущее — чудовище,
не монстр
под кроватью.

Прошлое — то, от чего
мы пытаемся убежать
завтра.

Чудовище — будущее.

Неизвестное.

Еще не пересеченные
границы.

Еще не реализованный
потенциал.

Неприрученный дракон.

Дорога к столкновению,
с которой не свернуть,

будущее, чудовище,
всегда нас поджидает

и всегда замечает
наше приближение.

Поэтому подними
голову,

взгляни ему в глаза

и увидишь, что оно
насторожится.

Я вернулся домой, в Техас. Мне было девятнадцать, я провел год в Австралии и теперь официально имел право употреблять спиртные напитки. Однажды вечером мы с отцом поехали в универмаг «Уолмарт», за бумажными полотенцами и едой для собаки, а на пути домой заглянули в бильярдную в торговом центре на юго-западе Хьюстона.

Выпили пивка, пообщались с отцовскими приятелями. Я держался почтительно, но мне хватало уверенности принимать участие в разговоре. Через пару часов мы расплатились в баре и направились к выходу. Я шагнул за порог, отец следом, и тут мускулистый вышибала подступил к отцу и спросил:

— Вы оплатили счет?

Отец, не останавливаясь, бросил: «Да, конечно» — и продолжал шагать. То, что случилось потом, я до сих пор вижу как в замедленной съемке. Вышибала решил остановить отца и приложил ладонь к его груди. Он посмел прикоснуться к моему отцу! Прежде чем отец указал обидчику на ошибочность такого поведения, это сделал я.

Каким-то образом я оказался верхом на вышибале, который растянулся на бильярдном столе в пятнадцати футах от входа. Я с таким усердием и так долго молотил кулаками, что одобрителные пьяные выкрики сменились испуганным перешептыванием. Меня оттащили и схватили за руки, а я плевался и пинал поверженного противника. Наконец невозмутимый голос у меня над ухом произнес:

— Ну все, хватит, сынок. Хватит.

Так я прошел свой ритуал взросления. Отец меня принял. В его глазах я в тот вечер стал мужчиной. В тот вечер мы стали друзьями. В тот вечер он обзвонил всех своих приятелей и сказал:

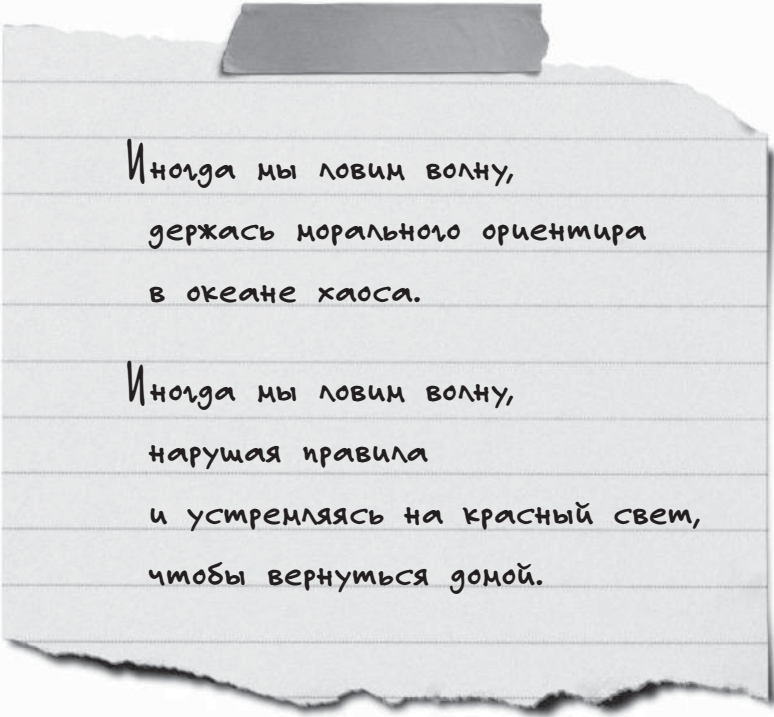
— С моим младшеньким все в порядке, ребята. Он сегодня вышибале в баре приложил, мало не показалось. Только за ним нужен глаз да глаз, он как психанет, так удержу не знает.

С того самого вечера в любом баре, куда ходили отец, мой брат Майк и отцовские приятели, меня считали полноправ-

НАЙДИ ВОЛНУ

ным участником компании все те, к кому я прежде обращался на «вы». Да, таким примитивным образом я заслужил отцовское уважение, зато теперь не просто слушал рассказы о попойках, а принимал в них непосредственное участие.

ЗЕЛЕНый СвЕТ

Иногда мы ловим волну,
держась морального ориентира
в океане хаоса.

Иногда мы ловим волну,
нарушая правила
и устремляясь на красный свет,
чтобы вернуться домой.

“Style is knowing who you are, what you want to say, and not giving a damn.”

Care Vidal (1925-)

-5-8-89-

-A It's not that the fuckin' truth. To have style you have to have those in this order. You've got to know who you are before you know what you want to say then not give a damn. But knowing who you are is the base that everything else comes from. I've got more style now than ever before but I'm still adding to my style. You know who you are when you become independent enough to believe your own thoughts and become responsible for your actions and you not only "believe" what you want but you live what you believe. LIVE WHAT YOU BELIEVE... "LIVE THE QUESTIONS FIRST, THEN WHAT YOU BELIEVE (slight changes)... THEN YOU HAVE YOUR OWN PERSONAL

STYLE"

mean

That's fun to write.

“Стиль — это знание того, кто ты, что ты хочешь сказать, и равнодушие к этому.”

Гор Видал (1925-)

- 8-5-89 -

Вот она, правда. Чтобы обладать стилем, нужно иметь все это именно в таком порядке. Надо знать, кто ты, прежде чем знать, что ты хочешь сказать, и потом быть к этому равнодушным. Но знание того, кто ты, — основание, из которого следует все остальное. Сейчас у меня больше стиля, чем раньше, но я продолжаю его развивать. Ты осознаешь, кто ты, когда становишься достаточно независимым, чтобы верить в свои мысли и отвечать за свои поступки, и не просто «верить» в то, что хочешь, а быть тем, во что веришь. ЖИТЬ ТЕМ, ВО ЧТО ВЕРИШЬ. “ЖИТЬ СНАЧАЛА ВОПРОСАМИ, А ПОТОМ ТЕМ, ВО ЧТО ВЕРИШЬ (небольшое изменение)... И ТОГДА У ТЕБЯ БУДЕТ ТВОЙ СОБСТВЕННЫЙ

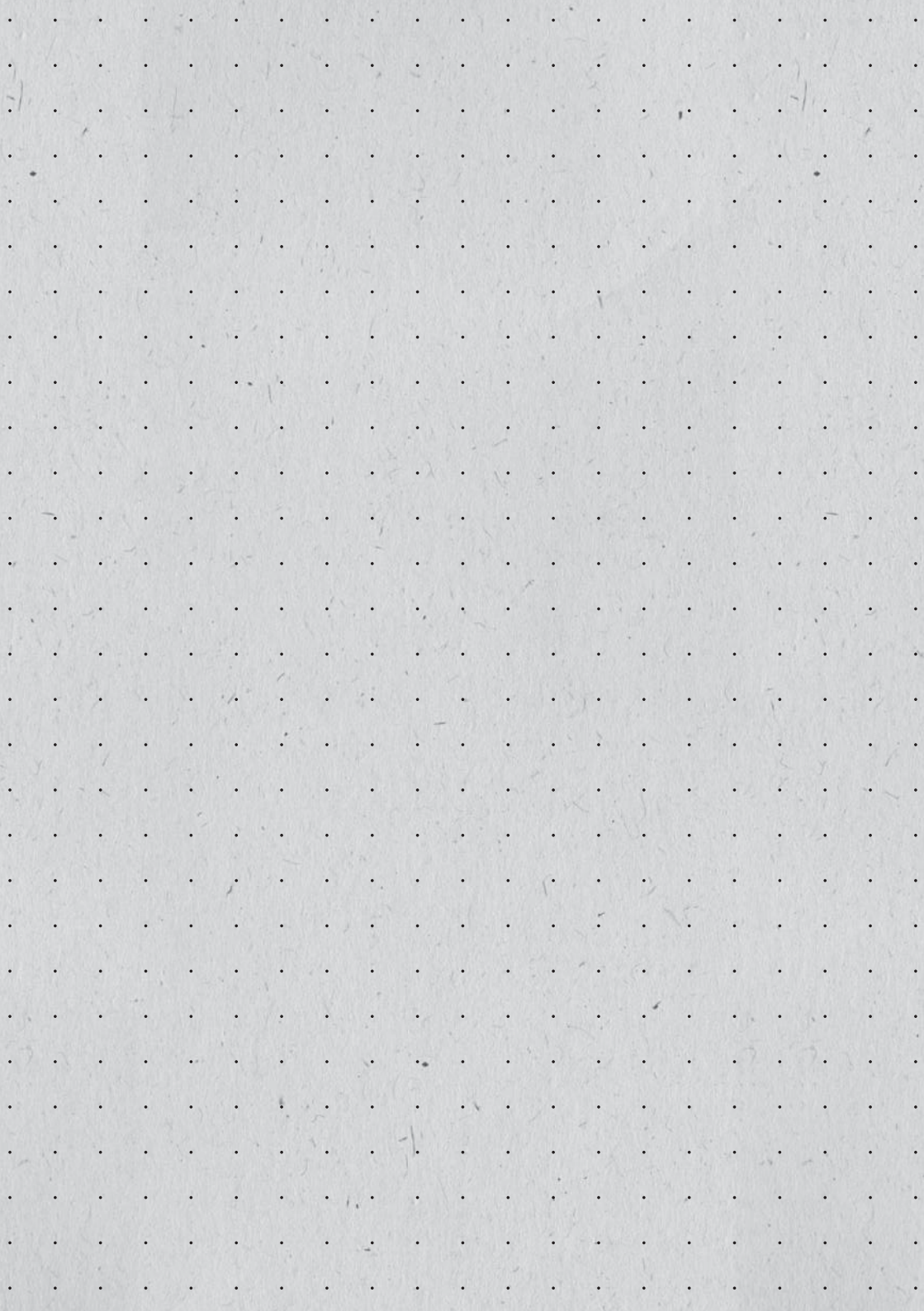
СТИЛЬ”

Меню.

Писать это было интересно.

Часть третья

**ПРОСЕЛОЧНЫЕ
ДОРОГИ
И МАГИСТРАЛИ**

ПОДАВАТЬ ЗАЯВЛЕНИЯ В КОЛЛЕДЖИ я начал еще в Австралии. Я послал документы в университет Дьюка, университет Грэмлинга, Техасский университет в Остине и в Южный методистский университет. Еще с девятого класса я хотел поступить на юридический факультет, чтобы стать адвокатом. Я любил участвовать в дебатах, и в семье полушутя говорили, что «Мэттью заделается нашим адвокатом, будет защищать семейный бизнес, подавать в суд на крупные корпорации и стрясет кучу денег с какого-нибудь „Норкового масла“».

Мне хотелось поступить в Южный методистский университет в основном из-за того, что он находится в Далласе, поскольку я считал, что в большом городе больше возможностей устроиться интерном в юридическую фирму, чтобы увеличить шансы найти хорошую работу после окончания университета.

Однажды мне позвонил отец:

— Сын, ты уверен, что не хочешь стать «лонгхорном»?

Названия университетов он всегда подменял названиями их спортивных клубов и особое предпочтение выказывал Техасскому университету в Остине.

— Нет, пап, я хочу быть «мустангом».

(Спортивный клуб Южного методистского университета называется «Мустанги».)

Он что-то пробурчал.

— Пап, ты не возражаешь?

— Да вроде нет. Просто думал, что, может, тебе захочется стать «лонгхорном».

— Нет, сэр, я хочу быть «мустангом».

— А, ну ладно, — сказал он и повесил трубку.

Через час позвонил мой брат Пэт.

— Что случилось? — спросил я.

— Ты точно знаешь, что не хочешь быть «лонгхорном», братишка?

— Точно.

— Ты уверен?

— Да, уверен. А почему вас с отцом это так интересует?

— Понимаешь, отец тебе не скажет, конечно, но в нефтяном бизнесе сейчас застой. Так что дела плохи. Отцу грозит банкротство.

Нефтяной бум, из-за которого в 1979 году мы переехали из Ювалде в Лонгвью, давно закончился, и в последние годы отцу приходилось крутиться, чтобы платить по счетам.

— Правда?

— Да. Год обучения в Южном методистском обходится в восемнадцать тысяч долларов, потому что это частный университет. А Техасский университет — публичный, поэтому обучение там стоит всего пять тысяч в год.

— Черт, я же не знал.

— Вот так-то. Между прочим, братишка, ты когда-нибудь был в Остине?

— Нет.

— Тебе понравится. Честное слово, это просто твой город. Гуляешь себе в шлепанцах, заходишь в бар, справа — ковбой, слева — лесбиянка, рядом с ней индеец, а за стойкой — лилипут. В таком городе легче легкого быть собой.

На следующий день я позвонил отцу:

— Пап, я передумал. Я хочу быть «лонгхорном».

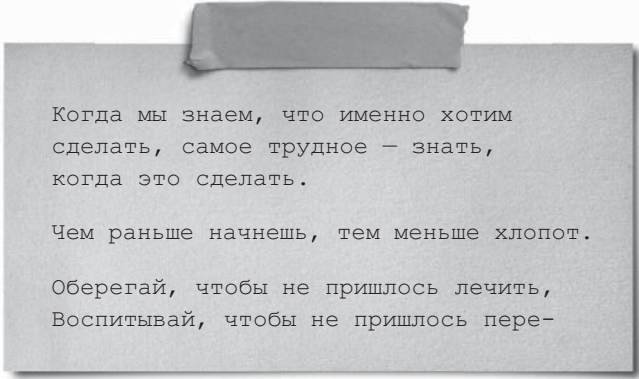
— Точно знаешь? — спросил он, не скрывая волнения.

— Да, сэр.

— Ох, черт возьми, дружище, отличный выбор! А почему ты передумал?

— Просто мне «лонгхорны» нравятся больше «мустангов».

Из уважения к отцу я поступил в Техасский университет в Остине, но не признался, почему именно. Я знал, что мое решение обрадует отца. Вскоре я передумал еще раз, хоть и не был уверен, как отец на это отреагирует.

Когда мы знаем, что именно хотим
сделать, самое трудное — знать,
когда это сделать.

Чем раньше начнешь, тем меньше хлопот.

Оберегай, чтобы не пришлось лечить,
Воспитывай, чтобы не пришлось пере-

Второй курс подходил к концу, надвигались экзамены, и я не высыпался. Не потому, что кровать была неудобная, а потому, что мысли не давали покоя. Что-то не складывалось. Четыре года обучения, и после выпуска мне будет двадцать три. Потом еще три года на юридическом факультете — получается, что на работу я устроюсь в двадцать шесть и лишь к тридцати чего-нибудь добьюсь. Мне очень не хотелось тратить десять лет на подготовку к дальнейшей жизни.

Я сочинял рассказы, записывал их в дневник и показал парочку своему другу Роббу Биндлеру, который учился на факультете кинематографии в Нью-Йоркском университете. Робб назвал их достойными и оригинальными. «А ты не думал о факультете кинематографии? — спросил он. — Ты ведь очень хороший рассказчик». Факультет кинематографии? Звучало лестно и как-то загранично, по-европейски. Радикально, легкомысленно, раз-

гульно. Вычурно. У меня отсутствовали слова, чтобы сформулировать такую мысль даже в мечтах, не говоря уже о том, чтобы рационально стремиться к этому поприщу. Нет, это не для меня.

За несколько часов до экзамена по психологии я заглянул в свой студенческий клуб «Дельта Тау Дельта», захватил что-то перекусить и ушел к одноклубникам, которые всю ночь готовились к экзаменам, а сейчас отсыпались. Я уселся на диван, раскрыл учебники и начал повторять материал. Я был прилежным студентом, каждую свободную минуту посвящал подготовке к экзаменам и гордился тем, что на экзамен приходил спокойно, выучив все необходимое. По большей части у меня были отличные оценки.

Но в этот день, когда до экзамена оставались считанные часы, я непонятно почему сказал себе: «Не трусь, Макконахи, ты все знаешь», сложил учебники и конспекты в рюкзак и включил телевизор на спортивный канал И-эс-пи-эн. Вообще-то, я люблю спорт и готов смотреть все подряд, даже «Самый сильный человек планеты», если больше ничего интересного не показывают. Транслировали бейсбольный матч. Великолепно. Однако через пять минут я выключил телевизор. Мне было неинтересно.

Я огляделся. На полу слева от меня лежала стопка журналов. «Плейбой», «Хастлер». Я люблю женщин и люблю разглядывать обнаженных женщин. Но сегодня, непонятно почему, мне было неинтересно. Я рассеянно перебирал журналы и вдруг наткнулся на тоненькую книжицу. Белая обложка, название написано красным курсивом.

«Величайший торговец в мире»

«Интересно, это про кого?» — подумал я, раскрыл книгу и начал читать.

Спустя два с половиной часа я дошел до первого «свитка». Только что выяснилось, что «величайший торговец» в названии — это читатель книги, то есть в данном случае я, и теперь мне следует на протяжении месяца трижды в день перечитывать этот свиток, прежде чем приступить к следующему. Я посмотрел на часы. До экзамена оставалось двадцать минут.

Я растолкал спящего приятеля и спросил:

— Брэдон, можно я возьму ее почитать?

— Да бери насовсем, — ответил он.

Я схватил книгу и отправился на экзамен.

Я был очень взволнован. Мне казалось, что и книга, и ее название, и ее содержание, и тайна десяти свитков — все это нечто особенное, предназначенное только для меня. Как будто книга меня нашла.

Я сдал экзамен. Меня больше не интересовала ни психология, ни экзаменационная оценка — больше всего мне хотелось прочесть свиток. Я каким-то образом осознал, что в книге содержится нечто большее, чем в университетской аудитории.

СВИТОК ПЕРВЫЙ

*«Я приобрету благие привычки
и стану их рабом».*

Меня осенило, что лгать себе самому — дурная привычка. Карьера юриста не для меня. Я хотел сочинять и рассказывать истории. Я метался по своей комнате в общежитии, пытаюсь сообразить, когда лучше всего позвонить отцу и сказать ему, что я передумал и не хочу учиться на юридическом факультете, а хочу пойти на факультет кинематографии. В половине восьмого, думал я, он как раз поужинает, нальет себе чего-нибудь горячительного и усядется на диван смотреть с мамой телевизор. Вот в половине восьмого и надо позвонить.

Отец учил нас добросовестному труду и честной работе от звонка до звонка. В семье «синих воротничков» я должен был стать адвокатом. Факультет кинематографии... Ох.

Обливаясь потом и тяжело дыша, в 07:36 я позвонил домой.

Отец поднял трубку.

— Привет, пап, — сказал я.

— Привет, сынок. Как дела? — спросил он.

Я собрался с духом.

— Да вот, хотел с тобой кое-чем поделиться.

— Ну рассказывай.

Ох.

— Понимаешь, я передумал. Все-таки я не хочу быть адвокатом. Хочу поступить на факультет кинематографии.

Молчание. Секунда, другая, третья. Четвертая. Пять секунд. А потом раздался голос. Добрый, заинтересованный.

— Ты в этом уверен?

— Да, сэр. Да, папа.

Молчание. Еще пять секунд.

— Что ж... Только смотри **не облажайся**.

«Смотри не облажайся...» Я совершенно не ожидал от отца ни такой реакции, ни таких слов. А ведь лучше и не скажешь. Этими словами он дал мне не только свое благословение и согласие, но и выразил одобрение. Дело было еще и в том, *как* он это сказал. Он подтвердил, что я этого достоин, и оказал мне честь, предоставив полную свободу действий. Этими словами он, если можно так выразиться, вывел меня на орбиту. В тот день мы с ним заключили своеобразный договор. Спасибо, папа.

ЗЕЛЕНый СВЕТ

биология и понукание

ДНК и работа.

Генетика и сила воли.

Жизнь — это набор элементов.

У одних есть генетические задатки,
но нет ни трудолюбия, ни выдержки.

Другие всю жизнь пахут изо всех сил,
но не имеют врожденных способностей.

А у третьих есть и то и другое, но
они никогда не полагаются на первое.

При поступлении на факультет кинематографии необходимо показать либо свой короткометражный фильм, либо другое произведение искусства. У меня не было ни того ни другого, но мой средний балл составлял 3,82, и меня не просто приняли, но и включили в программу повышенной подготовки.

Однако же в моей новой карьере, в отличие от юриспруденции, средний балл ничего не значил. Ни голливудских продюсеров, ни режиссеров не интересуют мои школьные отметки. Им надо увидеть то, что заслуживает внимания. Мне надо было что-то сделать — снять фильм, исполнить роль. Короче, мне нужна была работа.

Я зарегистрировался в местном актерском агентстве Донны Адамс и устроился интерном в рекламную компанию, где работал четыре дня в неделю, в свободное от занятий время. Обзавелся пейджером и без колебаний пропускал занятия, чтобы съездить в Сан-Антонио или в Даллас, на пробы актеров для музыкальных клипов или рекламы пива. Накопил массу отказов.

Первый оплачиваемый заказ я получил как «модель рук». При первой встрече Донна Адамс сказала, что у меня красивые руки, и посулила мне большое будущее, если я перестану грызть ногти. Она оказалась права. С тех самых пор ногти я не грызу.

Да, красотой сыт не будешь, но она открывает двери, и я был твердо намерен проскользнуть в любую. Я ставил черно-белые короткометражки и снимал их на 16-миллиметровую пленку камерой «Болекс», я монтировал фильмы, был помощником режиссера в фильмах однокурсников, делал постановочные фотографии, писал сценарии и играл роли. И регулярно пропускал занятия из-за поездок в Сан-Антонио и в Даллас.

Однажды декан вызвал меня к себе.

— Мэттью, посещение занятий обязательно, особенно для тех, кто учится по программе повышенной подготовки. Если ты и дальше будешь прогуливать или уходить с лекций, я не смогу поставить тебе зачет.

Я посмотрел ему в глаза:

— Мы же с вами знаем, что директорам голливудских и нью-йоркских студий абсолютно безразлично, есть у меня профильный диплом или нет. Для тех, кто снимает кино, дипломы ничего не значат. Их интересует готовый продукт: фильм или сыгранная роль. Я прогуливаю занятия по одной-единственной причине — чтобы создать то, что они захотят приобрести. А в университетских стенах меня учат стремиться к тому, к чему я и сам стремлюсь вне университетских стен. — Тут мне в голову пришла замечательная мысль, и я выпалил: — Давайте так: я прихожу на все экзамены без исключения, а выставляете мне «удовлетворительно» по всем предметам программы.

Он промолчал.

А я упрямо придерживался предложенного мной плана: продолжал прогуливать занятия, но на все экзамены являлся, подготовившись как можно лучше.

В конце семестра я получил удовлетворительные отметки по всем предметам университетской программы, однако накопил гораздо больше практических знаний, чем если бы учился исключительно на «отлично».

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

В компанию сокурсников я не вписывался. Из всех студентов факультета кинематографии только я был членом студенческого братства. Ходил в сапогах и в отглаженных рубашках, застегнутых на все пуговицы и заправленных в брюки. Загорелый. Учтивый. Не нервный.

Все остальные носили черное, отличались нездоровой бледностью, предпочитали готские прикиды и жались по углам.

Один из наших преподавателей заставлял нас каждые выходные ходить в кино, а в понедельник обсуждать просмотренные фильмы на семинарах. Я отправлялся в «Метроплекс», смотрел какой-нибудь блокбастер, а в понедельник как ни в чем не бывало заявлял что-нибудь типа: «Я тут посмотрел „Крепкий орешек“ и...» Мои однокурсники, не дослушав, отмахивались: «Да ну, фигня». Они на выходных посещали, скажем, ретроспективу Эйзенштейна.

Меня начали терзать сомнения. «Ты должен делать то, что подобает творческому человеку, Макконахи. Смотреть артхаусные фильмы в артхаусных кинотеатрах, а не блокбастеры в „Метроплексе“. Тебе не хватает независимости. Нужно быть более эксцентричным и менее дружелюбным». Я решил носить рубашку навыпуск.

И продолжал смотреть блокбастеры. В очередной понедельник я рассказал о просмотренном фильме, и мои сокурсники начали недовольно бормотать: «Большие студии выпускают всякую дрянь... продажная корпоративная Америка...»

— Погодите-ка, — возразил я. — Объясните мне, пожалуйста, почему эти фильмы — дрянь. Что в них плохого? Что вам в них не понравилось?

Все замолкли и стали переглядываться. Наконец один из них ответил:

— Вообще-то... мы их не видели. Просто знаем, что это дрянь.

— Да пошли вы все! — не выдержал я. — Вы заранее считаете дрянью все то, что пользуется популярностью.

И после этого я перестал стыдиться того, что был и членом студенческого братства, и студентом кинематографического факультета.

А рубашку я снова стал заправлять в брюки.

Меня всегда интересовали различия в поведении и культуре разных народов. Мне нравилось искать и находить общий знаменатель ценностей, фундамент, кроющийся под нашими

Племена

Мы хотим любимых, друзей,
новобранцев, солдат и связи,
которые поддерживают нашу
сущность.

Люди, индивиды, верят в себя,
хотят выжить и, где-то на
дарвинистском уровне, хотят
обрести себя в полной мере.

Поначалу это визуальный выбор.

Где, что, когда и кто... для
нашего почему.

При ближайшем рассмотрении,
с подачи политически корректной
культуры нашего времени, мы
учимся мерить людей по
соответствию их ценностей тому,
что мы ценим превыше всего.

И когда мы так поступаем,
гендерная и расовая политика
и оскорбительные выражения
отходят на второй план
в сравнении с важностью
ценностей, которые мы
разделяем.

Чем больше мы путешествуем, тем
больше осознаем схожесть наших
человеческих потребностей.

Мы хотим быть любимыми,
хотим семью и общину,
хотим на что-то надеяться.

Эти основные потребности
присутствуют во всех
социоэкономических
и культурных обществах.

Я видел племена в пустынях
Северной Африки, где семья
с девятью детьми обходится
без электричества, но живет
в такой радости, любви,
достоинстве и счастье, какие
неизвестны большинству моих
материально обеспеченных
знакомых.

У нас есть выбор любить,
дружить, вербовать, призывать
к оружию, связываться
и поддерживать

тех, в кого мы верим, и, что
гораздо важнее, тех, кто,
как мы верим, верит в нас.

По-моему, это то, чего мы
все хотим: верить в других
и чтобы другие верили в тебя.

Сначала мы все должны обрести
веру в себя, а потом – друг
в друга.

Заслужи ее с собой, потом
заслужи ее со мной, а потом
мы заслужим ее для нас.

Путешествия и человечество
были моими лучшими учителями.

Они помогли мне отыскать общий
знаменатель человечества.
Ценности.

Взаимодействуй с собой,
а потом взаимодействуй с миром.

Ценности путешествуют.

Отметку в паспорте можно
получить, просто перейдя через
дорогу.

различиями. По вечерам мы с приятелями-студентами тусовались на Шестой улице, только они предпочитали бары, где можно было снять девчонок из студенческих обществ, а я уходил в «Кэтфиш стейшн», душное заведение с преимущественно чернокожими посетителями, где подавали жареного сома, наливали пиво и играли блюз. Туда было не протолкаться, когда выступал саксофонист Кайл Тернер или давала концерт слепая группа *Blue Mist*. Я пробирался к сцене, поближе к холодильнику с пивом, прислонялся к нему и, наслаждаясь относительной прохладой, доставал себе бутылку. Заправлял всем Ларон, а официанткой была Тэмми, негритянка полуночной красоты, недосыгаемая, как рок-звезда. За ней ухлестывали все посетители мужского пола, оставляя щедрые чаевые в надежде, что повезет. Не везло никому, включая и меня, но на размер чаевых это не влияло.

Как-то раз перед закрытием, расплачиваясь с Лароном за шесть выпитых бутылок, я сказал ему, что хочу устроиться к нему на работу, официантом. Заработок «модели рук» был скромным и весьма нестабильным, а деньги были нужны. Вдобавок я любил блюз. Ларон рассмеялся. Я был единственным белым посетителем кафе.

— Я не шучу, — сказал я. — Мне деньги нужны, и музыка нравится.

Он снова захохотал, а потом с минуту смотрел на меня.

— Ну ладно, обалдуй хренов. — Он вытащил ручку и что-то написал на чеке. — Во вторник утром, к девяти, приходи по этому адресу и спроси Хомера. Он — хозяин кафе. Я ему про тебя скажу.

В назначенное время я пришел по указанному адресу, тоже на Шестой улице. Это был просторный клуб, куда вскоре и переехало «Кэтфиш стейшн». Посреди зала огромный негр — в нем было фунтов 340, а то и больше, — в белом комбинезоне уборщика, обливаясь потом, елозил шваброй по бетонному полу. Еще один негр стоял за барной стойкой и занимался какой-то бухгалтерией.

— Хомер? — спросил я.

Негр за стойкой не шелохнулся. Второй продолжал орудовать шваброй.

— Хомер Хилл? — повторил я погромче.

Человек за стойкой склонил голову к правому плечу:

— Ну, я это.

— Меня зовут Мэттью. Меня к вам прислал Ларон. Я хочу устроиться официантом в «Кэтфиш стейшн».

— А, да, — небрежно бросил он. — Бери швабру и помоги Карлу убрать мужской туалет.

Карл повернулся и шваброй стал толкать ведро с водой к туалетам, на ходу указав мне на еще одно ведро и швабру у стены.

Я такого не ожидал. Улыбнулся. Хомер без улыбки смотрел на меня. Тогда я взял ведро, пошел в мужской туалет и стал мыть пол с таким усердием, будто собирался отнять работу у Карла.

Минут черед пятнадцать, когда я отмывал унитаза, послышался голос:

— Ладно, бросай швабру.

Я обернулся. В туалете стоял Хомер.

— Ты правда хочешь работать у меня официантом?

— Правда, — сказал я.

Хомер покачал головой и хихикнул:

— В четверг вечером, к шести, приходи в «Кэтфиш-стейшн». Будешь помогать Тэмми, она тебе покажет, что и как делать.

В четверг вечером я пришел в «Кэтфиш-стейшн» без четверти шесть. Я был частым гостем в заведении, Тэмми меня помнила, но ей пришлось не по нраву, что теперь меня надо учить обслуживанию. Тэмми была королевой заведения, а я вторгся на ее территорию и покусился на ее чаевые. Однако же за три вечера Тэмми научила меня всему: где отмечать приход на работу, как управляться с кассой, где оставлять заказы для кухни, какую долю чаевых давать поварам, какие столы я буду обслуживать и к каким посетителям, отличавшимся особенной щедростью, мне не позволено ни подходить, ни даже глядеть в их сторону.

Спустя неделю мне доверили обслуживать столы самостоятельно. Девяносто процентов посетителей составляли черно-

кожие мужчины, десять процентов — чернокожие женщины, подруги этих самых мужчин. Восемьдесят процентов посетителей были неженатыми и приходили в «Кэтфиш-стейшн» не столько слушать блюз, сколько ухлестывать за Тэмми, так что к белому парню-официанту особой приязни они не испытывали. Это отражалось на размере чаевых. В конце одного вечера мне досталось 32 доллара, а вот Тэмми набрала 98 долларов.

Следующие два года, с четверга по субботу, я работал официантом в «Кэтфиш-стейшн». Многие посетители в конце концов стали мне друзьями и со временем сами садились за «мои» столы. Многие, но не все. Мы с Тэмми тоже подружились, но мне, как и всем остальным мужчинам, посещавшим заведение, не досталось даже поцелуя в щеку. Хотя я очень старался. А еще так и не смог заработать чаевых больше, чем она.

С Хомером мы дружим уже много лет. В прошлом году вместе ходили на футбол, смотреть игру «лонгхорнов».

ЗЕЛЕНый СВЕТ

Мы здесь не для того, чтобы притерпеться
к нашим различиям,

Мы здесь для того, чтобы их принять.

Мы здесь не для того, чтобы чувствовать наше
сходство,

Мы здесь для того, чтобы восхищаться нашим
своеобразием.

Мы не рождаемся в равном положении

Или с равными способностями,

Но у нас должны быть равные возможности.

Нас, как личности,

Объединяют наши ценности.

Чествуйте их.

Теперь, когда я работал в «Кэтфиш-стейшн», у меня завелись деньги, но не то чтобы много, и от бесплатной выпивки я не отказывался. Однажды я пригласил свою подругу, Тоню, в бар отеля «Хайятт», где барменом был мой одноклассник Сэм. Бесплатная выпивка.

— Две водки с тоником, Сэм.

Он принес нам коктейли и сказал:

— Вон там, за стойкой, сидит тип, который приехал снимать кино. Он торчит у нас каждый вечер. Давай я вас познакомлю.

Так я познакомился с единственным и неповторимым Доном Филиппсом. Я поздравил его с приездом в Остин. Оказалось, что мы оба увлекаемся гольфом, и разговор зашел о гольф-полях, на которых нам довелось играть. Дон тоже пил водку с тоником. С удовольствием.

Несколько часов спустя Дон, взобравшись на стул, что-то вещал, а распорядитель бара безуспешно пытался его утихомирить. Когда стало ясно, что утихомириваться он не намерен, его выставили из бара.

Я пил вровень с Доном, утихомириваться тоже не собирался, поэтому нас обоих бесцеремонно выпроводили из отеля. В третьем часу ночи Дон взял такси и предложил подвезти меня до дома. Я согласился, потом вытащил косячок, и мы закурили.

— Мэттью, а ты где-нибудь снимался? — спросил Дон.

Я честно сказал, что на полторы секунды мелькнул в рекламе пива «Миллер-лайт» и засветился в музыкальном клипе Триши Йервуд.

— Я сейчас подбираю актеров для одного фильма. В нем есть небольшая роль, на которую ты подойдешь. Завтра утром, в половине десятого, приходи по этому адресу, возьмешь сценарий. Я помечу твои три сцены.

Тут мы подъехали к моему дому. Я попрощался с Доном и вышел из такси.

На следующее утро, к половине десятого (то есть в то же самое утро, только на шесть часов позже), я приехал по указанному Доном адресу, где мне вручили сценарий с моим именем на обложке и записку от Дона: «Вот сценарий, персонажа зовут Вудерсон. Пробы начинаются через две недели».

Сценарную реплику, которая дает толчок к пониманию роли, я стал называть «стартовой». В сценарии фильма «Под кайфом и в смятении» такой репликой для меня стало:

«Знаешь, чувак, вот поэтому мне и нравятся выпускницы.
Я старею, а они всегда одного возраста».

Вудерсону двадцать два года, но он все время ошивается у школы. Эта реплика раскрывает его внутренний мир и становится энциклопедией его души. Я вспомнил своего брата Пэта. Он учился в старших классах и для меня, одиннадцатилетнего, был настоящим героем. Однажды, когда его «шевроле-

камаро Z28» был в ремонте, мы с мамой поехали забирать Пэта после уроков. На стоянке Пэта не оказалось.

— Куда он подевался? — спросила мама.

Я покрутил головой во все стороны и сквозь заднее окно увидел Пэта. Он стоял в тени школьного двора, ярдах в ста от нас, на площадке для курильщиков, согнув ногу в колене, небрежно опираясь о кирпичную стену, и как ни в чем не бывало покуривал «Мальборо» — круче Джеймса Дина и на два фута его выше.

— Воон... — начал я и тут же умолк, сообразив, что за курение ему влетит от мамы.

— Где? — уточнила мама.

— Нет, показалось.

В тот момент мой брат — то, как он стоял, как расслабленно опирался о стену, как небрежно курил сигарету, — представился мне, одиннадцатилетнему, романтическим воплощением невероятной крутизны. Великаном десяти футов ростом. Он навсегда запечатлен в моем сердце и памяти.

И вот из этого образа одиннадцать лет спустя и родился образ Вудерсона.

круто

крутизна — естественное явление, закон природы.

если что-то было круто КОГДА-ТО,

то оно круто ВСЕГДА.

мода — всего лишь ветвь на стволе крутизны.

мимолетной интрижки

с пятнадцатью минутами славы недостаточно,

как ни старайся их растянуть.

круто выдерживает проверку временем,

потому что не старается быть крутым.

крутизна — она и есть крутизна.

На подготовку к кинопробам у меня было десять дней. Я вжился в образ. Но поскольку формально это было собеседование о приеме на работу, я побрился и надел свою лучшую рубашку, аккуратно заправив ее в брюки. Когда я приехал на пробы, Ричард Линклейтер — Рик, режиссер, — посмотрел на меня и спросил:

— Это ведь не твой типаж?

— Верно, — ответил я. — Но я его знаю.

Я откинулся назад, полуприкрыл глаза, зажал сигарету между растопыренных пальцев и показал ему моего Вудерсона.

Меня утвердили на роль.

Линклейтер попросил меня не бриться.

Съемки уже шли полным ходом. Вскоре меня пригласили на «пробы грима и костюма», то есть меня должны были загримировать и одеть в заранее подобранный наряд, чтобы Рик, в перерывах между снимаемыми сценами, мог подойти и одобрить или отвергнуть полученный результат.

В тот день съемки проходили у закускойной «Топ-нотч». Из трейлера-гримерки я, в полном прикиде Вудерсона, прошествовал по тротуару вдоль Бурнет-роуд к съемочной площадке. Рик меня заметил и, оглядев с головы до ног, широко улыбнулся и всплеснул руками:

— Тааак... Оранжевые штаны... футболка с Тедом Ньюджентом... прическа... усы... А это что за татуировка на руке? Черная пантера?

— Ага. Сечешь, чувак?

— Секу. Отлично. Классный Вудерсон.

В тот день сцен с моим участием не снимали. Меня пригласили для того, чтобы Рик одобрил грим и костюм персонажа.

Но тут у Рика родилась счастливая мысль, и мы занялись тем, что часто делаем и по сей день: устроили словесный пинг-понг.

— Вот прикинь, Вудерсон снимает старшекласниц — красоток, чирлидеров, мажореток, в общем, клевых девчонок. А как ты думаешь, рыжая заучка его заинтересует?

— Конечно, — ответил я. — Вудерсону нравятся любые девочки.

— Ну да. Слушай, Марисса Рибизи играет Синтию, такую рыжую заучку. Вон она, сидит за рулем, а в машине ее друзья-ботаны. Как по-твоему, попытается Вудерсон ее снять, если подъедет?

— Дай мне полчаса.

Я отошел в сторонку и начал размышлять: «Кто такой Вудерсон? Что вообще происходит в этой сцене? Это последний день занятий. Все собираются на вечеринку. А еще я могу кое-что сказать по-испански».

В общем, на съемочной площадке меня (то есть Вудерсона) усадили за руль, подключили микрофон.

— Когда я скамандую «мотор!», подъезжай к ее машине и попытайся охмурить, — объяснил Рик.

— Ага, понял.

В сценарии этой сцены не было, никакого диалога тоже. Я впервые оказался на съемочной площадке. Я никогда в жизни не снимался в кино. Естественно, я волновался. Начал снова вспоминать, кто такой мой персонаж.

Кто он? Кто такой Вудерсон? Что я люблю?

Люблю свою машину.

Ну вот, я сижу в своем «шевроле-шевель» 1970 года выпуска. Это раз.

Люблю курить травку.

Рядом со мной сидит Слейтер, а у него всегда с собой косячок. Это два.

Люблю рок-н-ролл.

А в кассетнике играет ньюдженговская «Stranglehold». Это три...

И тут раздалось: «Мотор!»

Я взглянул на машину, где сидела Синтия, рыжая заучка, и сказал себе: «А еще я люблю девчонок».

Тронул «шевель» с места и медленно поехал по стоянке, размышляя: «Значит, три из четырех у меня есть, а четвертую сейчас подхватим...», а вслух протянул:

олрайт,
олрайт,
олрайт.

Эти три слова, три подтверждения того, что у меня, Вудерсона, есть, стали моими первыми словами, произнесенными в камеру. В сценарии моему персонажу отводилось всего три сцены, но в итоге я провел на съемочной площадке три недели.

Сейчас, двадцать восемь лет спустя, эти слова продолжают преследовать меня повсюду. Их цитируют. Их воруют. Их пишут на футболках и бейсболках. Их татуируют на руках и ногах. Мне это очень нравится. Я считаю это огромной честью. Ведь эти три слова были первыми словами, которые я произнес в свое первое появление на съемочной площадке, еще не догадываясь, что кино станет для меня не хобби, а карьерой.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

одинподряд

Любой успех начинается с одного подряд.

Сделай одно хорошо, потом другое.

Раз, потом другой.

И так раз за разом, до конца,

и потом снова одинподряд.

Через пять дней после начала съемок, около семи часов вечера, мне позвонила мама. Я был на кухне.

— Отец умер.

У меня подкосились ноги. Я не поверил. Мой отец — снежный человек, незыблемый, несокрушимый, здоровый, как викинг, и сильный, как бык. Невозможно. Это же мой отец. Никто и ничто не смогло бы его убить.

Кроме моей мамы.

Он всегда говорил мне и моим братьям: «Ребята, умру я только в постели, занимаясь любовью с мамой».

Так оно и случилось.

Он проснулся утром, в половине седьмого, в любвеобильном настроении и занялся любовью с женщиной, с которой развелся дважды и на которой женился трижды. Со своей женой Кей. С моей мамой.

И когда он кончил, с ним случился инфаркт.

Отец все верно предсказал.

Дни процветания

Дни процветания
заставляют нас забыть
о невзгодах.

Счастливые времена
кажутся недостижимыми
во время бед.

И те и другие
представляются
конечными пунктами
назначения,

итогом наших дней.

А потом вселенский
джокер играет нашими
жизнями.

Вчерашней ситуации
больше нет.

Все запятые, никаких
точек, все точки,
никаких остановок,

удовольствие взаимно
и боль тоже.

Тем же вечером я уехал в Хьюстон. Два дня спустя мы устроили ирландские поминки, куда пришли сотни друзей, рассказывали истории из его жизни, как он и просил, когда говорил с нами о смерти и похоронах.

хватит мужества

хватит мужества признать
что мне страшно
хватит мужества знать
это просто хватит
мужества

хватит мужества
возмужать
хватит мужества быть
мужчиной
хватит мужества быть
собой
просто хватит мужества

хватит мужества
чувствовать любовь
хватит мужества знать
любовь
хватит мужества любить
просто хватит мужества

хватит мужества быть там
хватит мужества уйти
хватит мужества торчать
в пробке
и знать, что надо ехать
просто хватит мужества

хватит мужества быть
трезвым и пьяным

хватит мужества
выйти из транса
и войти в мечту
просто хватит мужества

хватит мужества вести
за собой
хватит мужества
следовать

хватит мужества лежать
рядом
хватит мужества спать
одному
просто хватит мужества

хватит мужества умереть
за жизнь
хватит мужества жить
за смерть
просто хватит мужества

хватит мужества признать
героев
хватит мужества стать
героем самому
просто хватит мужества

хватит мужества не знать
хватит мужества узнать
просто хватит мужества

хватит мужества
извиниться
хватит мужества осознать
просто хватит мужества

Смерть отца стала для меня, как для многих, серьезным испытанием, последним ритуалом взросления. В моей жизни началась новая эпоха. Без страховочной сети. Оберегать меня было больше некому. Пора было становиться взрослым. Распрощаться с детством, с мальчишкой, который по ночам строил дом на дереве.

Я многое осознал. И вырезал на стволе эти слова:

меньше кичиться
больше вовлекаться.

Чем меньше кичишься своей жизнью, достижениями, карьерой, связями и знакомствами, своими перспективами, чем скорее перестаешь кичиться всем этим, а наоборот, вовлекаешься в это, тем скорее добиваешься успеха. Мало просто радоваться жизни.

Все то брненное, перед чем я всю жизнь благоговел, все то, что я чтил и возносил на недосягаемую высоту, неожиданно оказалось прямо у меня перед глазами. Все то брненное, что я презирал, то, что я считал ниже собственного достоинства, неожиданно оказалось прямо у меня перед глазами.

Мир расстился в одной плоскости, и я смотрел ему в глаза.

Пришла пора расстаться с ярко-красными спортивными автомобилями.

Пришла пора оставить мечты и заняться жизнью.

Пришла пора позаботиться о маме.

Пришла пора позаботиться о себе самом.

Пришла пора забыть о мальчишеских увлечениях.

Пришла пора набраться смелости.

Пришла пора стать настоящим мужчиной.

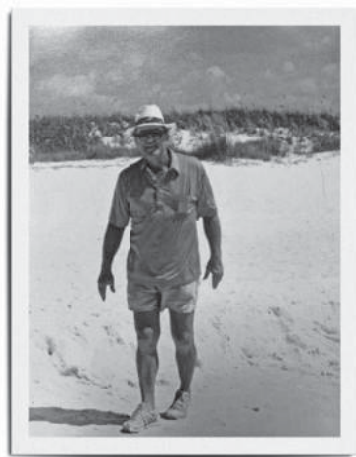

Со съемок меня отпустили на неопределенный срок, но родные настояли, чтобы я вернулся в Остин и закончил начатое. Спустя четыре дня после поминок я приехал в Остин и в тот же день пришел на съемочную площадку.

В тот вечер снимали одну из последних сцен фильма, на футбольном поле. У меня не было никаких реплик, но Линклейтер хотел, чтобы я участвовал в сцене. На закате, перед началом съемок, мы с ним гуляли у стадиона и разговаривали о жизни, о смерти и о том, *что все это значит*.

— По-моему, все это о том, как жить, — сказал я. — Вот мой отец умер, но его дух будет жить во мне до тех пор, пока я думаю о нем как о живом. Я все равно с ним разговариваю, стараюсь жить так, как он учил, и он будет жить вечно.

В тот же вечер я запечатлел эту мысль в сцене, когда Рэндалл «Пинк» Флойд раздумывает, подписывать или нет обещание не употреблять наркотиков, чтобы остаться в футбольной команде.

2 августа 1992*

«Делай то, чувак, что хочет
делать Рэндалл „Пинк“ Флойд,

а еще я тебе вот что скажу:
чем старше становишься,

тем больше правил на тебя
захотят нагрузить,

а ты продолжай жить, чувак,
просто продолжай жить».

просто продолжай жить... строчными
буквами, потому что жизнь — не имя
собственное. И вообще, жизнь —
это глагол.

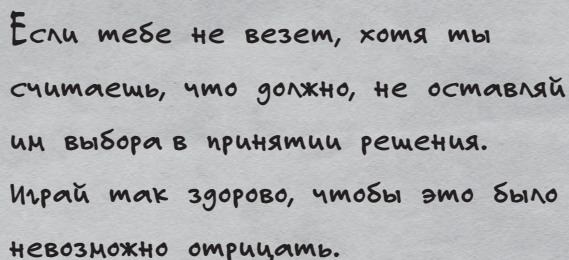
j.k. livin

Три недели в роли Вудерсона на съемках «Под кайфом и в смятении» оказались для меня одновременно и очень трудными — из-за горькой утраты, и очень полезными — из-за того,

* Последняя фотография моего отца. Сделана на пляже Наварре-Бич во Флориде, там, где он мечтал построить закусочную, если когда-нибудь разбогатеет.

что я приобрел. За год до этого отец разрешил мне заняться тем, чего я хотел, и, хотя он не успел оценить результаты моего труда, но увидел начало того, что я в итоге закончу и превращу увлечение в карьеру. Загадочным образом его жизнь оборвалась как раз тогда, когда для меня началась новая эпоха — и на экране, и в жизни.

Трехнедельный практический опыт, полученный на съемках «Под кайфом и в смятении» очень помог мне осенью, когда начались занятия на втором курсе. Моей первой режиссерской работой стал документальный фильм «Колесницы чикано», о субкультуре лоурайдерах, распространенной среди испаноговорящего населения на юге США. В тот же год я снялся в эпизоде документального телесериала «Нераскрытые тайны» и еще одном музыкальном видеоклипе. Я был готов получить диплом и превратить «я стал бы, если бы мог» в «я могу и стану».

Если тебе не везет, хотя ты считаешь, что должно, не оставляй им выбора в принятии решения. Играй так здорово, чтобы это было невозможно отрицать.

Я решил сразу после получения диплома отправиться в Голливуд на машине, на время остановиться у Дона Филлипса и найти работу — актером или в съемочной группе. Альма Каттрuff, менеджер по кинопроизводству в съемочной группе

«Под кайфом и в смятении», пообещала мне место помощника по производству на съемках фильма братьев Коэн «Подручный Хадсакера», которые начинались через несколько месяцев.

Но сначала мне предложили крошечную — на один съемочный день — роль в фильме «Техасская резня бензопилой: следующее поколение» — эдакий Ромео для Рене Зельвегер как Джульетты — загадочный мотоциклист в черной кожанке и солнечных очках, который проезжает мимо школы в начале фильма, а в конце забирает героиню, чудом уцелевшую после адской ночи, и уезжает с ней в закат. У персонажа даже реплик не было.

За пару дней до начала съемок я встретился с режиссером Кимом Хенкелем, и он спросил, нет ли у меня знакомых, которые подошли бы на роль главного злодея, одноногого Вилмера. Я назвал имена двоих, которых знал по актерскому агентству Донны Адамс.

К своему четырехцилиндровому пикапу «додж», прозванному «Серфинг-Лонгвью», я прицепил арендованный перевозочный фургон, набил его под завязку, а потом заехал за сценарием, где были помечены сцены для субботней съемки. А в понедельник я отправлялся в погоню за голливудской мечтой. Как говорится, «иди на Запад, юноша!».

Со сценарием в руках я вышел из конторы и по асфальтовой дорожке пересек заросший газон, направляясь к своему пикапу, припаркованному на обочине. Открыл дверцу машины, встал на подножку, и тут вдруг меня осенило: «А почему бы не попробовать на роль Вилмера?»

Я захлопнул дверцу, вернулся к офису и без стука вошел в кабинет.

— Эй, Мэттью, ты что-то забыл? — спросил Ким.

— Ага, забыл. Хочу попробовать на роль Вилмера.

Ким удивленно посмотрел на меня:

— Что ж, интересная мысль. А когда ты хочешь прийти на пробы?

— Прямо сейчас.

— Сейчас тут никого из актрис нет, вот только Мишель...

Я взглянул на секретаршу за столом.

— Я согласна, — сказала она.

— А ничего, что я тебя сейчас до смерти напугаю? — спросил я.

— Ну попробуй, — ответила она.

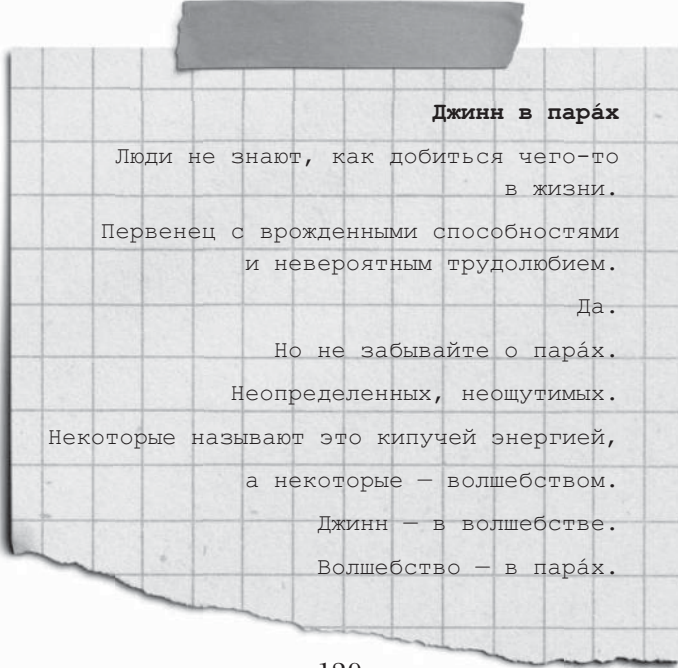
Я пошел на кухню, схватил громадную поварешку и вернулся в кабинет уже в образе Вилмера, прихрамывая, якобы на механическом протезе. Я сдвинул письменный стол Мишель, загнал ее в угол и заставил завизжать от страха.

— Роль твоя, — сказал Ким.

— Ой, и правда было страшно, — подтвердила Мишель.

Я рискнул — и получил роль. Теперь на съемках мне придется провести четыре недели.

Все мои пожитки уже были упакованы в фургон, и от квартиры я отказался, так что позвонил приятелю, у которого был свободный диван. Поездка на Запад отложилась на месяц, потому что мне дали роль во втором фильме. Мне предстояло сыграть Вилмера, одногого убийцу с грузовиком-эвакуатором и механическим протезом, пульт управления которым он потерял.

Джинн в парáх

Люди не знают, как добиться чего-то
в жизни.

Первенец с врожденными способностями
и невероятным трудолюбием.

Да.

Но не забывайте о парáх.

Неопределенных, неощутимых.

Некоторые называют это кипучей энергией,
а некоторые — волшебством.

Джинн — в волшебстве.

Волшебство — в парáх.

Спустя четыре недели, разбогатев на четыре тысячи долларов, я в «Серфинг-Лонгвью» с нагруженным прицепом выехал на 10-ю магистраль, чтобы за сутки доехать до Голливуда. Через двадцать часов непрерывной езды я добрался до городка Индио в Калифорнии и увидел дорожный указатель на съезд: «САНСЕТ-ДР». Сансет-драйв? Сансет-лейн? Бульвар Сансет? «Да какая разница! Это наверняка съезд к легендарному бульвару Сансет!» Было восемь часов вечера.

«Доехал с ветерком!» — подумал я и прибавил газу.

Еще в Остине я выбрал музыкальное сопровождение для своего триумфального въезда в Голливуд — главную песню *The Doors* с альбома «L. A. Woman». Диск лежал в кармашке двери. Я вставил его в проигрыватель и включил погромче. Клавиши Рэя Манзарека и бас-гитара Джерри Шеффа служили великолепными декорациями для моего знакомства с Калифорнией. Я врубил звук на полную мощность, ощущая, как пульсируют динамики и кровь у меня в жилах.

Оказалось, что Сансет-драйв — это вовсе не бульвар Сансет, а находится от него в 162 милях дальше по магистрали. В то время я этого не знал, а потому мне пришлось двадцать два раза подряд слушать одну и ту же песню, думая, что огни Голливуда вот-вот появятся из-за холмов.

К дому Дона Филлипса на пляже Малибу я подъехал в 22:36. Нажал кнопку дверного звонка. Ничего. Позвонил снова.

— Ну кто там еще? — наконец спросил Дон, не открывая двери.

— Это я, Макконахи! — крикнул я.

— А, Макконахи! Слушай, а давай ты зайдешь попозже? Я тут немного занят.

Я сутки провел за рулем, устал и перенервничал из-за промаха с бульваром Сансет, поэтому рявкнул:

— Никуда я не пойду, черт побери! Я тебе предупредил, что сегодня приеду! Из Остина, без остановок!

Дверь распахнулась, и я увидел Дона — в чем мать родила, со стояком.

ГОЛЛИВУД

Желай ее, не нуждайся в ней.
Поступи так, и у тебя будет шанс.
А если нет, то не будет.

То, чего мы всегда жаждем, неизвестная
постоянная, доступна лишь взаймы, а не
в полную собственность.

Недосыгаемый белый буффало бросает вызов
богам тайными встречами под луной.

Существует ли она?

Нам нужен ответ, мы хотим вопрос.

Желай ее, не нуждайся в ней,
и может быть, она покорится.

— Ну да, ну да, — сказал он. — Подожди минут двадцать.
И он захлопнул дверь у меня перед носом.
Добро пожаловать в Голливуд.

ЗЕЛЕНый СВЕТ

У Дона мне жилось хорошо. Диван был удобный. Каждый вечер Дон готовил филе-миньон, а на десерт полагался шарик ванильного мороженого «Хааген-даз» с клубничным вареньем — Дон называл блюдо «коронным номером», почему-то с французским акцентом. А в морозилке каждый вечер охлаждалась непочатая бутылка «Столичной». Однако же мне нужна была работа.

Мне сообщили, что съемки «Подручного Хадсакера» откладываются, поэтому обещанного места помощника по производству не случилось. Я волновался. Мне хотелось получить роль, зарегистрироваться у агента, изучать сценарий, ходить на пробы или, в худшем случае, найти какую-нибудь другую работу. Но ничего этого не происходило, а кроме Дона, в Лос-Анджелесе я никого не знал.

Однажды за ужином я спросил:

— Слушай, Дон, а ты можешь организовать мне встречу с агентом? У меня всего пара тысяч долларов, так что мне очень нужна хоть какая-то работа.

— Заткнись! — рявкнул Дон. — И никогда больше так не говори. В этом городе тех, кому что-то нужно, чуют за милю. Так что не успеешь начать, как тебя объявят неудачником и спишут со счетов, ясно? Знаешь, что тебе нужно? Быть крутым. Свалить отсюда. Желательно куда-нибудь подальше. В Европу, например. И не возвращаться до тех пор, пока не перестанешь думать, что тебе *нужно*. Вот тогда про агентов и поговорим.

Он говорил серьезно. Я знал, что он говорит серьезно. И знал, что он имеет в виду. Повторять ему не пришлось.

Коул Хаузер, Рори Кокрейн и я подружились на съемках «Под кайфом и в смятении». Теперь, когда у меня появилась масса свободного времени, мы встретились и решили на месяц уехать в Европу, взять там в аренду мотоциклы и поехать по разным странам. Мы собрали вещишки в рюкзаки, кое-какую наличность, купили обратные билеты (эконом-класс) в Амстердам и отправились в путешествие.

Приземлившись, мы арендовали машину и поехали на юг, где в немецком городке Розенхайм отыскивали мотоспортивный магазин. Мы, в грязных джинсах и рваных футболках, пришли к хозяину магазина, Йохану, и рассказали ему о наших планах путешествия по Европе.

— Что ж, давайте подберем мотоциклы для ваших приключений, — ответил он.

Коул выбрал громадный «кавасаки 1000», Рори — «дукати-монстр М900», а я — «БМВ 450 эндуро»*. Все новехонькие, без единой царапинки. Красота. По подсчетам Йохана, все это удовольствие стоило 12 тысяч долларов.

— У нас нет денег взять их в аренду на месяц, — сказал я.

— А на сколько есть? — спросил Йохан.

— На три дня, — ответил Рори.

Йохан вздохнул и внимательно поглядел на нас. В глубине магазина появилась его супруга с волосатыми подмышками. Ей явно не понравился ни вздох, ни взгляд мужа.

— В молодости мы с друзьями тоже ездили по Европе на мотоциклах. И магазин я открыл для того, чтобы такие, как вы, могли отправляться в такие же поездки. Так что берите мотоциклы и катайтесь.

— Но у нас нет денег. Мы можем заплатить только по четыреста долларов за каждый мотоцикл.

— Им верить нельзя, — заявила супруга с волосатыми подмышками. — Они мотоциклов не вернут, вот увидишь.

— Вернем, — пообещал я. — А если не верите, мы оставим вам в залог наши обратные билеты, — сказал я.

Супруга Йохана поняла, чем все закончится, и была этому не рада. Она решительно помотала головой.

— По четыреста долларов за три мотоцикла, — сказал Йохан, — получается тысяча двести долларов. Платите деньги и езжайте себе на здоровье, возвращайтесь через месяц. Ваши обратные билеты мне не нужны. Лучше расскажете мне потом про свои приключения.

Мы заулыбались, не веря своему счастью.

* Как выяснилось, «эндуро 450» не самая подходящая машина для поездок по европейским магистралям. Если мотоцикл выжимает всего лишь 105 миль в час, то его просто-напросто снесут восемнадцатиколесные фуры и седаны с двенадцатичилиндровыми двигателями, которые мчат на круиз-контроле со скоростью 180 миль в час.

Йохан крепко обнял каждого из нас и сказал:

— Ну, счастливой поездки!

Мы покатали мотоциклы к двери.

— Погодите, — заявила волосатая супруга. — Давайте сюда билеты.

Мы вручили ей билеты, оседлали мотоциклы и выехали со стоянки перед магазином.

Йохан гордо и невозмутимо стоял в дверях и смотрел нам вслед, а жена его отчитывала.

Мы проехали через всю Германию, Австрию, Швейцарские Альпы и Италию. Любоваться географическим великолепием лучше всего только так. На одиннадцатый день нашего путешествия, на съезде с шоссе у итальянского прибрежного городка Сестри-Леванте, Рори, свернув с магистрали на 120 милях в час, угробил свой «дукати». Сам он отделался ушибами, ссадинами и прорезами в кожаных штанах, однако провел ночь в больнице. А новехонький «дукати-монстр M900» разбился в лепешку.

На следующий день Рори позвонил Йохану сообщить дурные вести.

— Йохан, я угробил «дукати». Мотоцикл разбит.

— Погоди, ты попал в аварию? — спросил Йохан. — Что с тобой?

— Да со мной все в порядке, а вот мотоцикл — металлолом. Извини.

— Плевать мне на мотоцикл, главное, что с тобой все в порядке.

— Я цел, — подтвердил Рори.

— Отлично. А где мотоцикл?

— В поле, где-то у семьдесят четвертого съезда с шоссе у Сестри-Леванте.

— Ладно, я пошлю к вам грузовик. Завтра к обеду будет у вас. Шофер заберет мотоцикл, так что ждите его на месте аварии. Хорошо, что ты сам не пострадал.

На следующий день мы втроем стояли в поле у искореженного мотоцикла. К нам подъехал большой грузовик. За рулем

проселочные дороги и магистрали

Нехоженная тропа — не обязательно проселочная дорога;
для некоторых ею может стать магистраль.

Роберт Фрост прав, выбор нехоженой тропы
решает все остальное.

Но нехоженная тропа — не обязательно дорога,
по которой ходят редко.

Это может быть дорога, по которой не ходил
лично ты.

Может, замкнутому человеку нужно выйти
из дома в открытый мир и общаться с людьми.

А человеку общительному, возможно, нужно
остаться дома и читать.

Иногда надо раскрыться,
Иногда надо затаиться.

Бывает, что наша нехоженная тропа —
это одинокая проселочная дорога.

А бывает, что это переполненное метро.

сидел Йохан. Он тепло с нами поздоровался, поглядел на разбитый «дукати» и откинул борт кузова.

Рори, Коул и я подтащили мотоцикл к грузовику, а Йохан выгрузил из кузова... новехонький «дукати-монстр М900».

— Я рад, что ты не пострадал, — повторил он. — Счастливой вам поездки.

И мы понеслись дальше.

Три недели спустя, оставив позади несколько тысяч миль, мы вернулись в Розенхайм на мотоциклах — уже не новеньких, но и не разбитых.

Йохан встретил нас горячими объятьями.

— Заходите. Я напою вас кофе, а вы расскажете мне о своих приключениях, — с улыбкой сказал он.

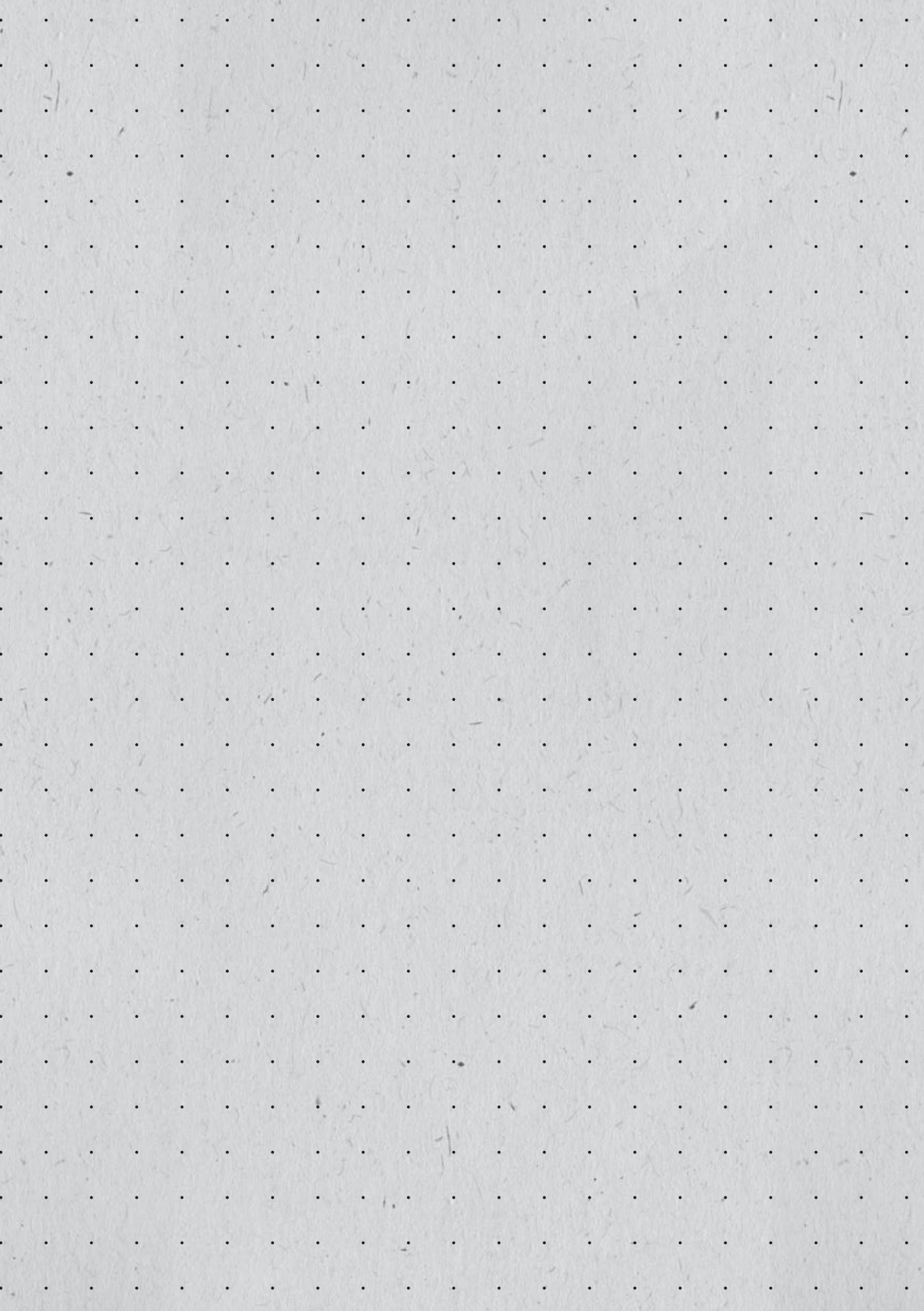
— Все прошло эпично, — сказал я. — Мы гоняли по магистралям, пили воду из австрийских ручьев, пересекли Швейцарские Альпы, ужинали в тайном логове Муссолини и до рассвета рейвились в Римини.

— Спасибо, Йохан, за лучшую поездку в нашей жизни, — сказал Коул.

За разговорами пролетело несколько часов. Потом нам доставили арендованную машину и настало время возвращаться в Амстердам, чтобы на следующий день лететь домой. Супруга Йохана недовольно вернула нам билеты.

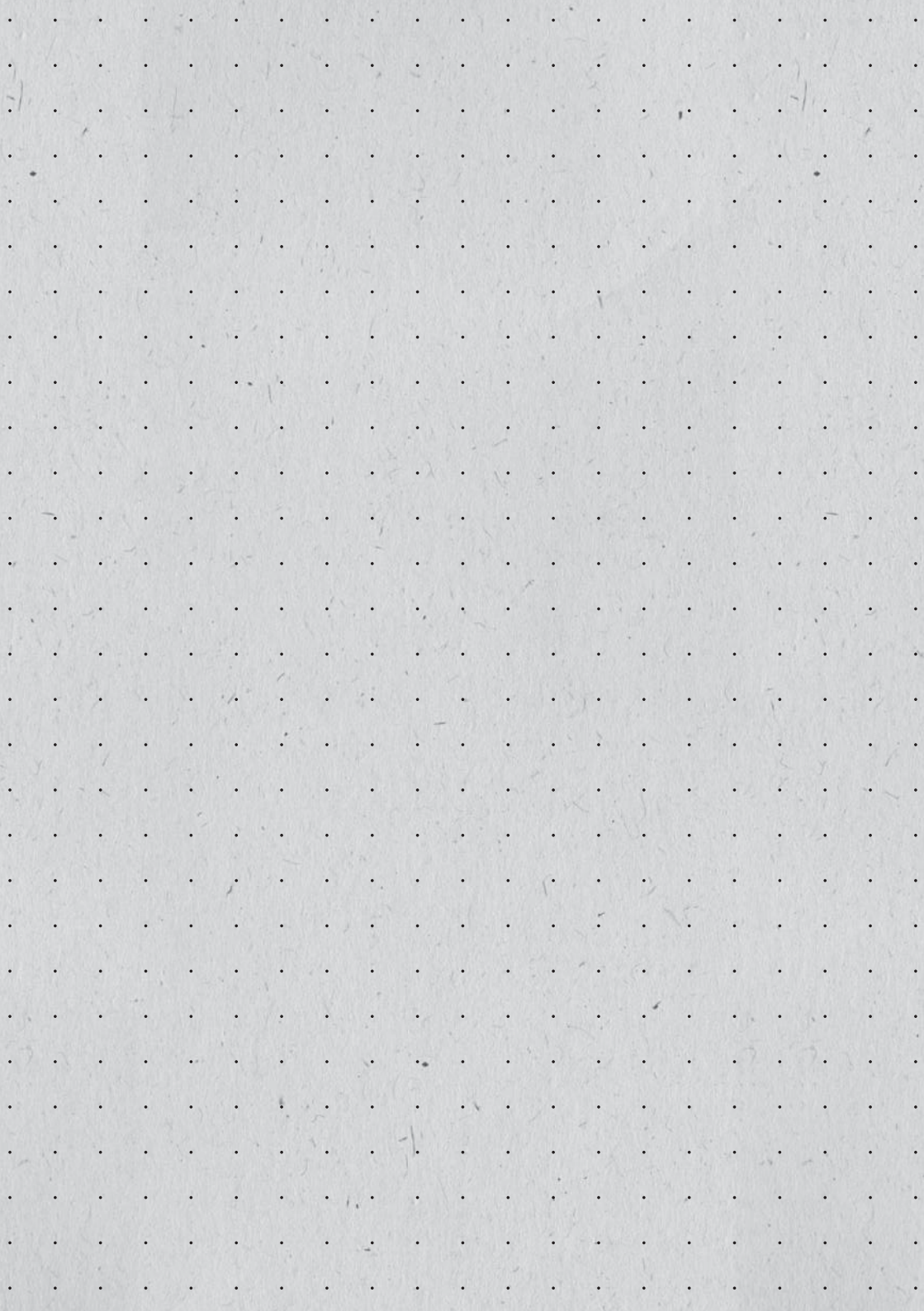
Йохан из Розенхайма. Классный мужик.

Целый месяц я не думал ни об агентах, ни о работе. А теперь возвращался в Малибу с закадычными друзьями и замечательными историями.

Часть четвертая

ИСКУССТВО БЕГА С ГОРЫ

ДОН ОЧЕНЬ ГОРДИЛСЯ, что мы, «его ребята», объездили всю Европу на мотоцикле, — ведь это он «открыл» всех нас троих для фильма «Под кайфом и в смятении». Я снова обосновался у Дона на диване, но теперь даже не заикался об агентах. И не думал о них. Мне было *не нужно*.

Однажды вечером, уплетая очередную порцию ванильного мороженого с клубничным вареньем, Дон сказал:

— Ты готов. Завтра утром у нас встреча с Брайаном Свардстромом и Бет Холден из актерского агентства «Уильям Моррис». Они единственные, кто согласился с нами встретиться. Скажи им, что интересуешься и режиссерской работой, это подчеркнет, что тебе ничего особо не нужно. У них прям слюнки потекут.

В моем послужном списке значилась роль Вудерсона в «Под кайфом и в смятении» (за несколько месяцев до того фильм вышел на экраны, а «Техасская резня бензопилой: следующее поколение» — еще нет).

На встречу я пришел в наглаженной рубашке, заправленной в джинсы, и в ковбойских сапогах. Мы обменялись рукопожатиями, сели за стол. Своим поведением я давал понять, что агент мне не то чтобы нужен, а просто так положено. Свардстром заинтересовался, а Бет клюнула. На следующий день я подписал договор с Бет и агентством «Уильям Моррис».

Затем... на этой стадии истории герой, начинающий актер, обычно гоняется за приглашениями на кинопробы, получает сотни отказов, от отчаяния устраивается на работу официантом, и в какой-то момент ему предлагают отсосать, чтобы сыграть крохотную роль.

Все это ко мне не относится.

Спустя неделю после заключения договора я прошел свою первую голливудскую пробу с кастинг-директором Хэнком Маккэнном, на роль Эйба Линкольна, честного и прямодушного мужа героини Дрю Бэрримор в фильме «Парни побоку»; проба прошла успешно, и шесть недель спустя меня пригласили на вторую пробу, уже с Гербертом Россом, режиссером картины. А вот через неделю после этой первой пробы мне предложили пробу еще в одном фильме, на этот раз диснеевском — «Ангелы у кромки поля», на роль Бена Уильямса, бейсболиста, типичного американского парня. На эту пробу я пришел в белой футболке и в бейсболке с американским флагом. Съёмочная площадка студии «Уорнер бразерз», павильон 22. Я раскрыл дверь и замер на пороге, подсвеченный сзади лучами полуденного солнца.

— Ух ты! Надо же, настоящий американский парень! — пробасил голос с дивана у стены.

Я посмотрел туда. Человек на диване щурил глаза и явно обращался ко мне.

— Да, сэр, — ответил я.

— Играешь в бейсбол?

— Играл, с шести до восемнадцати лет.

— Отлично! Роль твоя. Съёмки начинаются через две недели.

За то, что десять недель я буду играть в бейсбол в Окленде, мне выплатят 48 500 долларов. «Ни фига себе!» Деньги были нужны, потому что тогда у меня оставалось тысяча двести долларов на все про все.

Я позвонил Пэту и поделился с ним новостями.

— Охренеть, братишка! Слушай, тут скоро Супербоул. Давай-ка поедem в Лас-Вегас, отпразднуем такое дело. За мой счет.

Честно сказать, я люблю делать ставки. В основном на спортивные состязания, особенно футбол Национальной лиги. Но я не играю по-крупному, так чтобы жизнь круто изменилась — как из-за выигрыша, так и из-за проигрыша. Нет, я делаю ставки просто потому, что покупаю билет на игру, а значит, буду пристально следить за ее ходом и болеть. Так что в большинстве случаев меня вполне устраивает ставка в 50 долларов. Я никогда не пользовался услугами типстеров (экспертов-прогнозистов), потому что для меня это не представляет никакого интереса. Если я проиграю, то, разумеется, попытаюсь сообразить, где допустил промашку, но мне больше нравится самому прогнозировать победителей, потому что если я выигрываю, то могу сказать: «Я знал, я знал!»

Если я выигрываю, то задним числом сделанный выбор представляется мне легким и понятным. Само собой разумеющимся. Я — прорицатель, Нострадамус, волшебник, а все потому, что «Я знал, я знал!». Вот это мне и нравится, и для меня «Я знал, я знал!» гораздо важнее, чем «Ну что за херня!». Я играю для развлечения, чтобы радостно воскликнуть: «Я знал, я знал!»

Когда я делаю ставки, то предпочитаю учитывать косвенные причины. Например, «Сан-Франциско выиграет на своем поле против Балтимора, потому что у балтиморцев будет джетлаг после длинного перелета с Восточного на Западное побережье», или «В понедельник надо ставить на Бретта Фарва и „Грин-Бей пэкерс“, потому что в прошлый вторник у Фарва умер отец», или «Делай ставку на победу той команды, в которой кто-нибудь из знаменитых игроков недавно стал отцом и теперь играет не только ради себя», или вот еще: «Ставь на проигрыш „Филадельфия иглз“, потому что они играют на своем новом стадионе, на церемонии открытия которого присутствовал Рокки Бальбоа, то есть Сильвестр Сталлоне, и празднования явно затянулись». Если я выигрываю, сделав ставки на основании этих интуитивных, психологических выводов, которые

ни в коем случае не являются научными и которые вряд ли одобрили бы лас-вегасские букмекеры, то считаю, что чутье не подвело. Ведь я ас, Макиавелли, потому что «Я знал, я знал!».

Рейсом «Саутвест эйрлайнз» я полетел в Вегас. На финальной игре Национальной футбольной лиги США встречались команды «Даллас ковбойз» и «Баффало биллз» — второй раз подряд. У меня был агент, мне заплатили 48 500 тысяч долларов за роль, меня ждали классные выходные — выпивка, блэкджек и трансляция футбольного матча, которую я буду смотреть с братом Пэтом. Я был в прекрасном настроении.

В тот сезон у «Даллас ковбойз» был мощный состав: Трой Эйкман, Эммитт Смит, Чарльз Хейли, Майкл Ирвин. На предыдущем Супербоуле они наголову разбили «Баффало биллз», теперь считались фаворитами с отрывом в 10,5 очка, и букмекеры предсказывали, что отрыв увеличится до 12,5 очка.

В субботу перед Супербоулом мы с Пэтом отправились в казино, одиннадцать часов подряд играли в блэкджек и на рассвете ушли победителями. Я выиграл почти две тысячи долларов, а Пэт — больше четырех тысяч. В то время для нас это были большие деньги.

В воскресенье мы проснулись к полудню и начали вырабатывать стратегию, на кого и как ставить.

— Знаешь, десять с половиной очков — это по-любому громадный отрыв. А букмекеры в казино «Аладдин» утверждают, что будет все тринадцать, — сказал я. — Есть шанс, что во второй раз «Биллз» повезет. Так что давай ставить на них.

— Черт, а ведь они и правда могут обломать «Ковбоев», — сказал Пэт. — Ладно, давай ставить на «Биллз». На все подряд.

За час до начала игры мы нашли казино, где букмекеры прочили «Биллз» неслыханный отрыв в 14,5 очка. Мы объединили все наши наличные и поставили шесть тысяч долларов на «Баффало биллз» во всевозможных комбинациях.

4 тысячи на спред 14,5 очка.

1 тысячу на то, что выплата выигрыша за победу «Баффало биллз» составит 3 200 долларов.

250 долларов на то, что Турман Томас пересечет больше ярдов, чем Эммитт Смит, с выплатой выигрыша 8 к 1.

250 долларов на то, что Андре Рид пересечет больше ярдов, чем Майкл Ирвин, с выплатой выигрыша 12 к 1.

250 долларов на то, что Джим Келли пробросит мяч дальше, чем Трой Эйкман, с выплатой выигрыша 6 к 1.

100 долларов на то, что Брюса Смита объявят самым ценным игроком матча, с выплатой выигрыша 18 к 1.

100 долларов на то, что у «Даллас ковбойз» будет больше чем 1,5 перехвата.

Мы сделали ставки на все наши деньги, оставили себе только 100 долларов на пиво. Первая половина игры закончилась со счетом 13:6 в пользу «Баффало биллз». Мы пели, плясали и заказывали двойной виски.

— Ура! Домой вернемся первым классом! Мы гении. Отрыв в четырнадцать с половиной очков обеспечен! Мы знали, мы знали!

Ну, всем известно, что произошло дальше. Во второй половине игры «Ковбои» с ходу заработали 24 очка и не только выиграли, но и перекрыли отрыв в 14,5 очка со счетом 31:13.

Эммитт Смит обставил Турмана Томаса.

Майкл Ирвин обставил Андре Рида.

Джим Келли не пробросил мяч дальше, чем Трой Эйкман.

Брюса Смита не объявили самым ценным игроком.

И перехват у «Ковбоев» случился только один.

Мы проиграли по всем сделанным ставкам. Абсолютно по всем.

С поникшими головами мы устало вышли из казино и взяли такси, чтобы доехать до гостиницы. У нас осталось двадцать долларов на двоих. Перед нами притормозил пыльный желтый «бонневиль» 1986 года выпуска, с помятым левым задним бампером.

— «Холидей-инн», — сказал я, усаживаясь в салон.

Таксист, косматый старикан, явно месяца три не брился и дня три не мылся. Он заметил наше уныние, поправил зеркало заднего вида, чтобы было удобнее нас разглядывать, и тронул машину с места.

Мы с Пэтом молча пялились в окна, пытаюсь сообразить, что произошло, и тут в салоне раздался громкий голос:

— На «Биллз» ставили, да? Вот придурки! Я вам так сразу бы и сказал. Я знал, я знал, что «Ковбой» выиграют. Эх вы, лузеры!

Пэт злобно зыркнул на водителя и, не выдержав, воскликнул:

— Если ты, сволочь, такой умный и знал, что «Даллас ковбойз» выиграют, то какого хрена ишачишь таксистом?

Все любят мнить себя знатоками. И даже после двух проигрышей и одного выигрыша считаешь, что один выигрыш больше двух проигрышей. Победителя выбрало твое истинное «я». Ты раскрыл свой потенциал, предсказал будущее. Ты сравнялся с богом. А проигрыши — исключения, отклонения от нормы, сбой в программе, хотя арифметически они в большинстве. Когда игра окончена, все утверждают: «Я знал, я знал, кто победит». И все лгут. Никто не знает, кто победит. Никто не знает, какая ставка окажется выигрышной. Это невозможно знать наверняка. На то они и ставки. Именно поэтому процветают Лас-Вегас и Рино. Уж им-то точно известно: те, кто делает ставки, уверены, что знают наверняка. Такой вот парадокс.

ОБЫЧНО ПРОПАЖА НЕ УКРАДЕНА,
А ПРОСТО ЛЕЖИТ ТАМ, ГДЕ ТЫ ЕЕ ОСТАВИЛ.

Спустя месяц после начала работы над «Ангелами у кромки поля» я слетал из Окленда в Голливуд за счет студии, которая снимала фильм «Парни побоку», на вторую пробу с режиссером

картины Гербертом Россом. К роли я готовился тщательно, работал над ней по вечерам, наигравшись за день в бейсбол, и считал, что проник в характер персонажа. Герберту моя проба понравилась, и меня утвердили на роль.

Итак, результатом моей первой голливудской кинопробы стала одна из четырех ведущих ролей в фильме крупной киностудии, где в главных ролях снялись Дрю Бэрримор, Мэри-Луиза Паркер и Вупи Голдберг. И за нее я получил сто пятьдесят тысяч долларов.

Как только бейсбол в Окленде закончился, я поехал в Тусон, штат Аризона, где проходили съемки «Парней побоку». Вместо того чтобы, как все, остановиться в мотеле, я решил снять саманный дом на окраине города, неподалеку от национального парка Сагуаро. Из местного приюта для бездомных животных я взял щенка — помесь черного лабрадора и чау-чау — и назвал ее Мисс Хад, по имени героя Пола Ньюмена в одноименном фильме. По условиям аренды мне полагалась прислуга. У меня никогда в жизни не было прислуги.

Как-то раз после съемок я пригласил в гости свою приятельницу Бет и, довольный, как мальчишка в рождественское утро, начал рассказывать о том, как классно устроился: традиционная саманная постройка, национальный парк в двух шагах от дома, а вдобавок — прислуга. Прислуга!

— Я ухожу на съемки, а она убирается в доме, стирает, моет посуду, готовит для меня ужин, приносит в спальню графин с водой. И даже утюжит мне джинсы! — восторженно говорил я, демонстрируя свои «ливайсы» с наглаженными стрелками.

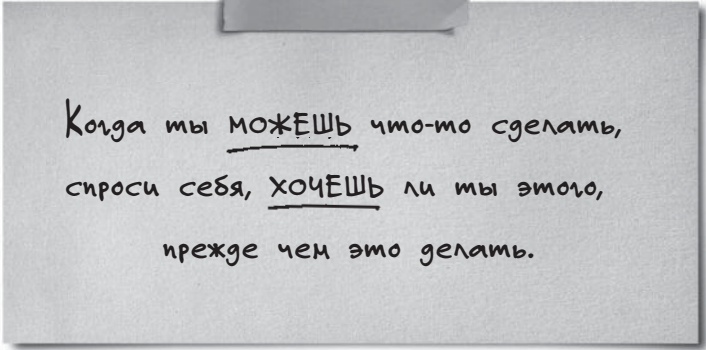
Бет улыбнулась и сказала мне то, о чем я до этого никогда не задумывался и что запомнил на всю жизнь.

— Это все великолепно, Мэттью. Разумеется, если ты *хочешь* ходить в отутюженных джинсах.

У меня никогда в жизни не было глаженных джинсов.

Мне никогда в жизни их не утюжили.

Я даже не задавался вопросом, хочу ли я, чтобы мне утюжили джинсы, потому что впервые в жизни у меня было кому их гладить.

Когда ты МОЖЕШЬ что-то сделать,
спроси себя, ХОЧЕШЬ ли ты этого,
прежде чем это делать.

Поскольку эта небывалая роскошь теперь стала реальностью, конечно же, я хотел, чтобы мне утюжили джинсы.

Правда, что ли?

Нет, конечно. Ничего подобного я не хотел.

Закончив съемки «Парней побоку», я вернулся в Малибу и снял себе домик на пляже. Впервые в жизни я записался на курсы актерского мастерства, считая необходимым научиться тому, что до сих пор делал по наитию. В прошлом я полагался исключительно на свое чутье и инстинкты, и они меня пока не подводили. А сейчас я снова учился: как правильно читать сценарий, что искать в роли, как к ней готовиться, как изучать материал. Как быть профессиональным актером. Ну, так я рассуждал.

После съемок «Парней побоку» прошло шесть месяцев. Все это время я сидел без работы. Учился на курсах, ходил на пробы, на многие меня приглашали повторно, но ролей почему-то не предлагали. Я задумался. Потом заметил, что на пробах держусь скованно, без прежней свободы. Я перестал рисковать, напрыгался, стал чересчур серьезен, педантичен. Усложнял. Мне мешали мои же глубокомысленные изыскания.

Наконец мне — без всяких проб, вслепую — предложили крошечную роль в авторском фильме «Скорпион-Спринг». Единственная сцена. Десять тысяч долларов. Я согласился. Съемки начинались через две недели. Больше я ничего не знал.

И решил, что этого вполне достаточно, больше ничего и не надо. Мне прислали сценарий, но я не стал его читать — ни страницы, ни слова. Даже своей сцены не открыл. Почему? Потому что у меня возникла гениальная мысль.

Для того чтобы расслабиться и стряхнуть с себя все умозрительное напряжение, полученное на курсах, я решил вернуться к истокам. Буду играть так, как сыграл Дэвида Вудерсона, — прочел в сценарии одну-единственную реплику и сразу понял, что это за персонаж.

В фильме «Под кайфом и в смятении» мне без труда дались эпизоды, которых не было в сценарии, потому что я вошел в образ Вудерсона и знал, что и как скажет или сделает этот персонаж. Тогда я играл инстинктивно. По наитию.

«Вот этого-то мне и не хватает, — подумал я. — Надо забыть обо всей этой глубокомысленной заученной фигне. Вернуться к истокам».

РАЗУМ

Он не для того, чтобы превзойти
очевидное,
Чтобы скрыть его или затушевать.

Он для того, чтобы обнажить истину
И подчеркнуть очевидное
С разных точек зрения.

Он должен разъяснять,
А не усложнять рассуждения.

В фильме «Скорпион-Спринг» мне досталась роль «американского наркодилера в Южном Техасе, который встречается с мексиканскими наркокурьерами, обманывает и убивает их, а кокаин забирает себе».

Вот и все, что мне надо было знать. Итак, я представляю себе этого типа, его слова и поступки и что-нибудь симпровизирую. Ничего сложного.

Спустя две недели я сидел в трейлере на съемочной площадке.

Типаж я знал. Даже биографию сочинил. В общем, напористый наркодилер среднего уровня, который работает в Техасе на картель. Мне нужен кокаин, нужны деньги, у меня есть пистолет, и я готов на убийство, лишь бы получить деньги и наркоту. И выгляжу я соответственно: небритый, сальные патлы, черные сапоги, кожаная куртка. Сценарий? Какой сценарий? Я и так знаю, кто я. Запускайте камеру, я готов.

Пора идти на съемочную площадку. Пора начинать съемку эпизода. Без проблем.

Выхожу из трейлера. В образе. Ни с кем не разговариваю. Не представляюсь другим актерам в эпизоде, потому что *моего героя они не интересуют, он все равно их сейчас убьет. И заграбастает кокаин. Бесплатно.*

Ко мне подходит помощник режиссера, протягивает мне какие-то листки и говорит:

— Ваши реплики, мистер Макконахи.

Я беру листки и, не глядя, сую в карман. Все занимают свои места, ждут команды «Мотор!». Ну, понеслись.

Тут я все-таки дал слабинку и решил *вот прямо сейчас*, перед самым началом съемки быстренько ознакомиться с эпизодом и мельком глянуть на диалог. О чем я в тот момент думал? «Если диалог написан хорошо, то я его сразу запомню, потому что он, разумеется, будет соответствовать характеру и поведению персонажа...»

Разворачиваю листки, смотрю.

Одна страница.

Вторая.

Третья.

Четвертая...

Монолог.

На испанском.

Охренеть. По спине холодный пот. Сердце бешено колотится. «Что делать?» Во рту пересохло. Я отчаянно пытаюсь сохранять спокойствие. Вроде бы рассеянно смотрю по сторонам, говорю:

— Мне нужно двенадцать минут.

С перепугу я почему-то решил, что двенадцати минут будет вполне достаточно, чтобы запомнить монолог на испанском, потому что, во-первых, *в выпускном классе я целый семестр учил испанский*, а во-вторых, такая отсрочка не доставит съёмочной группе особых неудобств. Отхожу в сторонку. На двенадцать минут. Возвращаюсь на съёмочную площадку, кладу листки в карман, занимаю свое место.

Фильм «Скорпион-Спринг» я не смотрел.

Зато накрепко затвердил урок.

Надо **готовиться**, чтобы обрести свободу.

Надо **поработать**, чтобы выполнить работу.

Надо готовиться к работе, чтобы **свободно** ее выполнять.

Знать типаж не значит знать испанский.

нужно всегда помнить

о последствиях халатности —

важно не только то, что мы делаем,

но и то, чего мы не делаем.

наша вина и в бездействии.

Я бросил курсы актерского мастерства, но свой урок затвердил и через несколько месяцев снова пришел в павильоны студии «Уорнер бразерс», на встречу с Джоэлом Шумахером. Он хотел обсудить со мной возможную роль в фильме «Время убивать» по одноименному роману Джона Гришема.

Мое безответственное отношение к предыдущей роли многому меня научило. Мне было стыдно, я злился на себя, а злость придавала мне дерзости.

Джоэл решил предложить мне роль Фредди Ли Кобба, парня, возглавляющего отделение ку-клукс-клана в захолустном городке Миссисипи. На этот раз я прочитал не только сценарий, но и книгу. Роль была интересной, но меня больше привлекала главная роль. Герой фильма Джейк Бригенс — начинающий адвокат. На судебном процессе он выступает защитником негра, убившего белых, которые изнасиловали его дочь. Перед встречей с Джоэлом я разработал план.

На беседу я пришел в футболке с обрезанными рукавами и фотографией Джона Мелленкампа на груди. Сел за стол, небрежно закурил «Мальборо».

— Мэттью, по-моему, ты очень подходишь на эту роль, — сказал Джоэл.

— Да, по-моему — тоже, мистер Шумахер. Мне ясно, кто он и почему он такой, но... А кого взяли на главную роль? На роль Джейка Бригенса?

Джоэл чуть склонил голову к плечу и посмотрел на меня:

— Пока не знаю. А кого, по-твоему, надо?

Я откинулся на спинку стула, глубоко затянулся и, выпустив струю дыма, взглянул Джоэлу прямо в глаза:

— По-моему, надо меня.

Джоэл расхохотался:

— Ха! По-моему, гениальная идея, Мэттью, но увы, невоплотимая. Студия ни за что не согласится взять малоизвестного актера на главную роль.

Не отводя взгляда, я затушил сигарету в пепельнице.

Так я привел в исполнение первую часть моего плана.

если бы

значит, что ты чего-то хотел,
но не получил.

По какой-то причине — либо из-за твоей
неумелости, либо из-за внешнего
вмешательства — этого не произошло.

Иногда это дело случая,
и тогда с этим нужно примириться.

Но гораздо чаще, как ни прискорбно
признавать, мы не получаем того, что хотим,

потому что слишком рано отступаемся
или опасаемся рисковать.

Чем больше пинков мы дадим нашим «если бы»,
тем больше получим того, чего хотим.

Не надо всю жизнь балансировать на канате
«слишком поздно слишком рано».

Разумеется, дальнейшее не было частью моего плана, но случилось так, что внешние обстоятельства сложились в мою пользу.

Сандра Буллок, которую уже утвердили на роль Эллен Рорк в фильме «Время убивать», перед этим снялась в фильме «Пока ты спал», который как раз в то время вышел на экраны и в первую неделю сделал приличные сборы — 10 миллионов долларов. А когда я встретился с Джоэлом Шумахером, сборы выросли до 80 миллионов. Фильм пользовался большим успехом, Сандра Буллок стала кассовой звездой — то есть студии готовы были давать ей главные роли, считая, что публика пойдет на фильм с ее участием. Поскольку в фильме «Время убивать» она играла

роль второстепенного плана, это означало, что «Уорнер бразерс» может согласиться, чтобы главную роль отдали менее известному актеру.

Но означало ли это, что Джоэл Шумахер всерьез рассматривает мое предложение? Вовсе нет. На роль Джейка Бригенса прочили Вуди Харрельсона (сейчас мы с ним большие приятели и называем друг друга «братьями от разных матерей»).

Однако все оказалось гораздо сложнее. Джон Гришем, автор книги, имел преимущественное право одобрить актера на роль Джейка Бригенса, поскольку персонаж был основан на его личном опыте. А 7 марта 1995 года в Миссисипи был убит Билл Сэвидж. Убийцы — парень и девушка — заявили, что вдохновились образами Микки и Мэллори из фильма «Прирожденные убийцы», которых сыграли Вуди Харрельсон и Джульетт Льюис. Билл Сэвидж был другом Джона Гришема, и Гришем ни за что на свете не позволил бы актеру, сыгравшему Микки, получить роль Джейка Бригенса. Съемки должны были начаться недель через восемь, в городке Кэнтон, Миссисипи. Все роли были распределены. Кроме роли Джейка Бригенса.

Несколько недель спустя в Лос-Анджелесе в четыре часа пополудни мы с моим менеджером Бет Холден попивали коктейль «Маргарита» на террасе мексиканского ресторана. У меня звонил телефон.

— Приезжай на пробы, — сказал Джоэл Шумахер, которому два месяца назад я предложил свою кандидатуру на роль. — В следующее воскресенье, в частной студии неподалеку от Фэрфакс-авеню, подальше от любопытных глаз. Потому что даже если все пройдет хорошо, то и тогда надежды мало, что студия тебя утвердит, а я не хочу добавлять неудачу к твоему послужному списку. Я хочу, чтобы ты сыграл заключительное слово Джейка на суде.

Настало воскресенье. День матери. Я позвонил маме на расвете.

— Ни в коем случае не проси роль, Мэттью. Держи себя так, будто она уже твоя.

Именно это мне и нужно было услышать.

— Спасибо, мама. С маминым днем тебя!

сотворено ради мига

все мы сотворены ради каждого мига
нашей жизни

ради мига, который определяет нас,
и ради мига, который определяем мы.

ради мига, в котором мы беспомощны,
ради мига, которым мы управляем,

хищник или жертва.

мы сотворены ради этого мига.

В 11 утра за мной заехал черный автомобиль и отвез на студию на Фэрфакс-авеню. Там уже были гример, костюмер, оператор и еще человек тридцать из съемочной группы. В час дня я вошел на съемочную площадку: зал суда, двенадцать присяжных за перегородкой. Я волновался, но был готов к роли. Все заняли свои места.

— Можно начинать, Мэттью, — сказал Джоэл.

Я набрал в грудь побольше воздуха и произнес заключительную речь героя, точно по сценарию, включая последнюю, ставшую теперь классической реплику: «А теперь представьте, что она — белая».

Все прошло хорошо. Хорошо, не великолепно. Я не путался в словах, выдержал ритм, не частил и сыграл неплохо. Больше чем неплохо, но не восхитительно.

— Замечательно, Мэттью, — сказал Джоэл. — А теперь забудь о сценарии и скажи то, что сказал бы ты сам.

В этом и заключается гениальность Джоэла Шумахера. Будь собой. Ты и есть персонаж. Мне очень понравился этот нюанс. Что сказал бы я? Какие чувства испытал бы, говоря о десяти-

летней девочке, которую жестоко изнасиловали три отморозка? Что в ней надломилось? А если бы на ее месте оказалась моя сестра? Моя дочь? Вдобавок сегодня — День матери...

Я выбросил из памяти сценарный монолог. Начал медленно расхаживать по залу. Во мне кипел гнев, глаза горели. Я вообразил ужасную картину, а потом начал ее описывать. Тогда у меня еще не было детей, но всю свою жизнь больше всего на свете я хотел быть отцом. Я представил себе, что это мою дочь изнасиловали. Я забыл о кинопробе. Я забыл о времени. Я вел себя так, как не ведет себя ни один адвокат в зале суда. Я не стеснялся в выражениях. Плевался. Описывал жуткие страдания невинного ребенка такими словами, за которые меня самого отдали бы под суд. Меня мутило от ярости. Я обливался потом.

Пробу приняли.

Две недели спустя я был в Игл-Пасс, Техас, где шли съемки фильма «Звезда шерифа». На съемочной площадке, посреди ночной пустыни, у меня зазвонил телефон.

Джоэл Шумахер и Джон Гришем.

— Хочешь сыграть Джейка Бригенса?

— Еще как хочу!

Я бегом бросился в пустыню, подальше от людей, упал на колени, глазами, полными слез, посмотрел на полную луну и прошептал: «Спасибо».

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Верхняя планка — дело рук человеческих

3 января 1993 года. Плей-офф Национальной футбольной лиги. «Хьюстон ойлерз» против «Баффало биллз». В первой половине «Ойлерз» вели со счетом 28:3, в третьей четверти — со счетом 35:3. А затем квотербэк Фрэнк Райх повел «Биллз» к победе и в дополнительное время выиграли со счетом 41:38. Да, «Баффало биллз» выиграли, но не одержали победу над «Ойлерз». «Хьюстон ойлерз» проиграли матч сами.

Почему? Потому что в перерыве установили себе верхнюю планку и ограничили веру в свои силы, избрав «превентивную защиту». Может быть, они уже обдумывали следующую игру, забегая вперед, утратили боевой настрой во второй половине матча — и проиграли. За две последних четверти матча Джим Эдди, тренер защиты, которого называли лучшим тренером года и прочили на место главного тренера команды, превратился в человека, который больше никогда не будет работать в Национальной футбольной лиге. И даже в студенческом футболе.

Вам доводилось ступешаться? Ну, вы знаете, что я имею в виду. Спасовать у финишной черты; утратить дар речи, пытаюсь пригласить девчонку на свидание; растеряться на экзамене, к которому упорно готовился; на турнире по гольфу не загнать в лунку легкий мяч; или оцепенеть от внезапного ощущения: «Господи, все в жизни складывается так замечательно, не может быть, чтобы я это заслужил...».

Со мной такое бывало.

Что происходит, когда испытываешь такие чувства? Каменеешь, задыхаешься, ощущаешь непонятное стеснение. Кажется, будто наблюдаешь за собой со стороны, как за посторонним, и теряешь способность делать то, что должен. Если позволяешь мгновению затмить тебя самого, то становишься сторонним наблюдателем, не вовлекаешься, а кичишься собой.

Почему это происходит?

Потому что, когда мысленно превозносишь что-либо или кого-либо, ставишь выше себя, то создаешь вымышленную планку, накладываешь ограничение на свои собственные действия в данный момент. Напрягаешься, волнуешься о результате, а не о действии, и в итоге допускаешь промах. Предполагаешь, что от результата зависит все на свете или что «так не бывает». Но и то и другое предположение неверно. И так думать нельзя.

Нельзя создавать воображаемые ограничения. Главная роль, медаль, победный счет, гениальная мысль, любовь всей жизни, неопишуемое наслаждение — с какой стати ты считаешь, что не заслуживаешь их, если они вполне достигаемы? С какой стати думать, что ты этого не заслужил?

Если в процессе действия оставаться собой, наслаждаясь тем, что делаешь, то никогда не спасуешь у финишной черты. Почему? Потому что не будешь думать о финишной черте, не будешь следить за стрелкой часов, не будешь рассматривать себя на огромном экране. Мы действуем в реальном времени, где цель — это сам процесс, у которого нет финишной черты, потому что он бесконечен.

Когда Во Джексон забил гол, он пронесся за голевую черту, через всю защитную зону, до самого туннеля, через который игроки выходят на поле. Самые лучшие снайперы в мире целятся не в мишень, а за мишень. Когда осознаешь, что в какой-то момент перейдешь в мир иной, то обретаешь присутствие в настоящем.

Стремись к недостижимому по бесконечной финишной прямой и смени красный свет на зеленый, потому что верхняя планка — дело рук человеческих.

В день, когда фильм «Время убивать» вышел в прокат, я отправился в свою любимую закусочную в пешеходной зоне на 3-й улице в Санта-Монике, Калифорния, за сэндвичем с тунцом на поджаренном опарном хлебе, с соленым огурцом и кетчупом.

Для меня прогулка как прогулка. Из четырех сотен прохожих триста девяносто шесть не обратили на меня никакого внимания. А четверо меня заметили — три девчонки построили мне глазки, а какому-то парню понравились мои кроссовки.

Вечером «Время убивать» показали в кинотеатрах по всей Америке. В тот уикенд кассовые сборы составили 15 миллионов долларов, что для 1996 года было рекордом.

В следующий понедельник я снова отправился в ту же самую закусочную за очередным сэндвичем с тунцом на поджаренном опарном хлебе, с соленым огурцом и кетчупом.

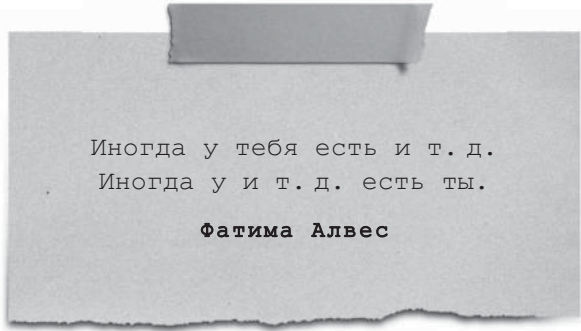
В тот день прогулка оказалась весьма необычной. Из четырехсот сотен прохожих триста девяносто шесть уставились на меня. Четверо меня не заметили — три младенца и слепой.

Я украдкой проверил, застегнута ли у меня ширинка, и потер нос: а вдруг там козявка?

Все было в порядке.

Что за хрень?

Я стал знаменитым.

Иногда у тебя есть и т. д.

Иногда у и т. д. есть ты.

Фатима Алвес

Мое «появление» создало невероятную шумиху. Меня объявили «надеждой кинематографа», а надписи над моими фотографиями на обложках некоторых журналов гласили: «Мэттью Макконахи спас киноиндустрию». Спас киноиндустрию? А я и не знал, что ее надо спасать, а если и надо, то выступать в роли спасителя я не собирался. Я просто хотел играть роли, которые мне интересны, в фильмах, которые были для меня важны.

С того самого дня мир превратился в зеркало. Посторонние люди притрагивались ко мне и разговаривали так, будто хорошо меня знали. В общем-то, они больше не были посторонними.

Люди, с которыми я никогда в жизни не встречался, подходили и заявляли что-нибудь вроде: «У моей собаки тоже был рак... Как жаль, что Мисс Хад...»

Откуда им известно, что у меня собака? Откуда они знают, как ее звать? И что у нее может быть рак? Хоть бы представились, что ли...

Первые впечатления остались в прошлом. Пройденный этап.

Мой мир изменился. Как сказал Джеймс Макмертри, «вверх ногами и задом наперед, все теперь наоборот».

Теперь меня любили все и не стеснялись упоминать об этом громко и часто.

Сам я говорил это лишь четверем людям.

Безвестным я больше не был, утратил анонимность навсегда.

И со сценариями такая же штука.

В пятницу перед выходом фильма я интересовался ролями в ста сценариях. Получил девяносто девять отказов. И одно согласие.

А в понедельник после выхода фильма?

Девяносто девять согласий. И один отказ.

Ух ты!

Здорово.

Хреново.

Что было настоящим? А что нет? Передо мной распахнулось небо, и я не чувствовал земли под ногами. Моя способность дифференцировать дала трещину, мои моральные устои пошатнулись, мне нужно было вернуть притяжение. Пора было согнуть колени.

Монастырь Христа в Пустыне находится на берегу Рио-Чама, в Абикию, штат Нью-Мексико. К нему ведет тринадцать с половиной миль проселочной дороги, настолько разбитой,

О пользе дальних прогулок

Соотношение «шум — сигнал».

Тебя постоянно бомбардируют
неестественные стимулы
больше чем обычно.

Надо попасть туда, где мало
сенсорных раздражителей,
чтобы слышать фоновые сигналы
своих психологических
процессов.

Когда шум стихает,
сигналы становятся яснее,
снова слышишь себя
и воссоединяешься.

Только время упрощает сердце.
Память восстанавливается,
формируются мнения.

Снова встречаемся с истиной,
и она учит

уверенно стоять на ногах между
рывками к цели и отступлениями,
дает понять, что не один ты
это испытываешь, просто делаешь
это в одиночку.

Когда у подсознания хватает
места, чтобы явить себя,
это становится заметно.

Оно грезит, постигает
и представляет все в образах,
которые теперь видны и тебе.

В уединении и сам начинаешь
мыслить образами,
актуализируешь увиденное.

Душа снова обретает
безвестность,

и тогда понимаешь, что един-
ственный человек, от которого
никогда не отделаться, это
ты сам.

Сократическая беседа может быть
неприятной, обидной, унылой,
трудной, полной вины и кошмаров,
так, что впору надевать зубную
каппу, чтобы не стереть клыки
в порошок, пока в панике
обливаешься холодным потом.

Ты вынужден противостоять
себе самому.

И это хорошо.

Ты не просто заслужил это
право, ты его заработал.

Подушка честного человека —
его спокойствие духа,
и неважно, кто еще спит в твоей
постели, ты спишь сам с собой.

Либо прощаешь, либо
с отвержением отвергаешь.

В этом и состоит эволюция.

Когда бежать некуда, когда
приходится разбираться с самим
собой, наши повседневные
кошмары вырываются из запертых
клеток на свободу и вместе
с ними попадаешь на арену,
решая «не позволю» или
«да ну их».

Каким бы ни был приговор,
ты растешь.

Только ты, ты сам неизменно
составляешь себе компанию.

Позаботься о себе и снова
начнешь хорошо к себе
относиться.

А потом возвращайся к людям,
ведь теперь ты умеешь
справляться с собой.

Почему?

Потому что сходил прогуляться.

что автомобилю по ней не проехать. Томасу Мертону там очень нравилось. Он говорил, что этот монастырь следует посещать, чтобы «перенастроить перспективу». Я прочел об этом в книге и решил: «Вот именно это мне сейчас и надо. Духовная перенастройка». В голове у меня все смешалось. Я увяз в излишествах новообретенной славы, боролся с незаслуженными комплексами, и мое бездомное существование тяготило меня и заставляло искать новые ориентиры. Не может быть, чтобы простой парень из техасского городка Ювалде заслужил всю эту роскошь и похвалу. Я не знал, как обращаться со своим успехом, и не мог поверить, что успех — мой. Я вообще не знал, кому верить, и не верил даже себе. В книге упоминалось, что монахи всем говорят: «Если вы до нас доберетесь, то просто позвоните в колокольчик у ворот, мы вас примем».

Друг подвез меня из Голливуда к началу проселочной дороги, и я пешком прошел тринадцать с половиной миль до монастыря, прибыл туда уже после заката и позвонил в колокольчик. Мне открыл невысокий монах, брат Андре.

— Добро пожаловать, брат, — сказал он. — Всем путникам тут найдется приют.

Я умылся с дороги и пошел на общий ужин, где вслух читали псалмы, а разговоры были запрещены. Потом брат Андре отвел меня в скромную келью с кроватью и матрасом на полу, где я и устроился на ночь.

На следующий день я сказал брату Андре:

— Мне надо кое-что обсудить, о жизни. Вы не посоветуете мне, с кем побеседовать?

— Да, конечно, — ответил он. — Об этом лучше всего поговорить с братом Кристианом.

Я встретился с братом Кристианом, и мы отправились на прогулку в пустыню. Я рассказал ему о своих чувствах вины, о низких и похотливых мыслях, об извращенных рассуждениях.

— С тех пор как я стал знаменитым, — сказал я, — я старался быть добродетельным и чистосердечным, не лгать и не обманывать себя, но я полон грешных желаний, овеществляю других

и самого себя... Я больше не ощущаю связи с прошлым и не вижу пути в будущее. Я заблудился. Я не чувствую себя собой.

Три с половиной часа я рассказывал брату Кристиану о демонах своего рассудка. Занимался самобичеванием, выводил себя на чистую воду. Он молчал. Не произнес ни слова. Ни одного. Мы бродили по пустыне, а он терпеливо меня слушал.

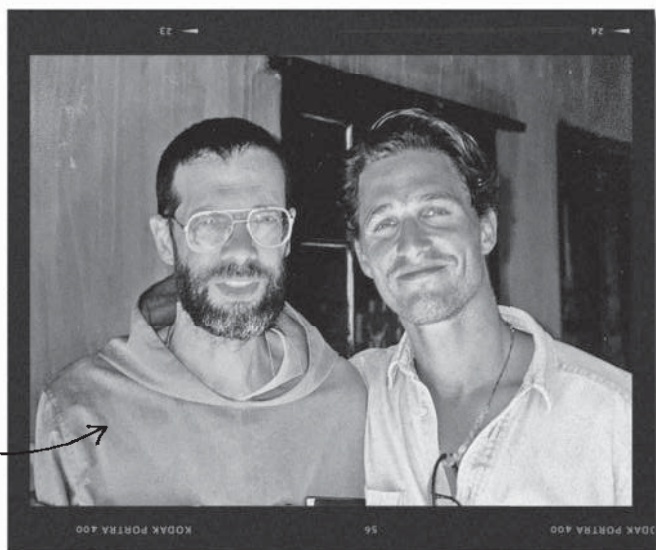
Через четыре часа мы вернулись в монастырь и сели на скамью у входа в часовню. Моя исповедь подошла к концу, и я разрыдался, а потом умолк, ожидая, что скажет брат Кристиан. Он молчал. Встревоженный долгим молчанием, я поглядел на него. Брат Кристиан, который все это время не произнес ни слова, посмотрел мне в глаза и шепотом изрек:

— И я тоже.

Иногда советы не нужны. Иногда достаточно просто услышать, что ты не одинок в своих терзаниях.

ЗЕЛЕНый СВЕТ

Брат
Кристиан

и то и другое правда

Я оптимист по натуре, человек высоких устремлений, у меня есть надежда, и тот, кем я хочу быть, спит в той же постели, что и тот, кто я есть, разумом, сердцем, душой и телом. Я не всегда доволен собой, в основном из-за этой сволочи — моей совести, Сверчка Джими, но мне редко удается стряхнуть его с плеча. И не без причины.

Даже когда я расстроен, не на волне, не чувствую связи между своим существованием и своими действиями, или, наоборот, когда я так погружаюсь в музыку, что не сознаю себя, мое лучшее «я» всегда со мной, и сократические беседы оно начинает гораздо раньше, чем я решаю к нему прислушаться, и не останавливается даже тогда, когда мне надоедает. Оно ненасытно.

Разумеется, в конце концов я к нему прислушиваюсь, но слушать — это самое трудное. Когда я начинаю слушать и прекращаю противопоставлять судьбу и ответственность, правду и вымысел, преступления и праведность, эгоизм и альтруизм, бренность и вечность, то усваиваю урок, становлюсь тем, кто я есть, делаю то, что я делаю, для себя самого, а не для кого-то еще, но в то же время для всех остальных. Для себя и для Бога, совместно. Потом я осознаю, что отвечаю за свою судьбу, что вымысел правдив, что я и грешник, и праведник, а еще — эгоистичный альтруист. Я — бренная вечность.

Сейчас каждый шаг и каждый миг складываются в мыслях в общую картину, я тот, кем хочу быть, Сверчок Джими — Синяя Птица у меня на плече, а голос Сократа един.

Я не то чтобы не справился с новообретенной славой, я вообще не знал, как к ней подступиться. Я был глуп, временами тупил и часто лез на рожон. Растерялся я потому, что, в общем-то, для меня все это много значило и хотелось разобраться, что важно, а что нет. Короче, я выкручивался, как мог. Мне нравилось, что наконец-то можно было заливать в бак неэтилированный супербензин, выставлять друзьям выпивку, получать пропуска за кулисы и работать с талантливыми актерами. Я старался вести себя по-джентльменски, с благодарностью принимал и шампанское, и икру, и признания в любви, но по большей части все это походило на отутюженные прислужгой джинсы, о которых я не просил. Я по-прежнему звонил маме каждое воскресенье.

Только теперь я звонил не маме.

Слушала меня не мама.

Разговаривала со мной не мама.

А женщина, которая любила мою славу больше, чем я.

Однажды вечером мне позвонил приятель:

— Эй, ты смотришь телевизор?

— А что там?

— Включи седьмой канал, передача «Хардкопи».

Включаю телевизор на седьмой канал, а там...

Моя мама проводит экскурсию по нашему дому и вещает в камеру: «А вот на этой кровати он лишился невинности. Кажется, его тогдашнюю подругу звали Мелисса, точно не помню, но это не важно, они недолго встречались... А это его ванная комната, тут только душевая кабинка, ванны нет. И знаете, за каким делом я его тут однажды застала? Ха-ха-ха. Нет, если честно, меня это не смутило, я много раз это видела...»

Охренеть.

Звоню маме:

— Мам, ты что делаешь?

— А что такого?

- «Хардкопи».
- А что не так с «Хардкопи»?
- Мам, ну я же сейчас передачу смотрю. И ты тоже ее смотришь, я же слышу!
- Так ведь это...
- Вот именно! Что это такое?
- Я думала, ты не узнаешь...
- Мам, передачу транслируют на всю страну! Тут любой дурак узнает...

К сожалению, в последующие восемь лет я поддерживал с мамой весьма напряженные отношения.

«Болтун — находка для шпиона», — говорил я ей. Она честно старалась молчать, но у нее не получалось. Ей хотелось приобщиться к моему успеху, но я и сам к нему пока не привык и делиться ни с кем не собирался, особенно с мамой. Мама так и норовила отхватить кусок, а я ее не подпускал. Будь отец жив, он радовался бы моему успеху и, в отличие от мамы, не пытался бы разделить со мной сцену, а спокойно сидел бы в первом ряду.

Как только я появлялся у мамы, она чуть ли не с порога заявляла: «Ты возвращайся поскорее», поэтому я стал уходить раньше. Такой уж у нее характер — дай ей палец, она всю руку откусит; поэтому, когда она отказалась пойти мне навстречу, я и сам замедлил ход, заставил ее дожидаться. Я перестал рассказывать ей о своих делах, потому что больше ей не доверял. Мне нужен был не друг, а мама, но мама, к сожалению, отправилась в своего рода «продолжительный отпуск».

Много лет спустя, сделав успешную карьеру и обретя твердую почву под ногами, я решил, что пора прекратить обуздывать маму. Ей уже было за семьдесят, так что пусть делает, что хочет. Этим она и занимается до сих пор. Она обожает появляться на красном ковре, давать интервью и объявлять всем подряд, что ей точно известно, «в кого я пошел». В нее, разумеется.

Возможно, она права.

ИСКУССТВО БЕГА С ГОРЫ

искусство бега с горы

Не споткнись, сбегая с горы.

Где гора, на которую ты хочешь забраться?

Вон там, за поворотом.

Не выдумывай трагедий.

Они произойдут сами собой.

Прошло четыре месяца с выхода на экраны фильма «Время убивать». Я стал востребованным актером. Еще до начала работы над фильмом я подписал контракт со студией «Уорнер бразерз» на три картины, и студия дала мне возможность выбрать следующую роль. Меня засыпали предложениями, и я даже организовал продюсерскую компанию, чтобы работать со своим материалом. Я хотел играть, но не знал, кого именно. Умение найти подход ко всему всегда было сильной стороной моего характера, но теперь, когда мне представилась возможность делать практически все, что угодно, это стало слабостью. Меня устраивали все предложения.

НЕУДЕРЖИМОЕ ПРИСТРАСТИЕ

К ИДЕЯМ НАДО МОРИТЬ ГОЛОДОМ.

НЕУДЕРЖИМОЕ ПРИСТРАСТИЕ

К ПРАВДЕ НАДО ПОДКАРМЛИВАТЬ.

Меня терзали сомнения при выборе следующей роли, душила в объятьях новообретенная слава и тревожила мамина непредсказуемость. Мне хотелось сбежать туда, где обо мне никто не слышал. Мне надо было доказать, что всеобщей любви заслуживаю я, Мэттью, а не моя слава. Мне нужно было оказаться там, где любовь и уважение окружающих я заслужу сам, своими делами, а не своей известностью. Я хотел прислушаться к своим мыслям, въехать в происходящее, достичь равновесия, определить занятую позицию, не кичиться успехом, а понять, как он достигнут, и наконец-то решить, какую роль в каком фильме я хотел бы сыграть. Мне надо было поголодать. И тут...

МЕНЯ НАСТИГЛА ВЛАЖНАЯ МЕЧТА.

Да-да, оно самое, непроизвольное ночное семяизвержение, без всякой там помощи рук, во сне. Обычно это происходит во время ярких эротических сновидений. Но эта поллюция была вызвана не сексуальными образами.

Мне снилось, что я плыву на спине по Амазонке, обвитый анакондами и питонами, а вокруг кишат крокодилы, пираньи и пресноводные акулы. На горном хребте слева плечом к плечу стояли африканские воины.

Я ощутил глубокое умиротворение.

Одиннадцать кадров.

Одиннадцать секунд.

И я кончил.

Проснулся.

Ничего себе.

Казалось бы, кошмарный сон. Так ведь нет же, оргазм.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

«Что бы это значило?» — подумал я.

Я точно помнил, что во сне плыл по Амазонке и что на горном хребте стояли африканские воины. Я встал с кровати, взял географический атлас и раскрыл карту Африки.

То, что места пусты,
не означает, что они свободны.

Иногда список приглашенных
должен состоять из одного человека.

Тебя.

И стал искать Амазонку.

Ну, как всем известно, Амазонку в Африке искать можно долго, потому что ее там нет. Часа два я разглядывал карту, а потом сообразил...

Континент-то не тот. Амазонка в Южной Америке.

В снах очень сложно разобраться. Однако же я понимал, что это именно та подсказка, которая мне и нужна.

Пора было отправляться в погоню за влажной мечтой.

Я собрал в рюкзак самое необходимое — минимум одежды, дневник, фотоаппарат, аптечку, таблетку «экстази» и свою любимую головную повязку — и в одиночку отправился в двадцатидвухдневное путешествие по Перу, чтобы искупаться в Амазонке. Да, в той Амазонке, что в Южной Америке.

Самолетом я добрался до Лимы, а потом в Куско, где встретился с проводником. За антикучо* и писко мы разработали

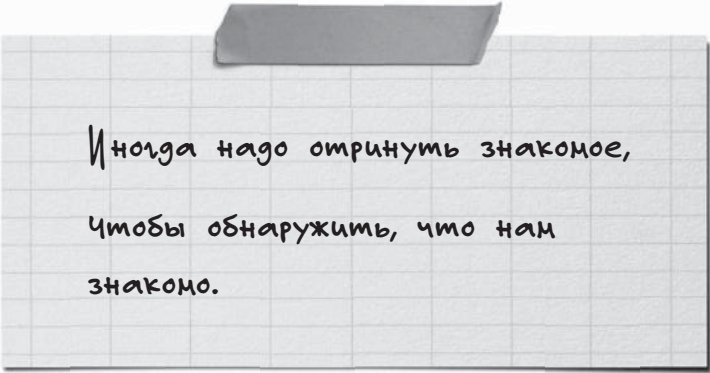
* Коровье сердце на гриле — прекрасное блюдо для первого знакомства с кулинарией развивающихся стран. Проблюешься в начале поездки, зато потом не будешь.

маршрут трехнедельного путешествия к Амазонке. Я ушел в Анды и долиной реки Урубамба, слушая альбом Джона Мелленкампа «Uh-Huh»*, добрался до затерянного города Мачу-Пикчу. Потом автобус, лодка и самолет доставили меня в самый большой город мира, с которым нет сухопутного сообщения, — в Икитос, «перуанскую столицу Амазонки».

К вечеру двенадцатого дня моего путешествия я прошел пешком восемьдесят миль и на следующий день должен был наконец-то окунуться в воды Амазонки из моего сна. Я так восторженно предвкушал встречу с рекой, что буквально не замечал ничего вокруг и не обращал внимания ни на местные достопримечательности, ни на живописные виды. Я пытался разобраться в себе и терзался прошлыми грехами. Мне было одиноко, я сам себя ненавидел.

Я поставил палатку, но внутренние страдания не давали мне уснуть. Тогда я разделся догола и вместе с одеждой снял с себя и все остальное — ярлыки, бирки, ожидания, связи и все такое. Я снял американскую футболку — мой символ любви к родине, подвеску с кельтским узлом — символ моего ирландского происхождения, значок с флагом штата Одинокая Звезда — символ техасской гордости — и все прочие амулеты, которые для меня что-то значили, даже золотое кольцо, подарок отца, переплавленное из их с мамой школьных колец и из маминой зубной коронки. Я избавился от всего, чем гордился, восторгался или утешался, от всего, во что верил и чему радовался. Я содрал с себя все обертки, все украшения, всю наносную шелуху. И даже пару раз врезал себе в челюсть, чтобы мало не показалось. Кто я такой? Не только в этой поездке, но вообще в жизни. Сейчас, полностью обнажившись, я был всего лишь дитятей Божиим, и больше никем. Меня пробил холодный пот, долго тошнило, а потом я, в изнеможении, потерял сознание.

* Этот альбом я услышал в 1983 году, с подачи своего брата Пэта. Моя любимая песня с альбома — «Pink Houses», которую я считаю архетипической песней об Америке. Это песня о поколениях и вере, об обретенных и об утраченных мечтах; она привила мне любовь к родине.

Иногда надо отринуть знакомое,
чтобы обнаружить, что нам
знакомо.

Несколько часов спустя, на рассвете тринадцатого дня моего путешествия, я проснулся, чувствуя себя на удивление посвежевшим и полным сил. Я оделся, выпил чаю и отправился погулять — не к цели своего путешествия, а просто так. У меня было прекрасное настроение — я был жив, свободен, чист и светел.

Я дошел по тропе до поворота, и там мне внезапно представило великолепное зрелище, будто мираж, — ярчайшие пятна розового, синего и алого трепетали и калейдоскопом переливались над землей, пульсируя неоновым светом.

Я замер. Вытаращил глаза. Отступил на шаг. Это был вовсе не мираж, и обойти его было невозможно. Вся земля передо мной была покрыта тысячами бабочек. Невероятное зрелище.

Пока я стоял, любясь чудесным зрелищем, в голове у меня прозвучали слова:

*«Я хочу все то, что я вижу,
Все, что я вижу, — передо мной».*

Теперь не надо было никуда спешить, не надо было нетерпеливо ждать того, что за поворотом, того, что будет дальше, того, что ждет впереди. Время замедлило бег. Я задрал голову к небу, негромко произнес «спасибо», а потом взглянул за облако бабочек и наконец-то увидел Амазонку.

Высоченная башня моих тревог медленной рекой лежала у моих ног. Впервые за долгие месяцы я успокоился.

can't. Yes, he plays a character, but the character is always
personal P.O.V and forms all opinions w/out personal bias. - I
of nature.. I am in the garden, and the freedom-song of pleasure
I dreamed of living here 1) for good 2) b/tween films 3) to write
They dance for a lady at daybreak & nightfall only. - I can
appreciate a place, a character, a time, I must think of it
goodness; God has such a colorful backyard ^{self} ~~I conclude~~ ^{he} ~~he~~ ^{can} ~~see~~ ^{what} ~~he~~ ^{knows} - man must exit the comforts,
the cars that listen, the pillows that he rests on - and for
his mind has a thought, and his mouth goes to speak
and his God. In a time, in an America, when our lux
anywhere, with anyone, at anytime - by way of phone,
comforts of home, they are so hard to leave, and rightly
when we fear leaving them, or not having them b/c
jeopardy of losing our self and our God. Technology is
it is man-made, not God-given - So, man must exit civ.
His may be, and watch, listen, see a place where no one c
that has no 'choice' (mother Nature) so he can have not
survive, where he is, w/out luxuries, and survive where he w
he needs, and we all know it is necessary, to survive. I t
truths and the soul, that And the freedom that ~~the~~ ^{has} crossed
luxuries (phone, friends, t.v.,) are so clear and pure, that th
and mind. One must leave home if he is to find home.
home. → ~~It's~~ Just like we stop praying & seeking when we are
remember when there is unrest in our lives; man must lea
to solve a problem. Act, don't react - and yes, the conflict
so go away from what you know, to find out what you know, and
is a luxury. Go away to your breeding ground, return, and
A smile I like ^{luxurious} has crossed my path, a walk I like has cross
colors I see are brighter than before - I want say I found t
opened the doors of my home and let them in. - I don't
want. ^{that I don't have here with me now.} ~~Everything I see is right in front of me. I want wh~~
Beliefs are better than conclusions b/c you can drive them in
The Model T on the showroom floor, there for all to ooh and ahh,

from HIS P.O.V. whereas the chameleon disregards his
an understanding pleasure. Watch closely & listen to the ways
is all around me. Good night Mateo, I love you, dream sweetly
& be 4) vacationing here. 4:45 am. - up to watch Coats of Rocks
ould live here 1/2 the year realistically - I believe to
as a place to live permanently - find the likeness, the
it is a necessity of man to leave what he knows so
the luxuries, the friendships, the advisors, the advice,
ree himself "into a corner", into a place where, when
it, there is no one there to listen, but himself,
uries have b/come our necessities, when we can be
television, autos, planes, cellphones, stereos ... oh, the
so, b/c I would not want to surrender mine, but
we fear being able to survive, then we are
basically 'good'; but we must respect it as a luxury, b/c
lization as we know it; go to the garden, wherever
an do anything for him but him self - he is a place
being but choice, he can do nothing but choose how to
ill return, with the luxuries. Every man must know what
is hard to leave our place (home, U.S.A.) but the
my path, without the interruptions ~~It~~ welcome as
ay are places that are home in every man's heart
(Australia, Peru.) - Women with wet eyes make me feel at
feeling well (success, in the groove = luxuries) and only
ave his 'home' when, if not before it b/comes necessary
ts will come, as God's reminder of our mortality,
d let necessity bear your luxuries, b/c necessity
do it with pleasure; create, appreciate, respect. - I found
sed my path, a necklace I like, is around my neck,
them, or own them now, b/c they found me, I simply
want to possess anything, there is nothing I really
at I see, ^{yes} and all I see is in front of me: To be present
instead of just look at them. ~~the~~ conclusions are
while belief is the 81 228 on the highway -
PRACTICALITY WINS OUT 11.8.96

Продолж. Да, он играет персонажа, но персонаж всегда с ЕГО точки зрения безотносительно личных убеждений. — Я начинаю понимать Я в саду, и меня окружает свободная песнь наслаждения. Спокойн
1) всегда 2) в перерывах между съемками 3) писать и быть 4) про
богов камня. Они танцуют для богины только на рассвете и на за
чтобы оценить место, характер, время, надо думать о нем, как о м
добрые черты; у Господа многоцветный двор . Я ^{верю} ~~считаю~~, ч
что ему знакомо, — человек должен отринуть удобства, роскошь,
подушки, на которых он отдыхает, — и «запечатать себя в утол», в т
эту мысль там, где слышать ее некому, кроме него самого и Бога
когда мы можем быть где угодно, с кем угодно в любое время — с п
малитовфона... от этих удобств родного дома тяжело отказаться
удобств, но когда мы «боимся» их оставлять, когда «боимся» обх
роизит опасность потерять и себя, и Бога. Техника и технология
что они — дело рук человеческих, а не творение Господа. — Поэт
и уйти в Сад Божий, где бы он ни был, и там смотреть и слушать
кроме тебя самого; быть в месте, где нет выбора (Мать-Природа)
чтобы не оставалось ничего другого, а только «выбирать» как в
научившись выживать в роскоши. Каждый должен знать, что ему
твое место (родной дом, США), но истина, дух и свобода, которые я
(телефон, друзья, телевидение) — так чисты и ясны, что любой в
свой Дом, надо покинуть родной дом. (Австралия, Перу) — Женщины
мы перестаем молиться и искать, когда у нас все хорошо (успех,
жизнь вторгаются беды; надо покидать дом тогда, а может и раньше
а не реализовать на действие — и да, конфликт возникает как
поэтому оставляй знакомое, чтобы увидеть, что тебе знакомо, и
необходимость — это роскошь. Уходи к своим корням, возвращайся
[мне встретилась чудесная улыбка, у меня была чудесная прогулк
стали ярче, чем прежде, — не могу сказать, что я все это наше
а я просто распахнул двери своего дома и впустил их. Я не хочу
по-настоящему хочется и чего у меня нет здесь и сейчас. Все, ч
что я вижу — прямо передо мной: присутствие. Вера лучше вывод
Выводы — это модель Т в автосалоне, где все ахают и восхищан

зрения. А хамелеон отвергает личную точку зрения и составляет наслаждение. Пристально всматривайся и вслушивайся в природу...
ой ночи, ребята, я вас люблю, сладких снов. Я мечтал здесь жить
водить здесь отпуск. 4:45 утра. Проснулся, чтобы посмотреть на
каме. — В принципе, я мог бы проводить здесь полгода. — По-моему,
месте, где будешь жить постоянно — найти в нем примечательные,
то человеку необходимо оставить знакомое, чтобы увидеть,
друзей, советников, советы, уши, готовые слушать, мягкие
такое место, где, когда в голове появляется мысль, рот озвучивает
. Со временем в Америке, когда роскошь стала необходимостью,
помощью телефона, телевизора, автомобиля, самолета,
, и это верно, потому что я не хочу отказываться от своих
родиться без них, потому что «боимся», что не выживем, то нам
— хорошие вещи, но к ним надо относиться как к роскоши, потому
ому необходимо оставить цивилизацию в нашем ее понимании
ь, увидеть место, где никто ничего не сможет сделать для тебя,
, чтобы у тебя не было больше ничего, кроме «выбора»,
ыжить в этом месте, без роскоши, и вернуться оттуда,
нужно, и мы все знаем, что нужно выжить. Тяжело покидать
встретил на своем пути, — без помех желанной роскоши
воспринимает их как «дом», и сердцем, и рассудком. Чтобы найти
и с влажными глазами принимали меня радушно, как дома.
волна = роскошь) и вспоминаем об этом, только когда в нашу
ше, когда необходимо найти решение проблемы. Нужно действовать,
Божественное напоминание о том, что мы смертны,
пусть необходимость станет твоей роскошью, потому что
и делай это с удовольствием: создавай, цени, уважай.
а, у меня на шее ожерелье, которое мне нравится, цвета для меня
или что этим владею, потому что эти вещи отыскали меня,
ничем владеть, потому что нет ничего такого, чего мне
то я вижу — прямо передо мной. Я хочу то, что вижу, и да, все,
ов, потому что ею можно управлять, а не просто любоваться ею.
отся, а вера — 228 выпуска 1981 года на шоссе. —

ПРАКТИЧНОСТЬ ВСЕГДА ПОБЕЖДАЕТ. 8.11.1996.

Спустя несколько часов я вернулся в лагерь, собрать вещи и продолжить путешествие. Один из проводников окликнул меня по-испански: «Sois luz, Mateo, sois luz!» — «Ты свет, Мэтью, ты свет!»

Обретя прощение, я избавился от чувства вины и от сомнений, будто искупил свои грехи. Я снова стал доволен собой. С того самого утра я жил каждым мигом, принимая то, что вижу перед собой, и отдавая ему должное. Следующие две недели я шел по джунглям Амазонки, сплавлялся на каноэ и прорубал себе путь мачете — и все это на одной-единственной таблетке экстази.

И да, я нагишом плавал на спине в Амазонке, но, в отличие от моего сна, никаких змей, крокодилов, акул или пираний рядом не было. Очевидно, они больше были не нужны. В послед-

ний день путешествия я купался в реке, и вдруг мне почудилось, что неподалеку прощально взмахнула хвостом русалка. Я тоже помахал ей на прощание.

Я встретился с истиной. Нашел ли я ее? Не знаю. Скорее уж это она нашла меня. Почему? Потому что я пришел туда, где меня можно найти. Я пришел туда, где можно обрести истину.

Как узнать, когда встретишься с истиной? Или когда она встретится с тобой?

По-моему, истина всегда, все время вокруг нас. Безымянные ангелы, бабочки, ответы — все они рядом с тобой, но не всегда различаешь, понимаешь, видишь, слышишь или дотягиваешься до них, потому что не оказываешься в нужном месте.

Надо составлять планы для всего.

ЗЕЛЕНый СВЕТ

Боже, когда
я встречу
с правдой, дай мне

осознать,
что я ее обрету,

ум,
чтобы ее распознать,

способность
применить ее к себе

терпение,
чтобы ее сохранить

и смелость,
чтобы жить с ней

Сперва **надо попасть в место**,
где можно обрести истину.
В шумном мире, где у всех
есть обязательства и сроки,
где вечно «сделай то» или
«исправь это», где от тебя
постоянно чего-то ожидают,
очень трудно сохранять
спокойствие и ясность рассудка,
независимо от того, знаменит
ты или нет. Поэтому надо
сознательно найти такое место,
где можно добиться этой
ясности, будь то молитва,
медитация, прогулка, общество
единомышленников, путешествие —
для каждого свое.

А потом, когда окажешься
в этом месте, чтобы слушать
музыку откровения, надо
осознавать, что обретаешь
истину, и **уметь ее**
распознавать. Она явится
безымянной, потому что она
чиста, вездесуща и бесконечна.

Она порхает, как бабочка,
стремительно и беззвучно.
Когда ее принимаешь, ей не
требуется объявлять о себе.

Для того чтобы установить
с ней отношения, нужна
способность применить ее
к себе. И тогда безымянная
правда становится личной,
самостоятельной. Тогда
задаешься вопросом, что она
означает, в чем ее
уникальность для тебя лично
и почему она здесь и сейчас.

А после этого наступает самое
трудное. Необходимо **терпение**,
чтобы ее сохранить, чтобы из
ума она проникла в самую плоть,
в сердце и в душу. Истине
необходимо **внимать**,
сосредоточиться на ней, не
давать ей угаснуть и следить,
чтобы она не упорхнула.
Это требует преданности,
времени и забот.

И затем, после того как,
оказавшись в нужном месте, ты
обрел истину, распознал ее,
применил к себе и сохранил,
приходит время для решающего
действия...

Найти в себе **смелость жить**
с истиной. Уйти оттуда, где
истина нас нашла, забрать ее
с собой, на арену
повседневности, и применять
день за днем, и сделать ее
активной частью своего
существа.

Если удастся этого достичь, то
окажешься на пути в Царство
Божие на земле.

Где то, что мы хотим, —
это то, что нам нужно.

Где то, что нам нужно, —
это то, что мы хотим.

Вернувшись в Голливуд, я согласился на роль Палмера Джоса в фильме Роберта Земекиса «Контакт», где главную роль играла Джоди Фостер. После моих духовных исканий на Амазонке роль человека, который верит в Бога в мире науки, представляла большой интерес, поскольку отражала мое мировоззрение, и мне хотелось это отобразить. Разумеется, главная роль отводилась Джоди Фостер, и многие не понимали, почему я выбрал «девчачью» роль второго плана, а не согласился на предлагаемые мне *главные* роли. Однако мой выбор меня вполне устраивал, потому что меня очень интересовали «филантропические персонажи и истории о самопознании»; вдобавок я хотел работать с талантливыми режиссерами.

После окончания съемок я начал плавать по рекам на каноэ, а еще решил, что пришло время поездить по магистралям США. Я купил микроавтобус «савана» выпуска 1996 года и приспособил его к своим нуждам: снял сиденья в салоне, оставив только водительское и пассажирское впереди, установил сделанный по заказу бар с встроенным холодильником и раковиной, мегафон, как на стареньком пикапе в школьные годы, и микрофон на шарнире, подключенный к кассетному магнитофону, вмонтированному в потолок над водительским сиденьем, чтобы я мог записывать на пленку свои рассуждения вслух, не отрываясь от руля. Расшифровки многих записей вошли в эту книгу. Я потратил десять тысяч долларов на усилитель

Меня никогда не привлекали конечные пункты пути.

Мое воображение и любовь к песне не желают
ограничиваться мыслью о приземлении.

Задайте мне направление, и я отправлюсь
в свободный полет по шестнадцатиполосной
магистрали,

где хватает места для маневров и есть
на что посмотреть.

Для меня, как в джазе, жизнь — это река.

«Альпайн», эквалайзер «Танкреди» и динамики «Фокал ES», воссоздав винтажную аудиосистему, установил в дальнем конце салона кушетку, обтянутую искусственной леопардовой шкурой, а вдобавок просверлил дырку в полу рядом с рулем и вставил в нее воронку, чтобы не сворачивать на обочину всякий раз, как приспичит пописать. Свой микроавтобус я назвал «Космо», и мы с Мисс Хад отправились в путь.

Мы с Мисс Хад пару месяцев покатались по стране, спали на леопардовой шкуре или в мотелях, а потом наконец решили, что готовы к перманентным странствиям. Я купил двадцативосьмифутовый трейлер «Эйрстрим интернешнл ССD», прицепил его к «Космо», и с нашим новым домом на колесах мы продолжали разъезжать.

Теперь мы с Мисс Хад ни от кого больше не зависели и стали теми, кого в мире трейлеров называют «перекати-поле». Мы изъездили все, от Манитобы до Гватемалы, и сорок восемь из сорока девяти штатов США. Куда мы направлялись? Куда хотели. В какое время? Когда в голову взбредет. Например, через три дня в Нью-Йорке бейсбольный матч с Роджером Клеменсом. От Альбукерке в штате Нью-Мексико до Нью-Йорка как раз три дня езды, так что мы отправляемся утром и приезжаем как раз к иг-

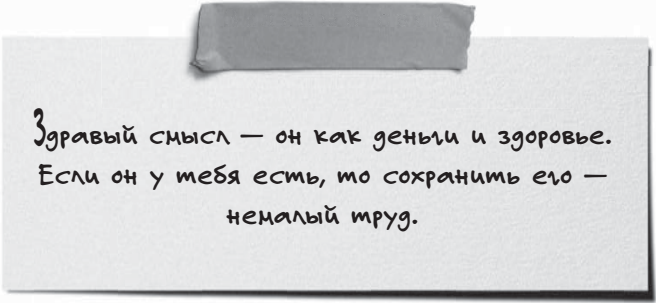
ре. А через день после этого в Детройте выступает группа *Cult*? Вот и здорово, на следующее утро после бейсбола рванем туда.

Даже с режиссерами я встречался, колеся по стране. Например, если я был в Юте и направлялся на восток, то предлагал своему гостю прилететь утром в Боулдер, штат Колорадо, и встречал его в местном аэропорту. Мы отправлялись в путь, по дороге семь часов обсуждали проект, а затем я отвозил гостя в аэропорт Линкольна, штат Небраска, откуда он возвращался к себе. Я люблю сидеть за рулем и с удовольствием разъезжал по американским трассам в своем передвижном офисе.

Мы приехали в Род-Айленд, где я снялся в фильме Стивена Спилберга «Амистад», о бунте рабов на испанском корабле в 1839 году; разбирательством по делу о мятеже в итоге занимался Верховный суд, а само дело вошло в историю и стало важной вехой в движении за отмену рабства. Еще я снялся в фильме моего старого знакомого Ричарда Линклейтера, «Братья Ньютона», о братьях-бандитах, самых удачливых грабителях банков и поездов в истории США. Все они, как и я, были родом из Ювальде, штат Техас. Я играл одного из братьев, Уиллиса Ньютона. Он тоже проповедовал логику вольнодумцев и считал, что проще прострелить замок, чем открыть его ключом.

Нам с Мисс Хад нравилось ездить по захолустью, жить в трейлер-парках и знакомиться с их обитателями. Я, будто из первого ряда на лекции по актерскому мастерству, наблюдал не за вымышленными персонажами, а за настоящими людьми. И не в записи на «Меморексе», а вживую. Естественное поведение, а не подражание ему. А еще я писал дневник и начитывал свои размышления на магнитофон.

В трейлер-парках обитают отщепенцы, сбежавшие из дома подростки, цирковые клоуны, рок-гитаристы, хронические неудачники, любители живой природы, книг и послеобеденных коктейлей, пенсионеры, матери-одиночки, изобретатели, велосипедисты, садовники, закройщики, мечтатели, погибшие души, хиппи, байкеры, амфетаминщики, миллионщики (те, кто наездил миллион миль) и те, кто в шесть утра утюжит себе костюм. И все они не любят, когда в их дела кто-то вмешивается, и сами в чужие дела нос не суют.

Здравый смысл — он как деньги и здоровье.
Если он у тебя есть, то сохранить его —
немалый труд.

«Если дверь закрыта, не стучи» — первое правило жизни в трейлер-парке. Естественно, я не раз слышал, как местные жители упоминали, что тут, мол, живет Мэттью Макконахи, но ко мне никто не приставал — все внимание ограничивалось приветственным взмахом руки. Все соблюдали правила трейлер-парка. А тех, кто пытался эти правила нарушить, быстро разубеждали.

С другой стороны, знакомиться с людьми здесь было легче легкого. Как любил говорить Бобби «Тин Лиззи» Робинсон из трейлер-парка «Лей-Зи-Дейз» в Кварцсайте, штат Аризона, «открой капот пикапа, и желающие помочь сразу найдутся».

Мы с Мисс Хад неторопливо колесили по стране, ездили куда угодно и когда угодно, следуя напутственным словам Робби «Сверчка» Маккензи из трейлер-парка в Гадсдене, штат Алабама: «Держи кузов повыше, резину понижe, а если торопишься, уезжай пораньше».

Однажды на съемках мы с Мисс Хад устроились в трейлер-парке в резервации суквомишей, к югу от моста Секонд-Нэрроуз под Ванкувером, в Канаде. Вскоре я подружился с вождем племени Майком Хантом. Суквомиши жили близ рек и всегда были отличными рыболовами. Они довели до совершенства ловлю серебряных лососей — кижучей. Вместо того чтобы выплывать на середину реки в каноэ с приманкой и крюками, суквомиши забредали в мелкие ручьи и укладывали валуны на дно реки, сооружая узкие проходы, по которым рыба устремлялась в открытую панель тележки из местного супермаркета. От такой

рыбалки мало удовольствия, но результат гарантирован. У нас часто происходили взаимовыгодные сделки — я жарил рыбастейки на гриле и выменивал на них свежепойманных кижучей.

Однажды в трейлер-парк явился фотограф-папараццо, явно надеясь сделать мои фотографии. Вождь Хант с соплеменниками, не теряя времени, объяснили ему, что в резервации его видеть не хотят.

— Это почему? — спросил фотограф.

— Потому что ты доставляешь неудобство нашему племени.

— Ну и что? — возразил фотограф. — Я оплатил аренду трейлера, у нас в стране свобода!

— А на территории резервации — нет.

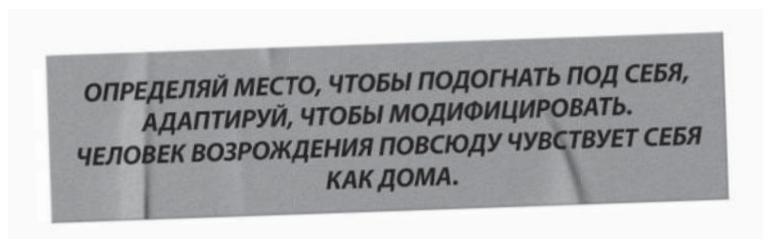
Вождь Хант с соплеменниками в тот же день выпроводили фотографа из трейлер-парка. Я его так и не видел, да и он меня тоже. Ему не удалось сделать ни одного снимка.

Шесть недель спустя съемки закончились, и я собрался уезжать. Вождь Хант с соплеменниками вручили мне прощальный подарок: весло ручной работы, украшенное резьбой с символом племени — гром-птицей.

— Весло направляет племя суквомишей по рекам, — сказал вождь. — Пусть и тебе оно служит компасом и хранит тебя в твоих путешествиях, брат Мэттью.

С того дня мой «Эйрстрим интернешнл» получил прозвище «Каноэ».

Ранние сумерки где-то у реки Кларк-Форк в западной Монтане.

С восьми утра я сидел за рулем, устал и решил заехать в ближайший трейлер-парк, чтобы отдохнуть и посмотреть студенческий футбольный матч по моему спутниковому телевидению. Один город давно остался позади, до следующего было миль пятьдесят, и вдруг фары осветили справа указатель к трейлер-парку. Я снизил скорость и свернул с шоссе на проселочную дорогу среди высоких темных сосен, в крошечной тьме.

Внезапно дорога оборвалась. Я остановился, взгляделся в окрестности. Никого. Ни души. Никаких построек. Мы с Мисс Хад вышли из «Космо», разведать обстановку и отыскать хоть что-нибудь. Ничего. И тут среди сосен, футах в сорока от нас, я заметил оранжевый огонек сигареты. Я выключил зажигание, закрыл машину и с Мисс Хад направился на огонек.

У какого-то здания стоял человек в белом поварском кителе, упираясь правой ногой в стену, совсем как Пэт в мои школьные годы. Я подошел поближе.

— Ищешь стоянку? — спросил он.

— Ага, — ответил я. — Под открытым южным небом, чтобы спутниковая тарелка ловила.

Не меняя позы, человек дернул головой куда-то вправо:

— Спроси у Эда в баре, он скажет, где ставить.

Мы с Мисс Хад пошли в указанном направлении, к большой деревянной двери в стене того же огромного амбара, к которому прислонился повар. Я толкнул тяжелую створку. Наружу вырвались яркий свет, громкая музыка и голоса. Типичный бар

в субботний вечер. За толстыми стенами амбара веселье было в разгаре, хотя снаружи не догадаешься.

Мы вошли. Я поискал взглядом бар. Ко мне подбежала кареглазая официантка-шайенка и представилась:

— Привет, я Эша. Входите. Что вам угодно?

— Я ишу Эда.

Она кивнула в дальний конец зала:

— Вон он, там, за барной стойкой.

У стойки толпились посетители, а спиной ко мне стоял человек с длинными седыми волосами, изрядно поредевшими на макушке.

— Спасибо, Эша.

— Если еще что надо, зовите, — ответила она, подмигнула и скрылась в толчее.

Мы с Мисс Хад подошли к стойке.

— Эй, Эд! — громко окликнул я, пытаюсь перекричать шум.

— Ну, чего надо? — спросил Эд, не оборачиваясь и не отрываясь от своего занятия — он разливал по кружкам бочковое пиво.

Судя по всему, вкусы завсегдатаев он знал и новые посетители сегодня его не интересовали.

Эд страдал эпилептическим тиком, из-за чего его лицо то и дело морщилось, а язык высывался изо рта, однако это ничуть не подрывало авторитета хозяина заведения.

— Мне нужна стоянка под открытым южным небом, — крикнул я.

— Под каким таким небом? — Он наконец повернулся посмотреть на наглеца, который явился без приглашения и просит то, чего нет в меню.

— Стоянка под открытым южным небом, — повторил я. — Чтобы спутниковая тарелка поймала трансляцию футбольного матча в девять вечера.

Эд поставил на стойку пивные кружки, мельком взглянул на меня и сказал:

— Не-а.

— Эй, ты — Мэттью Макконахи? — раздался за моим плечом пьяный голос.

Не желая весь вечер развлекать публику*, я язвительно ответил:

— Я уже двадцать девять лет как Мэттью Макконахи. Что с того?

Мой собеседник, сильно поддатый, не уловил подколки и расплылся в улыбке:

— Ни фиги себе! Я знал, я знал! — Он крепко пожал мне руку. — Меня зовут Сэм, садись к нам, познакомишься с моим дядей Дейвом. Он в сральник пошел, сейчас вернется.

Я решил, что вечер в баре лучше, чем вечер у телевизора, к тому же открытого южного неба мне не предлагали, и поэтому принял приглашение Сэма.

— Только погоди, я выгуляю собаку и заведу трейлер на стоянку. Вернусь через полчаса.

Я направился к выходу, а в спину мне прозвучало:

— Одиннадцать баксов! Ставь, где хочешь, там все свободно. Это Эд снизошел до ответа.

Полчаса спустя я протолкался к барной стойке между Сэмом и его дядей Дейвом.

— Что пить будешь, Мэттью?

— Двойную текилу куэрво со льдом, — громко сказал я, но Эд меня не услышал.

— Эй, голубушка, — обратился Сэм к Эше, проходившей мимо. — А принеси-ка моему приятелю Мэттью тройную куэрво со льдом. Будь так любезна.

— Хорошо, Сэм. И ты же знаешь, меня зовут Эша. Вот и ты меня так зови, — подмигнув, сказала она.

* Иногда приходится резко ограничивать общение с людьми, которые отнимают у меня время, требуя автографов, фотографий и телефонных разговоров с бебиситтером их троюродной тетки — «она твоя большая поклонница». В данном случае народ отдыхал, а я невольно вторгся в их компанию, но так или иначе нужно было дать им понять, что я — не дрессированная мартышка. Если бы я дружелюбно ответил: «Да, а как ты узнал?», то сразу бы стал центром внимания, а так я дал понять Сэму и окружающим, что мне это ни к чему. Так сказать, предупредительно мигнул им желтым светом, чтобы мне дали зеленый.

Я оглядел зал. Люди улыбались, заигрывали, доедали ужин, выпивали, танцевали и стояли у игровых автоматов. Судя по всему, все были здесь частыми посетителями, а Сэм и вовсе за-всегдатаем.

— Эй, красавица, повтори нам заказ, пожалуйста, — попросил он еще одну официантку.

— Организуй нам еще по стопарику, солнышко, — сказал он третьей.

И всякий раз официантки просили Сэма называть их по имени — без обиды, беззлобно и ласково, явно не потому, что их унижала безличность обращения.

После четвертой стопки Сэм ушел в туалет, а я спросил дядю Дейва, который весь вечер молча сидел справа от меня:

— А почему это все официантки просят Сэма называть их по имени?

Дядя Дейв отхлебнул пива, посмотрел мне в глаза и объяснил:

— Шесть лет назад у Сэма погибла жена. Через две недели после свадьбы. Вот уже шесть лет он каждый вечер приходит сюда, но так и не может запомнить, как зовут официанток. Или просто не может произнести женское имя. Любое. Не может, и все тут.

Часам к трем ночи посетителей в баре поубавилось, но веселье продолжалось. Человек десять, и я в том числе, играли в кости. У тридцатипятилетней Джози, заправляющей мотелем, на территории которого и располагался бар, были кривые зубы, залысины, мешковатые рабочие штаны на три размера больше, туго перехваченные на талии кожаным ремнем, верный черный лабрадор и тринадцатимесячный сын, мирно спящий в детской переноске на полу. И младенец, и лабрадор были последствиями бурной ночи, проведенной два года назад с неким Джеком, — Джози познакомилась с ним в этом самом баре. Наутро Джек бесследно исчез, оставив свою собаку, а через несколько месяцев Джози обнаружила, что беременна. Сегодня Джози играла в кости, надеясь выиграть денег на новые покрывшки, «потому что месяц назад проехала восемь миль на спущенной шине и остальные три тоже угробила».

А еще там был фермер Донни. Он выращивал экологически чистые грибы и жил в одном коттедже с Донной. Чем больше он пьянел, тем больше расстраивался — мол, «местные распускают слухи, что я сплю с Донной». Все над ним подшучивали: «Донни и Донна». Дело в том, что Донна была замужем за нефтяником, который вот уже год бурил скважины где-то на Аляске. В конце концов Донна призналась, что не прочь бы «трахнуть» с Донни, потому что он мужик, а я баба», но твердо сказала:

— Я просто хотела ему помочь — ему жить негде, а у меня комната пустует.

Выяснилось, что у Донны два магистерских диплома.

— На дипломах в Монтане не протянешь, — вздохнула она. — Днем я работаю в Миссуле, милях в пятидесяти отсюда, в Обществе защиты животных, а по вечерам вот здесь, официанткой в баре. — Потом она гордо продемонстрировала свои волосатые ноги и подмышки и объяснила: — Готовлюсь к зиме.

Билл и Сюзи были женаты двадцать два года. Когда-то они держали бар в пятнадцати милях отсюда, но доходов он не приносил, и они решили уйти на пенсию. Сюзи утверждала, что воспитывать двух подростков — сыновей Билла от первого брака — гораздо труднее, чем заправлять баром. Билл сказал, что основной предмет экспорта в штате — молодежь. В Монтане прекрасные детские сады и школы, но найти работу трудно, поэтому молодые люди уезжают на заработки за пределы штата.

— А как денег поднакопят, всегда возвращаются, потому что лучше Монтаны не найти.

Хорошо, что у них не оказалось стоянки «под открытым южным небом».

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Жизнь в трейлере предоставляет свободу в любой момент сняться с насиженного места и переехать в другое. Куда угодно. Можно посещать всякие спортивные состязания и концерты, раскатывать по захолустью, ранним утром просыпаться на

берегу реки где-нибудь в Айдахо — а за окном маячит любопытный гризли. Можно бродить по каньону Антилопы в Юте, встречаться с людьми в Монтане или проехать с эскортом Портового управления Нью-Йорка и Нью-Джерси по Таймс-сквер. И все-таки надо где-то получать корреспонденцию. Поскольку мне понравилось проводить лето в Голдене, штат Колорадо, а осень — в Остине, штат Техас, я завел в тамошних трейлер-парках абонентские почтовые ящики. Эти два адреса служили мне «временным домом». Там мы с Мисс Хад останавливались надолго, я читал письма, подключался к городскому водопроводу и электросетям, встречался со старыми приятелями и обдумывал следующее путешествие.

Молитвы белых воротничков

Вы когда-нибудь
бывали в баптистской
церкви на юге США?

Там возносят настоящие
молитвы.

Там молятся о том,
что необходимо.

Господи, если я болен,
пошли мне врача.

Господи, если меня
отдали под суд,
пошли мне адвоката.

Господи, если мне
холодно, пошли мне
одеяло.

Господи, если мне
голодно, пошли мне еды.

Молитвы синих воротничков

Но среди молящихся
есть избранные.

Они возносят
фальшивые молитвы.

Они молятся о том,
чего *хотят*.

Господи, сделай так,
чтобы я выиграл.

Господи, сделай так,
чтобы мама купила мне
новый наряд.

Господи, сделай так,
чтобы я получил
«Оскара».

Господи, сделай так,
чтобы мне досталась
яхта.

Молитвы белых воротничков

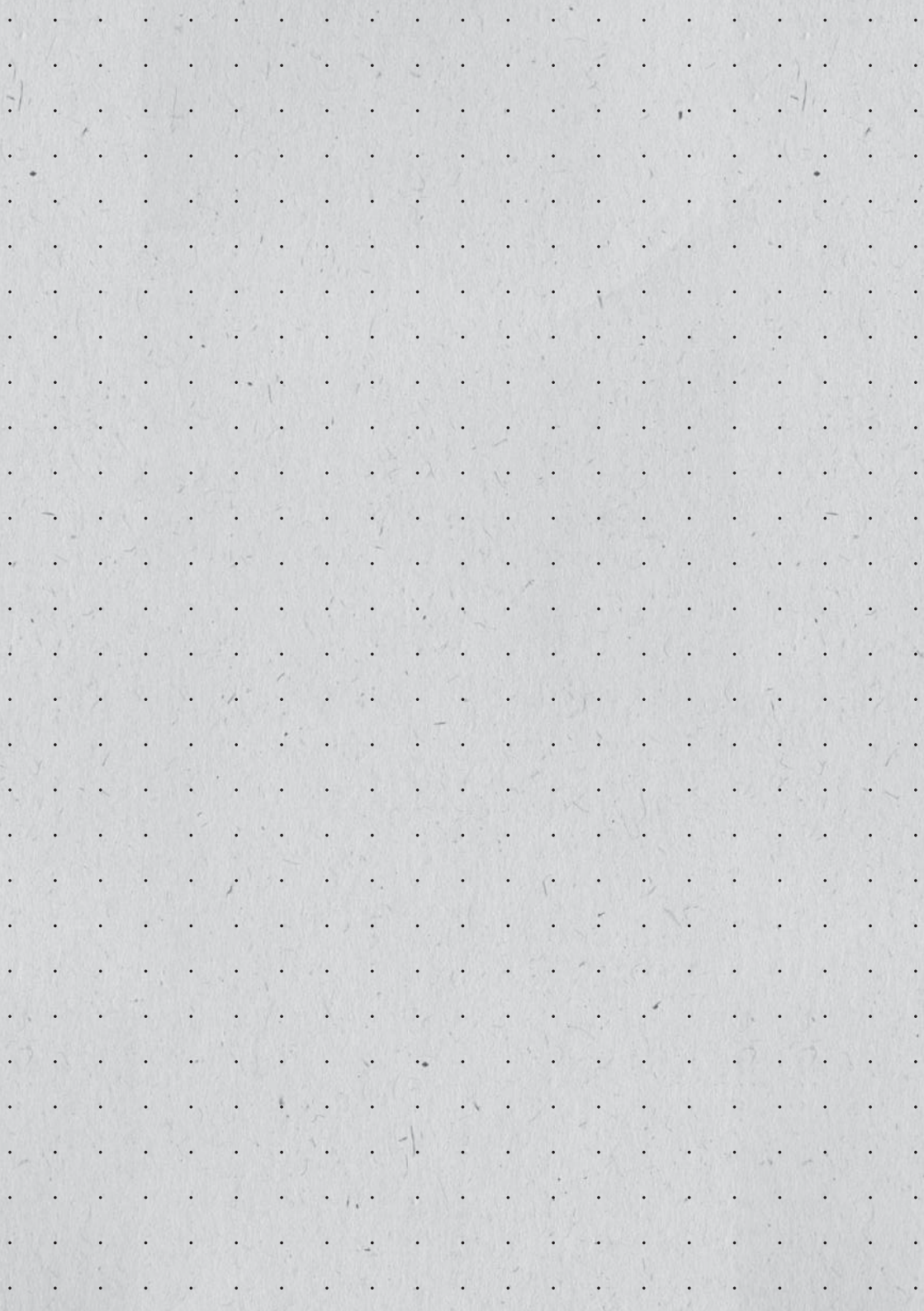
Перестаньте просить
Господа, чтобы он
ответил на *такие*
молитвы.

Ему некогда. Он занят.

Он пытается достать
новые покрывки.

Часть пятая

ПЕРЕВЕРНИ СТРАНИЦУ

1999 г., 23 октября

МЫ С МИСС ХАД КОЛЕСИЛИ ПО СТРАНЕ больше трех лет и заскучали по оседлой жизни. Свежие простыни, нормальная кухня и водопровод казались чем-то недостижимым, как Шангри-Ла, поэтому я решил снять двухспальный дом в тихом районе Тарритаун, в центре города Остин, штат Техас. Остин мне нравился не только потому, что я здесь учился и любил проводить осени, но еще и потому, что в этом городе я мог быть собой. Думаю, в этом и заключается секрет Остина — в этом городе каждый может быть собой, и Остин ценит это в каждом. Ему не надо, чтобы я доказывал это на экране, он всегда меня радушно принимает.

Тарритаун — район, где собаки бегают без поводка, дети играют в футбол на улицах, не опасаясь машин, а старожилы с рождения не меняют домашнего адреса. Я собирался поработать в саду, предварительно выкурив косячок, а потом поболеть за футбольную команду моего университета. Жизнь как жизнь.

В ту субботу «Техас лонгхорнз» со счетом 24:20 одержали победу над «Небраска корнхаскерз», третьей по ранжиру студенческой командой страны, которая до тех пор не знала поражений. Весь город ликовал, и я тоже. Это событие надо было отпраздновать.

Я праздновал до воскресенья и в воскресенье тоже за полночь, так что почти двое суток не смыкал глаз.

**ЧЕМ БОЛЬШЕ КАЙФ,
ТЕМ ЯРЧЕ СОЛНЦЕ.**

В понедельник, в половине третьего ночи я решил, что пора отдохнуть. Выключить свет, раздеться, открыть окно и впустить в дома аромат жасмина из сада. Покурить бонг, включить погромче альбом Анри Диконге, великолепные мелодичные африканские напевы. Самое время сесть за барабаны и выступать древние ритмы, возникшие задолго до того, как их вообрал мемфисский блюз. Больше всего для этого подходят мои любимые афрокубинские барабаны-конги, наследие ритуальных церемоний и глоссолалии.

Для меня конги, бонго и джембе всегда были замечательными, инстинктивными инструментами. Ни палочек, ни электричества, ни эквалайзера, ни струн, никаких приспособлений, лишь простое соприкосновение с элементарнейшим аналоговым языком, молитвой и танцем — перкуссией. Музыка из истоков музыки, уходящая к африканским корням. Пора раствориться в ней, как в туманной дымке, и исчезнуть в мареве грез. Самое время для барабанных импровизаций.

Мне было неизвестно, что, пока я в полном блаженстве стучу по барабанам, двое полицейских решили ворваться ко мне в дом, отдубасить дубинками, надеть на меня наручники и повалить на пол.

— О, смотри-ка, это у нас вот кто, — сказал стриженный под машинку коп, похожий на игрока «Небраска корнхаскерз», обнаружив на журнальном столе мое водительское удостоверение.

Потом он увидел бульбуйатор.

— О, смотри-ка, это у нас вот что! Мистер Макконахи, вы арестованы за нарушение общественного порядка, за хранение наркотиков и за сопротивление властям, — гордо заявил он, упершись коленом мне в поясницу.

— Да пошел ты! — заорал я. — Вы вломились ко мне в дом, поэтому я и сопротивлялся.

— Заткнись, — буркнул он и рывком поднял меня на ноги. — Поедем в участок.

Второй полицейский, повежливее, сдернул с дивана плед и попытался накинуть его мне на плечи.

— Нет уж! — рявкнул я. — Мне ничего не надо. Моя нагота — доказательство, что я ничего не нарушал.

Меня вывели из дома в огороженный узкий дворик, к выходу на улицу. Я, по-прежнему в чем мать родила, не собирался смиряться с неизбежным, поэтому решил, что круто будет взбежать по стене и кувыркнуться в воздухе над головой «корнхаскера», который шел сзади меня. Я хотел сложиться вдвое в кувырке, протащить скованные за спиной руки под задницей и через ноги, а потом приземлиться за спиной «корнхаскера», держа руки в наручниках перед собой. В тот момент мне казалось, что при виде такого эффектного трюка, которому позавидовал бы сам Гудини, полицейские, впечатленные моей ловкостью, передумают брать меня под арест. Глупо, конечно, но тогда я еще не очухался после тридцатидвухчасовой гулянки.

Мне так и не удалось выяснить, способен ли я на этот трюк, потому что как только я подскочил к стене, «корнхаскер» сбил меня с ног и впечатал в мощеную дорожку.

Должно быть, копы сообщили по рации, кого именно арестовали, потому что у моего дома уже собралось штук шесть полицейских машин с мигалками и человек сорок соседей.

— Может, все-таки плед накинешь? — спросил вежливый полицейский.

— Нет, моя нагота — доказательство моей невиновности! — выкрикнул я на весь квартал. В соседнем квартале меня тоже слышали.

Мне пригнули голову, усадили на заднее сиденье патрульной машины и увезли в участок. Там я в третий раз отверг предложенный плед и гордо поднялся по лестнице к входу в полицейское управление Остина.

Я вошел в двойные двери. В вестибюле здоровенный — ростом не меньше шести футов шести дюймов и весом 285 фунтов —

татуированный арестант протянул мне пару ярко-оранжевых тюремных штанов.

— Доказательство моей невиновности, чувак, — повторил я, не давая ему сказать ни слова.

Он внимательно посмотрел на меня, сообразил, в чем дело, и вздохнул:

— Мы тут все невиновны. Но поверь, штаны тебе пригодятся.

Сам не знаю почему — то ли из-за его честного взгляда, то ли потому, что он тоже был арестантом, а меня вдруг осенило, что амбалистый тип просто так предупреждать не станет, — но я его послушал.

— Ну давай.

Он встал на колени, помог мне просунуть ноги в штанины и вздернул штаны мне до пояса. Я пошел в «обезьянник».

В половине десятого утра тридцать два часа непрерывной гульбы превратились в тяжелейшее похмелье. Я забился в угол камеры. К решетке подошли двое.

— Мистер Макконахи, я — судья Пенни Уилков, а это адвокат защиты Джо Тернер.

Охранник открыл решетку камеры.

— Не понимаю, — сказала судья, — каким образом жалоба на шум превратилась в серьезное правонарушение класса А «сопротивление при аресте» и правонарушение класса Б «хранение менее двух унций марихуаны». И какого черта двое полицейских без предупреждения вломились к вам в дом. Я снимаю с вас обвинения в нарушении общественного порядка и в хранении наркотиков, а в отношении сопротивления при аресте отпускаю вас под мою личную ответственность. Даже не представляю, почему ситуация настолько вышла из-под контроля.

— Ваша честь, я не совсем понимаю, что все это означает, но тоже не представляю, — сказал я.

Джо Тернер, тот самый адвокат, который когда-то успешно представлял интересы Вилли Нельсона в судебном разбирательстве по обвинению в хранении наркотиков, заявил:

— Ваша честь, мы все считаем, что ситуация вышла из-под контроля, но поймите, полицейские действительно вломились к нему в дом, когда он просто сидел нагишом и играл на бонгах. Так называемое «сопротивление при аресте» на самом деле было самозащитой. Предлагаю вам снять и это обвинение. Мой клиент признает за собой вину в превышении уровня шума в неурочное время, потому что он и правда очень громко играл на барабанах в половине третьего ночи. Оштрафуйте его.

— Договорились. Дело закрыто, — сказала судья.

— А что это означает? — спросил я.

Джо достал бумажник, вытащил из него пятидесятидолларовую купюру, помахал ею у меня перед носом, посмотрел мне в глаза и сказал:

— Это означает, что я плачу за тебя штраф, тебе выпускают из кутузки и ты должен мне полсотни баксов. Моя машина ждет у заднего крыльца, потому что у входа в участок собрались журналисты. Вот, соседи передали тебе одежду.

Я поблагодарил обоих, ушел в туалет, оделся, умылся холодной водой и попытался отогнать уныние. С чего вдруг уныние, спросите вы. Разумеется, мне очень повезло — меня выпустили на свободу, оштрафовав всего на пятьдесят долларов. Такое редко происходит с теми, кого сажают в тюрьму за сопротивление при аресте и хранение марихуаны. Проблема заключалась в том, что, как я уже говорил, в моей семье наказывали не за проступок, а за то, что попался. Мне с малых лет внушали, что я должен вести себя так, чтобы не попадать в тюрьму — ни за что и никогда. И хотя я неоднократно нарушал закон подобным образом — и прежде, и впоследствии, — на этот раз меня поймали. Поэтому я и чувствовал себя виноватым. Такая вот логика вольнодумцев.

В поисках утешения, прежде чем решать, в какую дверь выходить после моего первого привода, я решил позвонить маме. Возможно, потому, что знал — она не только не будет меня жалеть, но и порадует обстоятельствам моего ареста. Интересно,

кто возьмет трубку — мама или эта ее новая ипостась, моя горячая поклонница? Я не знал. Оказалось, меня выслушали обе.

— Они что, вломились к тебе в дом? Вот сволочи! Не вешай нос! — сказала мама. — И вообще, у тебя есть полное право в собственном доме курить травку и барабанить по бонгам в чем мать родила. Да как они посмели войти к тебе без разрешения?!

Вот это как раз то, что мне было нужно. Я повесил трубку и решил, что выйти к журналистам лучше, чем позорно улизнуть с черного хода.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Два дня спустя футболки с надписью «БОНГО НАГИШОМ» продавались по всему городу.

Квитанцию штрафа «за превышение уровня шума в неурочное время» я вставил в рамку и повесил на стену.

«Корнхаскера» вскоре уволили.

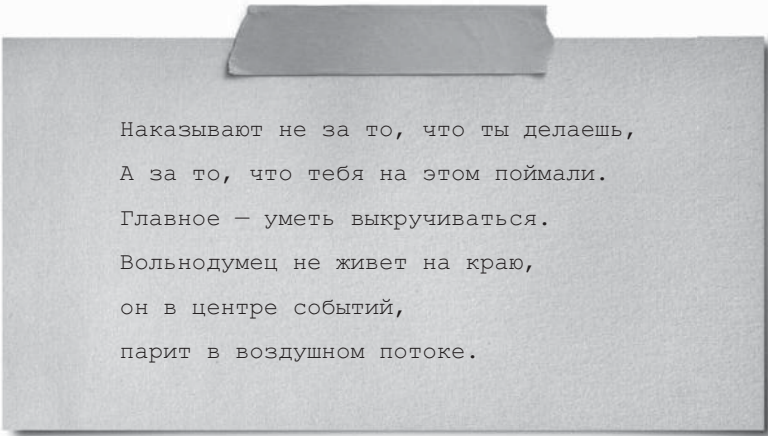
Джо Тернер добился, чтобы обвинение в «сопротивлении при аресте» не просто сняли, а вычеркнули из моего досье, так что, можно сказать, моя невинность, точнее невиновность, была восстановлена, и с преступного пути я свернул к честной жизни.

Но этот двухсуточный загул мне еще аукнулся.

В местной газете на первой странице раздела городских новостей неосмотрительно напечатали не только фотографию моего дома, но и адрес, который превратился в главную достопримечательность Тарритауна. Теперь у дома толпились не только туристы, но и местные жители. Добрые люди приносили пиво, всевозможные барабаны и марихуану. Поначалу это было приятно и даже забавляло, но вскоре тихая сонная улочка превратилась в некое подобие лос-анджелесской Саут-Банди-драйв — собак с поводка не спустишь, в футбол на проезжей части не поиграешь.

Слава часто изменяет людей, но в моем случае слава изменила целый район. Тихая улочка Медоубрук-драйв, как и я, утратила

анонимность, а мои соседи лишились спокойной жизни. Это было нечестно, и я решил переехать. Все уговаривали меня остаться, но выбора у меня не было. Пришла пора сказать не «до свидания», а «прощайте». Мы с Мисс Хад собрали пожитки, расторгли арендный договор и снова поехали на запад.

Наказывают не за то, что ты делаешь,
А за то, что тебя на этом поймали.
Главное — уметь выкручиваться.
Вольнодумец не живет на краю,
он в центре событий,
парит в воздушном потоке.

2000 год, январь. Гильдия киноактеров угрожала забастовкой. После успешной картины «Время убивать» я снимался не так уж и много, поэтому пора было возвращаться в Голливуд и снова искать роль. Нужно было напомнить студиям о себе и как можно чаще встречаться с режиссерами, продюсерами и с теми, кто принимает важные решения.

Ни кассовые сборы фильмов «Братья Ньютон», «Контакт», «Амистад», «Эд из телевизора» и «Ю-571», ни то, как я в них сыграл, не оправдали ожиданий, которые киноиндустрия возлагала на «звезду Мэттью Макконахи» со времен «Времени убивать». Мне больше не предлагали первоклассных драматических ролей в фильмах крупнейших киностудий. Да, я все еще считался «кассовым» актером, но мой блеск потускнел, я больше

не был «горячей штучкой», а вдобавок у меня начала редеть шевелюра.

Из-за предстоящей забастовки голливудские киностудии торопились запустить побольше съемок, и мне предложили завидную сумму — намного выше моей «рыночной цены» — за роль в фильме «Свадебный переполох» с Дженнифер Лопес. Я прочитал сценарий — вроде бы смешной. Денег сулили много. Я был готов работать. Съемки начинались через две недели, в центре Голливуда. Я согласился, и мы с Мисс Хад поселились в легендарной гостинице «Шато Мармон» — в той самой, где «цепелиновский» Джон Бонем катался по вестибюлю на мотоцикле, а Джон Белуши умер от передозировки кокаина в бунгало 3.

Обналичив внушительный чек, я, в обнимку с конгами, приготовился к разгульной жизни: купил кожаные штаны и мотоцикл «триумф-тандерберд», выписал отелю чек на 120 тысяч долларов и в обмен получил ключ от номера — на неопределенный срок проживания, пока не надоеет.

В романтической комедии я снимался впервые. Все было иначе, чем в драматических ролях. Этим фильмам положено быть легкими, но не легковесными. Они призваны создавать приподнятое настроение, и вскоре я с удовольствием порхал в облаках, чтобы не вносить тяжести в действие. Я быстро сообразил, что роли в романтических комедиях, в отличие от драмы, не требуют жизненно правдоподобной мотивации, иначе фильм провалится. В общем, мне нравилось их играть, сплошной **зеленый свет**, эдакие «субботние» персонажи в сплошных «субботних» декорациях.

В «Шато Мармон» была вечная суббота, беззаботная жизнь, и я, войдя в роль, с головой окунулся в разгул. Теперь мне было интереснее не бороться со своими демонами, а водить с ними хороводы, покорять бездонные пропасти, ввязываться в опрометчивые сделки и проверять, что из этого получится.

И в итоге все мои «ведь отказываться невежливо...» и «я не то чтобы должен, но...» приводили к многочисленным «не знаю...» и «давай не будем вспоминать...». Ну сами знаете, как бывает: когда бездельничаешь, неприятности не заставляют себя ждать.

Пышущий здоровьем холостяк в полном расцвете сил, я наслаждался легкой жизнью в роскошном отеле, где потакали всевозможным проказам и шалостям: сделкам, интрижкам, увлечениям, мимолетным романам — все напрокат, все займы, не в полную собственность. Я носил кожаные штаны. Я рассекал на «тандерберде». И целыми днями оттягивался по полной — как правило, не в одиночестве. Вкусал радости жизни.

Я предавался забавам, купался в лучах славы, не наблюдал часов. После съемок я читал сценарии, загорал у бассейна, писал стихи, угощал друзей обедами, выгуливал Мисс Хад, отправлялся на пробежку, а по вечерам тусил в огнях Голливуда. Короче, я проводил дни без забот, а ночные приключения происходили в шаговой доступности, что было дополнительным бонусом, учитывая мое пристрастие к неограниченной выпивке. Я ужинал с друзьями, а потом мы возвращались в «Шато Мармон», где веселье продолжалось — песни, танцы, дружеские потасовки. Определив место, я подогнал его под себя и таким образом заполучил ключ от кухни отеля, чтобы иметь возможность поджарить себе стейк в три часа ночи.

поцеловать огонь и уйти, насвистывая

Витамины я глотаю, пивом запиваю
и жую табак — без него никак.

Всюду пролезу, луну догоню,
и любую ведьму в постель заману,
чтоб поцеловать огонь и уйти, насвистывая.

А потом мне предложили роль в фильме «Власть огня». Дентон Ван Зан, крутой парень с огрызком сигары в зубах и карликом на плече, апокалиптический драконоборец, пожирал сердца убитых драконов сырыми. Карлика я заценил, но, к сожалению, его вырезали из сценария. Я сразу понял характер персонажа, и мне ужасно захотелось его сыграть. Ван Зан, человек своеобразного склада, занимался своим делом не ради того, чтобы выжить самому, а ради спасения человечества; человек-остров, которому изоляция давала полную свободу.

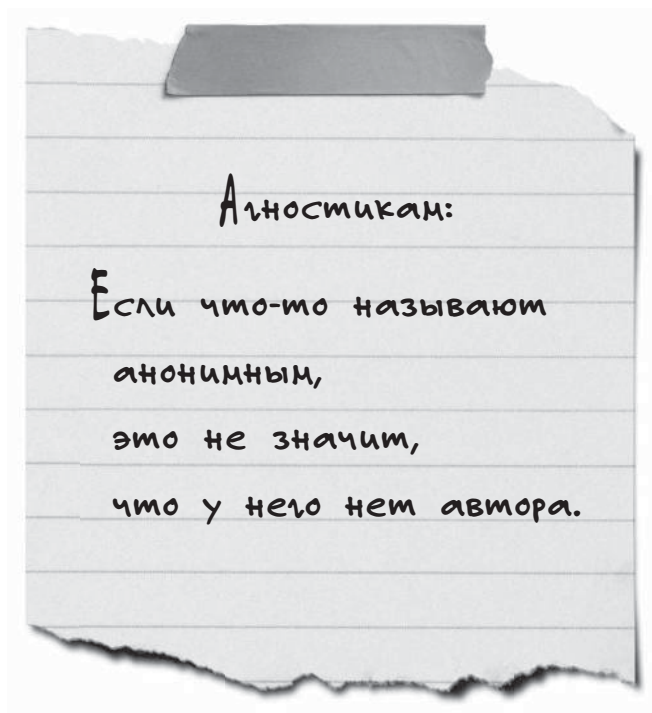
То ли восемнадцатимесячное гедонистическое дуракаваляние в «Шато Мармон» — выпивка, женщины, обжорство, — то ли попытка как можно быстрее отстраниться от выхолостившей меня искрящейся фальши ромкомов, а может, и то и другое, вызвали во мне отчаянное желание заслужить право на «субботние развлечения». Мне нужен был желтый свет.

Сколько себя помню, я все время раздумывал над своим существованием, искал смысл в своей жизни, но теперь впервые поставил под сомнение существование Бога. Может быть, это экзистенциальный кризис? Нет, скорее экзистенциальный вызов. Я был к нему готов. Я не то чтобы утратил веру в Бога, но стал еще больше полагаться на свои собственные силы и на свободу воли. Я не собирался больше списывать свои неудачи на рок и судьбу, я готов был властвовать над собой, винить и оправдывать себя самого. Я жаждал доказать самому себе, что моя участь целиком и полностью зависит от меня одного.

Мне надоело беззаботное, безнаказанное существование, я устал от незаслуженных прощений, от фальшивого сочувствия, от заученной вежливости, от бесконечного потакания своим прихотям. Глупо жить завтрашним днем, если сломя голову мчишься на красный свет. В молитвах мне хватало смелости признавать свою вину, но перестать молиться было боязно, однако же я рискнул предположить, что, возможно, от предметных молитв никакого толку все равно не будет, и прекратил просить о конкретных вещах.

«Боже, если Ты есть, — думал я, — надеюсь, Ты оценишь человека, который в поте лица своего стремится к самоопределению. Надеюсь, Ты наградишь человека, который решил больше не прятаться за слепой верой в то, что все в Твоих руках».

Короче, роль Ван Зана была мне в самый раз. Я был к ней готов.

Я согласился на роль и немедленно обрил голову наголо. Почему? Естественно, можно было сказать, что таково мое видение героя или что я хотел своим поступком разозлить руководство студии, но, если честно, дело было в том, что у меня редела шевелюра.

Я как раз надумал обратиться к средству для восстановления волос под названием «Регеникс», которым надо было пользоваться дважды в день; еще я где-то вычитал, что бритье головы укрепляет волосы и они растут гуще. Будучи человеком, который осознает, как важен внешний вид, я решил, что Ван Зан должен быть бритоголовым*.

Если вы хоть когда-нибудь брили голову, то знаете, что череп не гладкий, как шар. На моем оказались шишки и вмятины, а кожа головы шелушилась и была белой, как мел. Как только я обрил голову, меня сфотографировал какой-то папарацци, и моя фотография появилась в следующем номере журнала «Пипл».

А у меня раздался телефонный звонок.

— Я знаю, ты не обрил голову, — прозвучал в трубке зловещий шепот.

* Мы с другом обменялись тайным рукопожатием аборигенов, которое гарантирует, что то, о чем договариваются двое, обязательно произойдет, если оба в это верят, а потом я два года подряд ежедневно втирал «Регеникс» себе в скальп, так что теперь волосы у меня растут гуще, чем прежде. А все потому, что я обрил голову наголо.

Ради его же блага я не стану называть имя того, кто звонил, скажу только, что это был один из руководителей студии, изрядно вложившийся в фильм.

— А вот и обрил, — нагло ответил я.

— Ничего ты не обрил. Я отказываюсь в это верить, Мэттью. Ты просто напаялил лысый парик. Из вредности, — безапелляционно заявил он.

— Нет. Я обрил голову.

Он бросил трубку.

Где-то после полудня гостиничный портье принес мне в номер послание, написанное от руки.

*Сегодня утром, мистер Макконахи,
вы отказались подтвердить,
что на самом деле не обрили голову.*

*Если вы продолжаете на этом настаивать,
убедительно просим вас признать в обратном,
чтобы все-таки приступить к съемкам нашего фильма.*

*Если же вы действительно обрили голову,
то это большая трагедия и непростительная ошибка;
подобный поступок значительно ухудшит вашу карму.*

Да-да, он не только выделил жирным шрифтом «ухудшит вашу карму», но и подчеркнул эти слова.

«Что ж, — подумал я, — надо бы надрать ему задницу только за то, что он наводит тень на мою карму. А вот с бритой головой сложнее. Похоже, из-за этого может сорваться контракт...» Гм. Хотел разозлить руководство студии? Вот, пожалуйста.

За годы, проведенные в Голливуде, я многое понял и кое-чему научился. Для начала в голливудском бизнесе лучше вести свою игру, чем делать бизнес, играя по голливудским правилам. Надо врубиться в шутку, а шутка заключается в том, что нет ничего личного. Вообще. Ни «я тебя обожаю», ни телефонные звонки, на которые не отвечают, если твой фильм провалился. Да, за тобой пришлют лимузин, но домой придется ехать на такси. Ничего личного, просто бизнес.

«Ухудшит вашу карму» — не угроза. Ничего личного. Просто наглость, бесцеремонная, надменная и бестактная. Надо поставить его на место.

В те выходные должен был состояться какой-то очередной прием, на котором ожидалось все крупные шишки голливудских киностудий. И разумеется, мистер Ухудшу Карму.

«Гуччи» сшили мне на заказ ярко-голубой костюм-тройку, под цвет моих глаз. Я пять дней по четыре часа жарился на солнце у бассейна, чтобы загорела бледная кожа бритой головы, а потом натер скальп маслом (не норковым!), так что он засиял не хуже, чем у Дуэйна Джонсона. И пошел на прием. Мистера Ухудшу Карму я там не заметил, да оно и не потребовалось. Заметили меня. Особенно дамы. И все остальные тоже.

На следующий день у меня зазвонил телефон. Мистер Ухудшу Карму.

— Мэттью, я сначала разозлился, но потом передумал. Обожаю бритоголовых! Ты выглядишь очень экстравагантно. Тебе идет. Просто прелесть!

Я добавил монетку на блюдечко.

ЗЕЛЕНый СВЕТ

предрассудки

Я тут недавно сходил в магазин,
купил шоколадку и пиво,
а в окошечке кассы высветилось: «6,66».
Я столько и заплатил,
но на всякий случай положил на блюдечко
с мелочью
лишнюю монетку.

Некоторые требуют включить
кондиционер в спортзале,
чтобы не потеть.

А я надеваю лыжную шапочку
в июле, чтобы потеть
побольше.

За два месяца я должен был подготовиться к воплощению образа Ван Зана. Для этого мне требовалось уединение, поэтому я отправился в Лока-Пелотас, на ранчо брата в Западном Техасе, в семнадцати милях от ближайшего городка с населением 518 человек. Полторы тысячи акров, кругом ни души и дикая жара в середине лета — самое подходящее место для будущего драконоборца. Первым делом я разработал специальный режим драконоборческих тренировок — физических и моральных.

План предусматривал, что тренировки будут проходить в середине июля, на сорокаградусной жаре.

- 1) **КАЖДЫЙ ДЕНЬ НА РАССВЕТЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВСТАТЬ С ПОСТЕЛИ, ВЫПИВАТЬ ДВОЙНУЮ ПОРЦИЮ ТЕКИЛЫ.** Именно так поступают все уважающие себя драконоборцы. Чтобы дышать огнем на огнедышащего монстра. Выжечь внутренности, чтобы никакое пламя не пробралось. Стань драконом, чтобы победить дракона. Отлично!
- 2) **КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРОБЕГАТЬ ПЯТЬ МИЛЬ ПО ПУСТЫНЕ. БОСИКОМ. ДВЕ С ПОЛОВИНОЙ МИЛИ ТУДА, ДВЕ С ПОЛОВИНОЙ МИЛИ ОБРАТНО.** Необходимо, чтобы подошвы заглубились. Сейчас они слишком чувствительные, ведь я ношу обувь. Надо заглубить. У драконов толстая шкура, а драконоборец должен походить на тех, с кем борется. У Ван Зана наверняка грубая кожа, к нему никакая болячка не пристанет. Класс!
- 3) **НЕВОЗМУТИМО СТОЯТЬ НА КРАЮ АМБАРНОЙ КРЫШИ, НА ВЫСОТЕ 40 ФУТОВ ОТ ЗЕМЛИ, И СЛЕДИТЬ, ЧТОБЫ ЧАСТОТА СЕРДЦЕБИЕНИЯ НЕ ПРЕВЫШАЛА 60 УДАРОВ В МИНУТУ.** Да, я боюсь высоты, а Ван Зан не боится. Если каждый день стоять на краю амбарной крыши, то можно привыкнуть. И сердце будет биться не чаще 60 ударов в минуту. У меня все получится, черт побери!
- 4) **КАЖДУЮ НОЧЬ РОВНО В ПОЛНОЧЬ ВЫБЕГАТЬ НА ПАСТИЩЕ И РАСТАЛКИВАТЬ СПЯЩИХ КОРОВ.** А что такого? Наскочу с разбега на корову и завалю ее. Накачаю мышцы, стану сильным, крепким. Настоящие драконоборцы так и делают. Ван Зан именно так и тренировался. Что ж, решено.

Ну и что из этого вышло?

На шестое утро я поперхнулся двойной порцией текилы. И на седьмое тоже. Не самая гениальная мысль. Ладно, с текилой завязали.

В полночь девятого дня я попытался свалить с ног здорового быка, а он меня боднул. Я заработал сотрясение мозга. Вот досада*.

* Однажды ночью сторож на ранчо, семидесятилетний мексиканец, услышал, что коровы испуганно мычат, и вышел из сторожки посмотреть, в чем дело. И увидел посреди стада меня в чем мать родила. После этого ранчо и назвали «Лока-Пелотас» — по-испански это значит «бешеные яйца».

После одиннадцати дней пятимильных пробежек по каменистой пустыне в сорокаградусную жару на моих обожженных подошвах появились здоровенные волдыри, так что я не мог не то что бегать, а даже ходить. Упс.

И за два месяца я так и не сумел подойти к краю крыши ближе чем на три шага. И сердце билось со скоростью 125 ударов в минуту, как я ни старался.

Режим драконоборческих тренировок позорно провалился, однако же боли я испытал предостаточно. Как и полагается уважающему себя драконоборцу.

После двухмесячного курса молодого драконоборца я отправился на съемки в Ирландию. Играть Ван Зана было здорово: эдакий воин без отечества, бритый наголо, с томагавком. Мне его очень не хватает. Я уважаю интересных персонажей, и Ван Зан не столько помог мне избавиться от сумасшедшинки, сколько укрепил ее во мне, помог понять, что нужно сделать, чтобы выжить, и напомнил, что долг выше славы и преимуществ. Его томагавк до сих пор красуется на стене у меня в кабинете.

Четыре месяца съемок и промозглая ирландская зима вымотали меня физически и морально. Я обрадовался возможности отдохнуть и подлечить синяки и шишки — на теле и в душе. Нет, душевно я был полон сил; духоборческие искания пошли мне на пользу, и теперь я больше полагаюсь на самого себя. Как и после смерти отца, теперь я старался вовлечься, а не кичиться.

Спустя три дня после окончания основных съемок я отсыпался в отеле «Моррисон» на северном берегу реки Лиффи в Дублине. И тут...

МЕНЯ НАСТИГЛА ВЛАЖНАЯ МЕЧТА.

Я плыл на спине по Амазонке, обвитый анакондами и питонами, а вокруг кишели крокодилы, пирании и пресноводные акулы. На горном хребте слева плечом к плечу стояли африканские воины.

Я ощутил глубокое умиротворение.

Одиннадцать кадров.

Одиннадцать секунд.

И я кончил.

Надо же.

Тот же самый эротический сон, который приснился мне пять лет тому назад.

Я точно запомнил два элемента сна. Во-первых, я плыл по Амазонке. А во-вторых, на горном хребте стояли африканские воины.

Это был знак.

На Амазонке я уже побывал и лично убедился, что река действительно находится в Южной Америке. Значит, пришло время отправиться в Африку. Но куда именно?

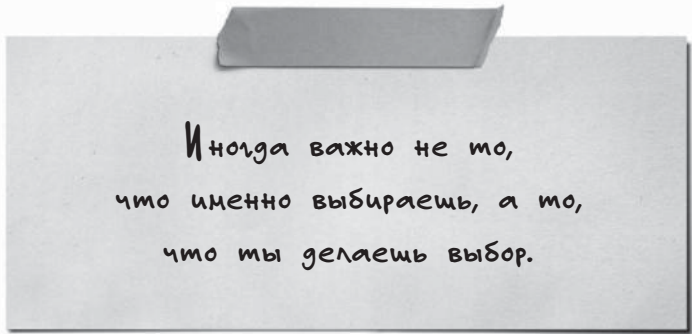
Через пару дней я изучал карту Африки, пытаюсь сообразить, куда зовет меня сон, и слушал альбом одного из своих любимых исполнителей, Али Ибрагима Туре, известного как Али Фарка Туре.

И тут меня осенило. Али называли «африканским блюзменом».

Откуда он родом? Я вскочил с дивана, схватил конверт альбома и прочел биографическую справку на вкладыше. Ниафунке, Мали, на реке Нигер, к северу от Мопти.

«Я должен отыскать *его*», — решил я.

Пришло время догнать вторую часть моей влажной мечты.

Иногда важно не то,
что именно выбираешь, а то,
что ты делаешь выбор.

Я купил билет до Бамако, столицы Мали, оттуда на перекладных добрался до портового городка Мопти. Там я нанял проводника, Иссу, у которого была лодка. Я назвался Дэвидом — на всякий случай, чтобы никого не смущать, — и объяснил, что ищу Али Фарка. На следующий день мы отправились вверх по реке к поселку Ниафунке.

Четыре дня мы плыли по Нигеру в долбленом челноке под названием «пирога», с подвесным моторчиком в четыре лошадиные силы, и наконец прибыли в прибрежный поселок Ниафунке. Через пять часов расспросов и поисков мы обнаружили Али в доме его второй жены. Обо мне он знал только, что я — американец и горячий поклонник его музыки. Вторая жена Али приготовила нам обед, и, как принято в Мали, мы уселись на пол, вокруг общей миски риса с приправами. Есть полагалось правой рукой, ни в коем случае не левой*.

* Мусульмане считают, что левую руку следует использовать для «нечистых» дел — например, подтирать задницу.

Али был одним из моих любимейших музыкантов, а еще, сам того не зная, стал единственной целью моего путешествия на второй по величине континент земного шара. Мой сон привел меня в географические координаты 15°55'52" с. ш. 03°59'24" з. д. (широта и долгота Ниафунке).

Получу ли я еще какой-то намек на то, что означают африканские воины на горном хребте из моего сна? Мы пообедали, Али сыграл для меня пару своих песен, а Исса на местном диалекте бамбара рассказал ему о моей любви к его музыке. Потом я спросил:

— А почему вы выступаете только в Западной Африке и во Франции, а не гастролируете по другим странам? Почему бы вам не приехать в Америку?

Он серьезно ответил:

— *Потому что там я буду сухим навозом и ни меня, ни моего запаха никто не запомнит.
А здесь я — свежий навоз, и мой запах здесь помнят.*

В конце дня мы тепло попрощались с Али и вернулись к пирогам. «Куда ж нам плыть? Куда зовет меня сон?» — думал я.

И тут вдруг Исса сказал:

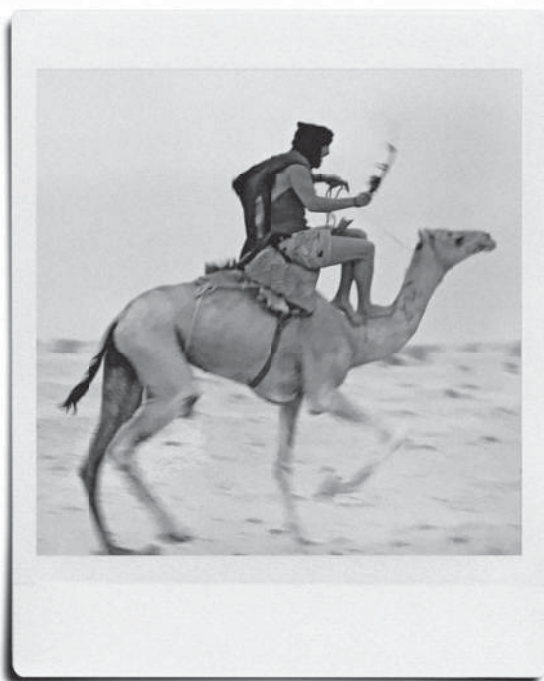
— В Мали есть племя догонов. Задолго до развития современной науки они получили космологические сведения свыше. Тысячу лет назад, после вторжения племен, исповедующих ислам, догоны расселились по нагорью Бандиагара и до сих пор живут там в деревнях у реки. Тебе не помешает туда съездить, Дауда. — (Так звучит имя Дэвид на языке бамбара.) — Очень запоминающееся место.

Да это просто провидение Божье!

«Лучше чем-то пахнуть и запомниться, чем не пахнуть ничем и стать всеми забытым, — подумал я. — То-то и оно. Свежий навоз».

— Вот туда мы и поплывем, — сказал я.

Пять дней мы плыли по Нигеру, сперва на север, потом на юг, в погоню за остатком моей влажной мечты.

По пути к нагорью Бандиагара мы остановились в легендарном Томбукту — центре науки и культуры, тихом городке к северу от реки Нигер, на южной оконечности Сахары.

Однажды вечером, после гонок на верблюдах по пустыне, мы с Иссой и его двумя образованными приятелями — Али (не Фарка Туре) и Амаду — ужинали на веранде гостиничного ресторана. Мимо неторопливо прошла хорошенькая девушка лет двадцати пяти, окидывая вопросительным взглядом все столики, за которыми сидели мужчины. Очевидно было, что она ищет клиента.

— Ох, нехорошо это, — сказал Али. — Мусульманской женщине негоже так поступать. Нельзя продавать свое тело, это позор. Не пристало так себя вести.

— Видишь ли, не нам с тобой судить, как должны поступать другие. Мы же не знаем всех обстоятельств. Поэтому не следует говорить, что она должна делать, а чего не должна.

Между ними завязалась беседа, которая становилась все оживленнее и громче. Мне казалось, что они спорят. Улучив минуту, я встал в разговор:

— Я согласен с Али. Она не должна так себя вести. Молодой здоровой девушке надо заниматься уважаемой работой, а не проституцией. По-моему, Али прав. Я считаю, что...

Но тут Али, *тот самый, кого я поддерживал*, резко меня оборвал:

— *Мы не о том, кто прав, а кто не прав.*

Мы про «понимаешь или нет»!

Я ошарашенно откинулся на спинку стула, а Али сурово смотрел на меня.

Наконец Амаду, *тот, против чьего мнения я выступил*, добродушно спросил:

— Вот теперь ты *понимаешь*?

Я понял.

— Да, — сказал я. — Прошу прощения.

На что Амаду, не отрывая от меня взгляда, произнес с той же резкостью, что и Али:

— *Ты не проси прощения, а отстаивай свое мнение.*

Ух ты! Он сказал мне почти то же самое, что я говорил себе в Австралии, когда супруги Дулей потребовали, чтобы я называл их мамой и папой. Двойная доза африканской мудрости. Спорщики не пытались доказать свою правоту, они хотели понять друг друга. Как это необычно. (Эй, Америка, это стоит взять на заметку.)

На следующее утро мы отправились к нагорью Бандиагара.

Селения догонов на нагорье Бандиагара — небольшие скопления глинобитных хижин на речных берегах — отстоят друг от друга на восемь-пятнадцать миль. В каждом селении гостя встречает старейшина, смотрит в глаза и решает, стоит ли привечать. Меня всегда привечали.

Я приехал в Мали сразу после съемок фильма «Власть огня» — накачанный, бритоголовый, с косматой бородой. Всем в Мали я представлялся писателем и боксером. На нагорье Бандиагара нет электричества, фильмов с моим участием никто не видел, и никого не интересовало, что я писатель. Зато все почему-то радовались, что я боксер.

По селениям быстро разнесся слух, что на нагорье появился *белый силач по имени Дауда*. Как-то раз я отправился в селение под названием Беньемато и, утомленный четырнадцатимильным пешим походом, растянулся на земле у одной из хижин. Вскоре ко мне подошли два молодых человека и стали с вызовом что-то говорить — не то чтобы со мной, но явно про меня. Вокруг собралась толпа.

— О чем это они? — спросил я Иссу, который сидел рядом.

— Да вот, говорят, что они самые сильные борцы в селении и вызывают *белого силача Дауду* на поединок.

Я продолжал лежать на земле, оценивая ситуацию, как вдруг молодые люди бросились наутек, а толпа восторженно загомонила. Я открыл глаза. Надо мной высился массивный тип без рубахи, гораздо внушительнее двоих юнцов. Его бедра прикрывал дерюжный мешок, подвязанный веревкой на поясе. Исполнил ткнул пальцем мне в грудь, потом указал на себя, а потом махнул рукой куда-то вправо. Я повернул голову в ту сторону и увидел еще одну группу возбужденных зрителей. Они обступили большую яму. Большую. Яму.

Я покосился на Иссу.

Он улыбнулся:

— Это Мишель. Вот он и есть *самый сильный борец* в селении.

У меня отчаянно заколотилось сердце. Толпа взревела. А у меня в ушах зазвучал мой собственный голос: «Прими вызов, чтобы потом всю жизнь не жалеть. Оставь свой запах!» Я медленно встал на ноги, посмотрел Мишелю в глаза, поднял правую руку, ткнул его в грудь, а потом указал на себя. Затем повернулся и неспешно прошествовал к большой яме.

Толпа обезумела.

**Одни ищут причин, чтобы что-то делать.
Другие ищут причин, чтобы не делать.**

Мне всегда нравились борцовские состязания. В детстве я был фанатом федерации рестлинга и умел за себя постоять, будучи младшим из трех братьев. Но сейчас это не имело значения. Я был в Африке, в девяноста пяти милях от ближайшего телефона. Стоял посреди большой ямы напротив мощного африканца, у которого вместо штанов — мешок. Есть ли какие-то правила? Нужно и можно ли *лунить, кусать и бить* противника, пока не свалишь с ног? Я не знал, однако не сомневался, что сейчас мне подскажут.

Мы с Мишелем стояли лицом к лицу. Вокруг нас рассказывал старейшина. У меня по шее поползла капля пота. Правой рукой Мишель ухватил меня за шорты слева, посмотрел в глаза и кивнул. Я сообразил, что должен сделать то же самое, и правой рукой взялся за левую сторону подвязанного веревкой мешка.левой рукой Мишель вцепился мне в шорты справа, и я повторил его движение. Мы стояли почти носом к носу. Толпа неистовствовала. Мишель набычился, уперся лбом мне в плечо, в мягкую впадину над ключицей и надавил. Я сделал то же

самое. Обеими руками держа противника за пояс, лбом утыкаясь ему в плечо, мы стали потихоньку отступать друг от друга, сохраняя горизонтальный упор, а потом прочно утвердили ступни на песчаном дне ямы. Я видел только, как взбугрились мускулы на ляжках Мишеля, толстых, будто древесные стволы. Старейшина положил руки нам на макушки, будто собрался крестить, быстро отдернул их и завопил: «Та-а-ат!» — что, как я понял, было местной версией гонга.

Первый раунд

Мы с Мишелем переступали по кругу голова к голове, оценивая силы друг друга, а потом он рывком вздернул меня на себя, прижав мою грудь к своему лицу, и с размаху шмякнул об землю, так что у меня перехватило дух. Очко в его пользу. Толпа взревела. Мишель навалился на меня, пытаясь придавить к земле. Я заелозил на спине, выскальзывая из его хватки, изогнулся, резко приподнял бедра и закинул правую ногу через его голову, поддел подбородок и впечатал его затылком в землю. Очко в мою пользу. Три или четыре минуты мы кружили, подсекали и заваливали друг друга, но ни мне, ни ему не удавалось прижать противника к земле. В конце концов старейшина развел нас в стороны. С меня градом лил пот, не хватало воздуха, и, чтобы легче было вздохнуть, я завел руки за голову. По шее струилась кровь, омывая выдранные клочья бороды; ободранные локти и колени кровили. Мишель, покрытый легкой испариной, уставился на меня. В его взгляде не было счастья. Тут старейшина воздел к небу два пальца, и толпа истерически заголосила.

Мы снова встали в центр ямы, заняли позицию: ухватили друг друга за бедра, уткнули голову в плечо противника, и боевое крещение продолжилось. «Та-а-ат!»

Второй раунд

В Техасе моим основным преимуществом считались сильные ноги и ягодицы. Но африканская большая яма и Мишель еще раз напомнили мне, что я больше не в Техасе. Мишель с ходу бросился в наступление. Завалить меня с наскока ему не

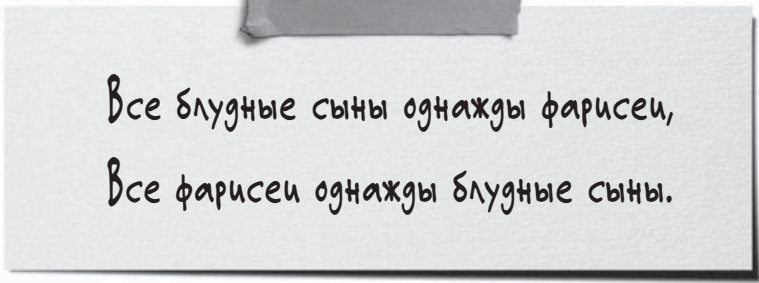
удалось, зато я приложил его лицом в землю, забрался ему на спину и применил обратный вариант любимого с детства приемчика из рестлинга — «бостонский краб»*.

Едва я решил, что победа мне обеспечена, Мишель каким-то чудом скинул меня со спины. Теперь задыхался я, а моя нога была намертво зажата двумя толстенными древесными стволами. В глазах замелькали искры. Я бился, пытаюсь развести его скрещенные щиколотки. Мишель все еще держал меня ногами за пояс, а руками упирался в землю, но я ухитрился встать и вертелся ужом, пока не почувствовал, как его потная нога

* «Бостонский краб» — захват, применяющийся в профессиональном рестлинге, когда борец прижимает противника лицом к земле и загибает его ноги вперед, к голове. В моем случае я задираю голову Мишеля вверх, так что его позвоночник изгибался к ногам. Обратный вариант «бостонского краба» изображен на фотографии выше.

соскользнула мне по животу. Вот он, мой шанс. Его мертвая хватка ослабла. Я оттолкнул его ноги, высвободился и, запрыгнув на него, попытался левой рукой сдавить его шею. Полного захвата добиться не удалось, но я не выпускал противника. Мы оба, сплетаясь, обессиленно растянулись на земле. Ничья. Наконец старейшина объявил поединок законченным. Мы медленно встали. Старейшина вывел нас в центр большой ямы и в знак победы поднял руки нам обоим. Толпа завывала.

Мы с Мишелем, потные и изнеможенные — а я еще и окровавленный, — с уважением глядели друг на друга, а потом он отвел глаза, внезапно выскочил из ямы и помчался прочь из селения. Абсолютно все жители селения столпились вокруг меня, выкрикивая: «Дауда! Дауда!»

Все блудные сыны однажды фарисеи,
Все фарисеи однажды блудные сыны.

Той ночью я лежал на соломенном тюфяке, на крыше глинобитной хижины в селении Бенъемато в Мали и смотрел в ночное небо, где насчитал двадцать девять падающих звезд. Я грезил с раскрытыми глазами. Мне явился Южный Крест, сияющий, будто стаи трепещущих бабочек, которые я видел в Перу, по дороге к Амазонке. А сейчас я оказался в колыбели еще одной истины. Вот оно, вмешательство Всевышнего. *Космологические сведения свыше. Провидение Божье?* Нет, скорее наставление

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Господне мне, избраннику его Церкви. Я дал обет запомнить это на всю жизнь.

А все потому, что я устремился за влажной мечтой. В буквальном смысле слова.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Умиротворенный, я погрузился в грезы о великой святости, но мое мерное дыхание бесцеремонно прервал заложенный нос. Мой собственный. Я сел, втянул внутрь полный рот соплей и решил отхаркнуть их на крышу.

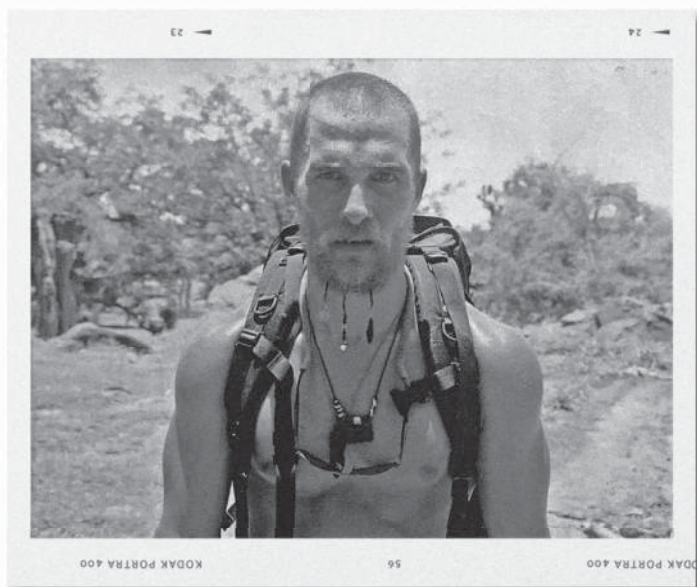
Плюх!

Увесистый ком слизи, едва вылетев изо рта, бумерангом вернулся и клейкой медузой облепил мне физиономию.

Я забыл, что повесил над головой противомоскитную сетку. Даже не верится.

Ничто так не возвращает в действительность, как смачный плевок в рожу самому себе.

Уж поверьте.

не-ве-ро-ят-ный

прилагательное

представляющийся невозможным; то, во что невозможно поверить; неправдоподобный

такой большой, что в него трудно поверить; чрезвычайный
то, во что невозможно поверить.

Какое дурацкое слово. Грубое и невежливое. Обычно его употребляют, чтобы похвалить или польстить: «Какая невероятная пьеса!», «Какой невероятный фильм!», «Какой невероятно смелый поступок!», «Какое невероятное везение!».

Зачем определять этим антонимичным словом все то, что удивляет и поражает, все то, что внушает веру? Нечто потрясающее, феноменальное, выдающееся и совершенное уж точно не может быть невероятным.

Изумительное, великолепное, потрясающее, экстраординарное? Да. Это только что произошло, ты видел это своими глазами, ты это совершил. Верь этому. Невероятно? Нет, наоборот. Невероятному нужно верить.

Самолеты врезаются в башни Всемирного торгового центра, свирепствует коронавирус, бушуют ураганы, полыхают пожары, «Энрон» – жулики, власти лгут, лучшие друзья лгут, лжешь самому себе, жених или невеста говорит: «Да», ребенок произносит первые слова, в один прекрасный день отыщут лекарство против рака, из жизни человек уходит умиротворенным. Невероятно? Нет. Это только что произошло, ты видел это своими глазами, ты это совершил. Верь этому.

Признай существование величия и феноменов, превосходства и экстраординарности, радостей и мук. Признай их истинными сущностями, одновременно прекрасными и ужасными, трагедией и Божьим даром. В своей наивности не пропусти поразительные добрые дела или удивительное везение, но и не недооценивай способность человека к злодеяниям. Не будь слеп к естественной красоте и грозной мощи катастроф. Деяния Божии, равно как и деяния Матери-Природы не могут быть *невероятными*. И уж конечно, нужно полагаться на то, что люди всегда останутся людьми.

Не удивляйся, невероятное случается все время. Иногда это вмешательство Всевышнего, а иногда – плевок себе же в физиономию. Не отвергай его. Положись на него и жди его.

Верь в него.

- MDM on Austin Steaksman - movie critic ~~deconstructs~~ "a cynical deconstructionist who uses big words and careless innuendo to impress himself. Because he has no point of view, he has trouble recognizing one, so he chooses to stroke himself into dorkdom."

* how about 2 camels on Locopolotas?

+ **RELIGION**: to bind together again... (the true Latin definition: "re-again", ligare=bind)

8 don't act like one, be one ... on acting, travelling

+ the capacity for paradox is the measure of spiritual strength and the surest sign of maturity. (R. Johnson - Own Shadow p. 78). both are true.

+ while contradiction is static and unproductive, paradox makes room for grace and mystery... j.l.c. livin', 8 lane highways, maxims or bookends. (no "g" on livin')

✦ we are the inheritors of two myths that surfaced in the 12th century.

1) The Grail Myth - the relationship of individuality and the spiritual quest. (MDM on experiences and autonomy.)

2) Tristan & Isolde - the power of romantic love. (R. Johnson)

✦ language rich in verbs are most powerful. (the mandorla, motion, the river, life language built on nouns is weak. (secular, polar, self-righteous) if you rely on adjectives and adverbs you have lost your way (luxury, semantics)

THE VERB IS THE HOLY GROUND, THE PLACE OF THE MANDORLA (R. Johnson)

① ← "mandorla" - it unifies opposites... binds together... religion. where light and dark touch.
- the middle... peacemaking..

② -heaven
earth } poetry that "this" is "that"... heaven is earth.

• Norby has a mandorla on his ass. before he knew what to call it.

• MATTHEW 6:22 "if thy eye be single, thy whole body shall be filled with light."

• i am vain, already thinking how to use these truths autonomously.. to tattoo, to impress, to activate... before i have slept on their enlightenment or even turned the page. but i like it.

• mandorlas have no place for remorse or guilt. I ask for compassionate work not self-indulgence.

• guilt is a cheap substitute for paradox

• guilt is arrogant. It means we have taken sides and are sure we are right.

• to lose the power of confrontation is to lose one's chance at unity. To miss the mandorla

the blackmarket is what i deal with... just get in with the best mavericks ~ the govt does not work with these people. The wealth is not shared with the common folk. So individuals must be entrepreneurs and you get "offered" everything... at dinner, at every town, #exchange, ferry ride, everywhere... it is the "wild wild east" ~ salesmen at every turn. it is part of the fun.

• CD - "Adama Yalomba" ~ new Malian band.

★ **TIPS** for travel ~ season, outskirts, guide

✦ The MANDORLA is not the greyness of neutrality and compromise; it is the place of the peacock's tail and rainbows. (R. Johnson)

✦ The mandorla experience is brief, (signs, serendipity, epiphany, déjà vu, truth....) and joyful; it is only a momentary glimpse... then we quickly return to the world of egg-shaded confrontation. (There is no cultural utopia to return to... there is only a religious mandorla to try and maintain on the inside... why it takes work... daily... and work to become the truths that are revealed from the travels alone and solitude.)

in Djenné at Issa's newly married friends house. All the guys are hanging out from 5:00am to 8pm for one week after the marriage. One guy is in charge of the married guy and one girlfriend for the lady. A week to relax and have fun, celebrate the marriage and happiness so that if/when at later date when there is a hard time and unhappiness, the friends will be there to remind the couple of the happy time.

✦ in the middle of all the socializing, smokin, card playin, tea makin good time, if somebody wants to kneel on the mat and pray, all they have to do is "wave off" whoever may be on the mat. The others carry on just as enthusiastically as before

- МДМ о кинокритике газеты "Остин стейтсмен": "деконструктивный циник, который сыплет заумными словами и грязными инсинуациями с одной лишь целью — полюбоваться собой. Своей точки зрения у него нет, чужие он распознавать не умеет и в итоге выставляет себя полным уродом".

✱ может, обзавестись двумя верблюдами на ранчо Лока-Теломас?

✚ РЕЛИГИЯ: снова связывать воедино (от латинского "re" — "снова" и "ligare" — связывать)

✚ Не изображай кого-то, а будь им... о ролях, о путешествиях.

✚ Способность к парадоксам — мера душевных сил и самый явный признак зрелости (Роберт Джонсон, "Как овладеть своей тенью: глубинные аспекты темной стороны психики", с. 78). И то и другое верно.

✚ Возражения статичны и непродуктивны, а парадокс освобождает место для милосердия и тайны... просто продолжай жить, восьминоглые магистры, афоризмы в промежутках.

✚ Мы унаследовали два мифа, возникших в XII веке

- 1) Миф о Граале — связь индивидуальности и духовных исканий (МДМ об опыте и автономности).
- 2) Тристан и Изольда — сила романтической любви (Р. Джонсон).

✚ Языки, богатые метафорами, обладают самой большой силой воздействия (мандорла, движение, река, жизнь. Языки, основанные на существительных, — слабые (бездуховные, антагонистичные, ханжеские. Если полагаешься на прилагательные и наречия, то блуждаешь без дороги (роскошь, семантика
ГЛАГОЛ — СВЯТОЕ МЕСТО, ТАМ МАНДОРЛА (Р. Джонсон)

① ← "Мандорла" — объединяет противоположности... связывает воедино... религия, в которой соприкасаются свет и тьма
— середина... миротворчество

② — Небо
— Земля } поэзия что "это" — "то"... небо — это земля

✚ У Норби мандорла на заднице. А он не знал, как это называть.

• Мф. 6: 22 "если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло".

• Я тщеславен и уже думаю, как использовать эти истины для себя... вытатуировать, запечатлеть, активировать... а ведь я еще даже не осмыслил эти откровения и не перевернул страницу, но мне все равно нравится.

• В мандорле нет места сожалениям или упрямствам совести. Мандорла требует сознательной работы, а не удовлетворения своих желаний.

• Упрямства совести — дешевая подмена парадокса.

• Упрямства совести — наглость. Они означают, что ты выбрал, на чью сторону встать, и считаешь себя правым.

• Без разногласий невозможно достичь единства. Обрести мандорлу.

Приходится иметь дело с черным рынком. Связываться с отщепенцами ~ власти не желают иметь с ними дело. Не делятся богатством с простыми людьми. Поэтому отдельные личности становятся предпринимателями, и тебе "предлагают" все подряд... за ужином, в каждом городе, на бирже, на пароме, везде... "дикий мир" — продавцы на каждом углу... Это очень занимательно.

• CD - Адама Яломба ~ новый музыкант из Мали.

СОВЕТЫ для путешественников ~ сезон, окрестности, проводники

МАНДОРЛА — не серость нейтралитета и компромисса, а все краски навильевого хвоста — милосердие, (Р. Джонсон)
тайна и радуга

Мандорла — краткое (знаки, счастливые совпадения, озарение, дежавю, истина...) и ликующее ощущение. Оно мимолетно... а потом быстро возвращаешься в мир противоборства с теневым "я" (невозможно вернуться в культурную утопию, ее не существует, есть только религиозная мандорла, которую следует хранить внутри... это требует труда... ежедневного труда... и труд превращается в истину, которая открывается в путешествиях и в уединении).

Мы в Женне, у приятеля Иссy. Приятель недавно женился. Целую неделю после свадьбы у него в доме тусуются приятели, с 8 утра до 8 вечера. Один парень опекает новоиспеченного мужа, а за его супругой приглядывает девушка. Всю неделю они отдыхают, развлекаются, празднуют, а если в будущем настанут трудные дни, то друзья напомят супругам о счастливых временах.

Все беседуют, курят, играют в карты, пьют чай, веселятся напропалую, а если кому-то захочется помолиться, то он, не обращая ни на кого внимания, преклоняет колена на молитвенном коврике. А вокруг, продолжается чулянка.

На следующее утро я собрал вещи в рюкзак, попрощался с новыми друзьями и отправился в селение по соседству, в пятнадцать милях от Беньемато. На окраине меня дожидался Мишель. Не говоря ни слова, он взял меня за руку и прошел со мной все пятнадцать миль до следующего селения. Там он выпустил мою руку, молча повернулся и в одиночку отправился в Беньемато.

Вечером я сказал Иссе:

— Слушай, мне очень надо знать, чем все-таки закончилось вчерашнее состязание. По-моему, я все-таки хоть как-то за себя постоял.

Исса негромко рассмеялся, а потом ответил:

— Дауда, ты очень хорошо за себя постоял. Очень хорошо. Все думали, что Мишель за десять секунд положит белого силача на лопатки!

— Правда?

— Правда. А Мишель — самый сильный борец не только в Беньемато, но и в трех селениях по соседству.

— Значит, я победил? Поэтому все выкрикивали мое имя?

— *Дело не в победе или поражении. Дело в том, что ты принял вызов.* — Исса посмотрел на меня и улыбнулся. — Если ты принял вызов, значит победил. Так что приезжай к нам еще, Дауда. Мы с тобой заработаем много денег.

Я приехал еще раз. Через пять лет. К тому времени Мишель обзавелся четырьмя детьми и повредил себе бедренный сустав, так что состязания мы устраивать не стали. А на следующий день он снова взял меня за руку и прошел со мной пятнадцать миль до соседнего селения. Свежий навоз. Значит, мой запах все-таки остался*.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

* В 2015 году Исса впервые приехал в Америку и три недели гостил у нас. В прошлом году мы вместе отдыхали в Греции.

воздай по заслугам

Чтобы оценить местность,
надо понять, сможешь ли ты там жить.

Когда все неудобства исчезнут,
то надо отдать себя местности.

Надо приспособиться к месту,
куда приезжаешь погостить,
до такой степени, чтобы понять,
что сможешь провести здесь всю жизнь.

И в сущности, только после этого
оттуда можно уезжать.

Где бы ты ни был, воздай этому месту
по заслугам.

В Лос-Анджелес я вернулся другим человеком. Теперь я мыслил яснее и практичнее. Я воздал по заслугам и своему сну, и людям, к которым он меня привел, и мне ответили взаимностью. Двадцать два дня я прожил среди людей, практически не знающих английского; все разговоры велись на языке жестов, однако же я чувствовал себя почти как дома и даже мог шутить. Поскольку я совсем отвык от словесных выкрутасов, то понимал, что мне будет трудно снова окунуться в бурную жизнь Голливуда, полную излишеств и роскоши. Меня больше не интересовал ни город, ни его преходящие развлечения, и я решил выехать из отеля «Шато Мармон». Но не успел я заняться поисками нового пристанища, как мне позвонил Пэт и, как обычно, втянул меня в великолепную, многообещающую авантюру. Нас ожидало множество забавных приключений.

— Слушай, братишка, а давай махнем на курорт «Ла-Квинта» в Палм-Спрингс? Там замечательное поле для гольфа. Я снял нам номер на две ночи. В четверг вечером я заеду за тобой, в пятницу и в субботу мы поиграем, а в воскресенье я доставлю тебя в Лос-Анджелес. Все за мой счет.

Вот уже несколько месяцев Пэт пользовался услугами типстера, делая ставки на исход матчей студенческой футбольной лиги. Деньги он потратил не зря. Прогнозы его типстера были пока что верны, и у Пэта шла полоса везения. Я всегда радовался, когда Пэту везло, потому что с ним это случалось гораздо реже, чем со мной или с нашим старшим братом, Рустером. В 1988 году в страшной аварии погибла Лори, первая и единственная жена Пэта, и после этого двадцать семь лет* он упрямо игнорировал женский пол, если не считать его собак, Найман и Молли. Как говорит Рустер: «Если бы не Пэт, мы бы не понимали трудностей жизни и не сочувствовали бы тем, кто бедствует». Пэт научил нас прощать. Поэтому я считаю его своим талисманом.

В четверг на закате, часов в восемь вечера, на курорт «Ла-Квинта» въехал пыльный и помятый пикап-внедорожник Пэта, «додж-рэмчарджер» со спаркой. Из открытых окон кабины гремели *Boston*, «More Than a Feeling». Нас встретили администратор отеля и консьерж, оба в костюмах и при галстуках.

— Добрый вечер, господа! Добро пожаловать в отель «Ла-Квинта». Как добрались?

Я — в бандане, безрукавке и в шлепанцах — вышел из кабины со стороны пассажира и ответил:

— Привет! У нас все классно. А у вас тут как дела?

По стоянке разлетелся громкий собачий лай.

Администратор поискал взглядом источник звука. В кузове пикапа встревоженно метался черный лабрадор — Найман,

* До 27 сентября 2015 года, когда родилась Эмери Джеймс Макконахи. Теперь у Пэта есть дочь, которую он любит так же горячо, как Лори.

огромная псина, фунтов 140 весом. Ей явно не терпелось справиться нужду.

— Мм... сэр, все в порядке... все в порядке, — ответил управляющий.

Я обошел пикап, достал из кузова наш багаж и ключки для гольфа. Администратор и консьерж предусмотрительно отошли подальше.

— Гм, сэр, а что, собака останется с вами? — спросил администратор.

— Ага, — сказал я.

— Понимаете, в отель с животными нельзя, сэр.

Я вскинул на плечо сумку с ключками и недолго думая заявил:

— Так это ведь собака-поводырь моего брата.

Сказал я это громко, чтобы услышал Пэт, который как раз выбирался из-за руля. Он тут же вытянул вперед левую руку, нащупал капот, оперся на него и выпрямился.

— Погоди, Пэт, я сейчас, — сказала я.

Пэт сощурил полуприкрытые глаза, правой рукой похлопал по капоту и ответил:

— Да все в порядке. Мы уже на месте?

Администратор смущенно покосился на меня. По выражению его лица было ясно, что он не видит никакой несурзности в ситуации «за рулем — слепой». Мое джедайское внушение сработало. Я взял Найман на поводок, помог ей выпрыгнуть из кузова и подвел к Пэту.

— А вот и Найман, — сказал я.

Пэт сразу расслабился, как настоящий слепой, рядом с которым оказался верный пес-поводырь.

— Ну, ты как? — спросил я.

Пэт, почему-то имитируя Дастина Хоффмана в «Человеке дождя», сказал:

— Пэт хорошо, Найман на поводке.

Что, в общем-то, не имело никакого смысла, потому что он притворялся слепым, а не аутистом. Но делать было нечего.

Взяв наш багаж, администратор и консьерж повели нас в номер. Найман играла свою роль хуже нас с Пэтом. Вместо

того чтобы вести его, как положено собаке-поводырю, она тянула его в разные стороны и метила все кустики и покрышки «мерседесов».

— Сорок шагов прямо, — сказал я Пэту.

— Сорок шагов прямо, — повторил он. — Сорок шагов. Да, сорок.

Администратор и консьерж, смущенные своим первоначальным недоверием к собаке-поводырю, очень заботливо доставили нас до номера, открыли дверь, внесли багаж и с чрезвычайной почтительностью дали войти Найман и Пэту. Найман тут же опрокинула пару стульев, запрыгнула на кровать, а потом бросилась к окну и принялась лизать стекло.

— Пэт, это наш номер! Мы пробудем тут два дня, — сказал я, зачем-то повысив голос, будто Пэт был еще и глухой.

— Хорошо, хорошо. Два дня. Да, два, — ответил Пэт так же громко, по-прежнему щуря глаза и мотая головой из стороны в сторону, как Стиви Уандер.

Администратор и консьерж попятились к выходу.

— Надеюсь, номер вам понравится! — сказал администратор, тоже повысив голос. — Мы желаем вам приятного отдыха. Если что-нибудь понадобится, обращайтесь.

— Хорошо, спасибо. Пэт, скажи спасибо этим добрым людям.

Пэт закивал, с удвоенной силой изображая Рэймонда Бэббита:

— Спасибо, добрые люди, спасибо.

Наконец дверь закрылась. Мы с Пэтом расхохотались:

— Найман, ну что ж ты так? Из-за тебя нас чуть не раскололи!

На следующее утро, ровно в девять минут девятого мы с Пэтом стояли у отведенной нам стартовой площадки на поле для гольфа. Первый удар сделал я, а мой *слепой* брат Пэт ловко отправил мяч на триста ярдов по самой середине гладкого поля. Потом мы сели в гольфкар. Как только Пэт взялся за руль, чтобы подъехать к лунке, к нам подбежали администратор с охранником.

Администратор, намеренный доказать, что раскрыл наш обман, но изо всех сил стараясь держаться с профессиональным спокойствием, сказал:

— Доброе утро, господа. Так что мы будем делать с собакой?

Он посмотрел на меня, потом на Пэта.

Мы недоуменно уставились на него.

— А что с собакой? — спросил я.

— Вы же сказали, что это собака-поводырь.

«Черт, мы попались», — подумал я.

Тут Пэт невозмутимо, чуть извиняющимся тоном заявил:

— Разумеется. У меня же куриная слепота.

У администратора отвисла челюсть. Охранник расслабился. А мы поехали дальше играть в гольф.

Мы замечательно провели выходные, к Пэту вернулось зрение, и он отвез меня в отель «Шато Мармон».

После поездки в Мали мне захотелось сблизиться с Матерью-Природой, поэтому я сменил кожаные штаны, сапоги и «тан-дерберд» на шорты, шлепанцы и доску для серфинга. Летом

я наслаждался по новому адресу, где задним двором мне служил Тихий океан, а не бульвар Сансет.

Я жил на пляже. В полном смысле слова.

Я устраивал дальние забеги по берегу. Бросал фрисби Мисс Хад. Плавал в океане. Научился серфингу.

Редко носил рубашку.

Снимался в фильмах: «Как отделаться от парня за 10 дней», «Маленькие пальчики», «Сахара», «Деньги на двоих», «Любовь и прочие неприятности» и «Мы — одна команда».

Романтические комедии с моим участием делали хорошие кассовые сборы, а потому такие роли мне предлагали постоянно. Фильмы среднего бюджета, с хорошей экранной «химией» героев пользовались большой популярностью. Мне нравились эти ненапряжные романтические истории, дающие зрителям полтора часа приятного времяпрепровождения и отвлекающие от жизненных проблем. В эту короткую передышку можно было ни о чем не думать, просто смотреть, как парень ухлестывает за девушкой, ошибается, признает свою ошибку и в итоге добивается своей избранницы. Я принял эстафету у Хью Гранта и погнал вперед.

Для таблоидов, киноиндустрии и общественного мнения я стал типичным героем романтических комедий, парнем-без-рубашечником на пляже. Своего рода фишка. Вдобавок я был в отличной форме.

Программа тренировок

«с пробуждения до триатлониста».

ПРОСНУТЬСЯ: Некоторым достаточно и этого.

ВЫПИТЬ СТАКАН ВОДЫ: Восполнение жидкости в организме полезно для здоровья.

ПОСРАТЬ: Опорожнение кишечника с утра пораньше снимает боль в пояснице и проясняет взгляд. А что еще надо для полного счастья?

ВЫМЫТЬ ПОСУДУ: Это тоже считается физической нагрузкой.

ВЫБРАТЬ ВРЕМЯ ДЛЯ ЗАРЯДКИ: Ее можно не делать, но благие намерения тоже учитываются.

ПОДРОЧИТЬ: Тоже физическая нагрузка. Полезная для здоровья — и физического, и психического.

ПОДСТРИЧЬСЯ: Наподобие шопинг-терапии. Считаешь, что выглядишь лучше, а значит, находишься в отличной форме.

КУПИТЬ «СТРОЙНЯЩЕЕ» ЗЕРКАЛО: Такое, как в бутиках и дорогих магазинах. Естественно, это иллюзия, но если в зеркале выглядишь стройным, то и ведешь себя соответственно.

ЗАГОРЕТЬ: Тот же принцип, что и у стрижки, и у «стройнящего» зеркала. Но загар визуально сбавляет как минимум 6 фунтов.

БЕЗ МАЙОНЕЗА: «Без майонеза, пожалуйста. Я на диете».

БЕЗ КАРТОШКИ: См. выше. То же самое, но труднее.
«Большой гамбургер и большую кока-колу, только без картошки, пожалуйста. Я на диете».

ОДНОЙ БУТЫЛКОЙ ПИВА МЕНЬШЕ: «Дорогая, сегодня я выпил только восемнадцать бутылок, а обычно выпиваю ящик. Я слежу за своим весом».

СХОДИТЬ В ПАРНУЮ: Отличный способ пропотеть без каких-либо физических усилий.

ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПАЛОЧКАМИ ВМЕСТО ВИЛКИ: В рот попадают меньшие куски, что полезно для пищеварения. Кажется, что наедаешься быстрее.

СЕКС: Самое естественное упражнение. Заставляет потеть и укрепляет отношения с партнером, выставляя тебя в лучшем свете, отчего кажется, что ты и в самом деле лучше выглядишь.

КАЧАТЬ ЖОПУ ЗА РУЛЕМ: Зачем ходить в спортзал, если можно закинуться стероидами и попрыгать на сиденье по дороге на работу и с работы*.

ПОРАБОТАТЬ БЕБИСИТТЕРОМ: Не присядешь ни на минуту, будешь гоняться за подопечными, особенно если их больше двух.

ЛЕСТНИЦЫ: Забудь о лифтах.

ТАНЦЫ: Мое самое любимое упражнение. Кардионагрузки, развивают гибкость и просто весело. Жаль, что не все это понимают.

ПЕШИЕ ПРОГУЛКИ: Забудь о машине.

ПИЛАТЕС: Ненапряжно, улучшает гибкость и силу мышц.

ЙОГА: Интенсивно, но расслабляет. Учит медитировать.

БЕГ ТРУСЦОЙ: Невысокая кардионагрузка, однако на длинных дистанциях неплохо сжигает калории.

БЕГ: Высокая кардио- и мышечная нагрузка.

СПОРТЗАЛ: Место, где прокачивают все тело. Вдобавок там, как правило, «стройнящие» зеркала.

ТРЕНЕР: Это уже серьезный подход к делу. Надсмотрщик не даст отлынивать.

МАРАФОН: Трудное занятие, отнимает много времени и сил.

ТРИАТЛОН: Бег, велогонки и плавание. Разрабатывает силу, скорость и ловкость. Комплексная система упражнений.

Лично я просыпался, срал, занимался йогой на пляже
(и одновременно загорал), делал домашие заботы,
пил много воды и танцевал ночь напролет.

А вы как?

* Мой приятель Джеймс К., инженер-химик, всегда в прекрасной форме, но никогда не ходит в спортзал. Вместо этого он вводит себе какие-то стимулянты и ежедневно проделявает плиометрические упражнения за рулем, по дороге с работы и на работу, утверждая, что именно поэтому и поселился в тридцати милях от офиса.

Меня мало волновали снисходительные и пренебрежительные отзывы кинокритиков о фильмах с моим участием. Мне нравилось сниматься в романтических комедиях; деньги, полученные за эти роли, позволяли арендовать дома на пляже, по которому я шастал без рубахи. Я невозмутимо отнесся к этой неизбежности — парень из рабочей семьи не станет отвергать предоставленные ему возможности, как бы пренебрежительно о них ни отзывались.

И все же, хотя мне нравилась такая беззаботная жизнь, созданная мной самим, кое-что меня смущало. Во-первых, роли в романтических комедиях не составляли для меня никакого труда: сегодня прочел сценарий, завтра отыграл роль. Во-вторых, я начал ощущать себя не актером, а каким-то аниматором. «Ну и что в этом плохого?» — спрашивал я себя. Комедии у меня получались неплохо. Критики называли мой юмор «жизнеутверждающим» и упоминали «неуемный оптимизм». Я по мере сил наделял мужественностью выхолащенные персонажи романтических комедий и, как правило, оправдывал ожидания зрителей.

Тем не менее мне казалось, что я притворяюсь, играю роль, а не живу, оставаясь собой. То, что пятнадцать лет назад было для меня творческим самовыражением, теперь все меньше питало мой дух. Актерское мастерство словно бы превратилось в ремесло, которым занимаешься по привычке и которое ничего не дает ни уму, ни сердцу. Нет, такое актерское мастерство мне было ни к чему.

**У МЕНЯ ХОРОШО ПОЛУЧАЕТСЯ ВСЕ ТО, ЧТО Я ЛЮБЛЮ.
Я ЛЮБЛЮ НЕ ВСЕ ТО, ЧТО У МЕНЯ ХОРОШО ПОЛУЧАЕТСЯ.**

Путешествия приносили больше пользы для моего внутреннего развития, чем моя избранная карьера. Я любил продажи, образование, музыку и спорт, поэтому стал подумывать о смене профессии. Может, стоит попробовать писать рассказы или книги о путешествиях? Податься в рекламу? Стать учителем, музыкантом, футбольным тренером? Я не мог определиться.

аферист

звал себя артистом
а я зову аферистом

был бы ты Пикассо,
украл бы у меня

но ты прокололся
сам того не зная

брехун
выкрутился бы

а такой лгун как ты
просто не сумеет.

даже моя собака
учуяла бы твою аферу

твои разводки
слишком на виду

ты думал меня
заморочить и усыпить
но как только нажал
на спусковой крючок
сразу обоссался

потому что
не взвел курок.

Я не находил себе места. Мне нужно было развиваться. Уплыть вверх по течению, сменить полосу, взойти на новую ступень. Но как? Я снова поменял место жительства. Купил дом в Голливуд-Хиллз — при нем был большой сад, что меня устраивало, а спален хватало на семью из пяти человек.

ПЕРЕВЕРНИ СТРАНИЦУ

Даррелл Ройял, замечательный тренер футбольной команды Техасского университета, теперь уже покойный, был моим хорошим другом — и не только моим. С него брали пример многие. В частности, один музыкант — назовем его Ларри. В то время Ларри был на пике знаменитости, его кантри-песни занимали первые места в хит-парадах, и жизнь была прекрасна. К сожалению, он пристрастился к коксу. На какой-то вечеринке он «на минуточку» уединился в туалете, а потом подошел к своему наставнику Дарреллу и начал что-то рассказывать. Как обычно, Даррелл его выслушал. Закончив рассказ, Ларри собрался уходить, но тренер остановил его и негромко сказал: «Ларри, дружище, ты нос чем-то измазал». Ларри метнулся в туалет, поглядел в зеркало, увидел под носом полоску белого порошка и устыдился: мало того, что выказал неуважение тренеру, так еще и настолько втянулся в наркоту, что даже перестал это скрывать.

На следующий день Ларри пришел к тренеру домой, позвонил в дверь и сказал, когда Даррелл вышел на порог: «Мне надо с вами поговорить». Даррелл пригласил его войти.

Ларри во всем признался. Покаялся во всех грехах. Повинился, объяснил, что ему очень стыдно и что слава сбила его с пути. Он говорил целый час, а потом, в слезах, спросил тренера: «Как мне быть?»

Тренер Ройял был человеком немногословным. Он просто сказал: «Ларри, я никогда не боялся перевернуть страницу своей жизни». С того самого дня Ларри завязал с наркотой и не притрагивается к ней вот уже сорок шесть лет.

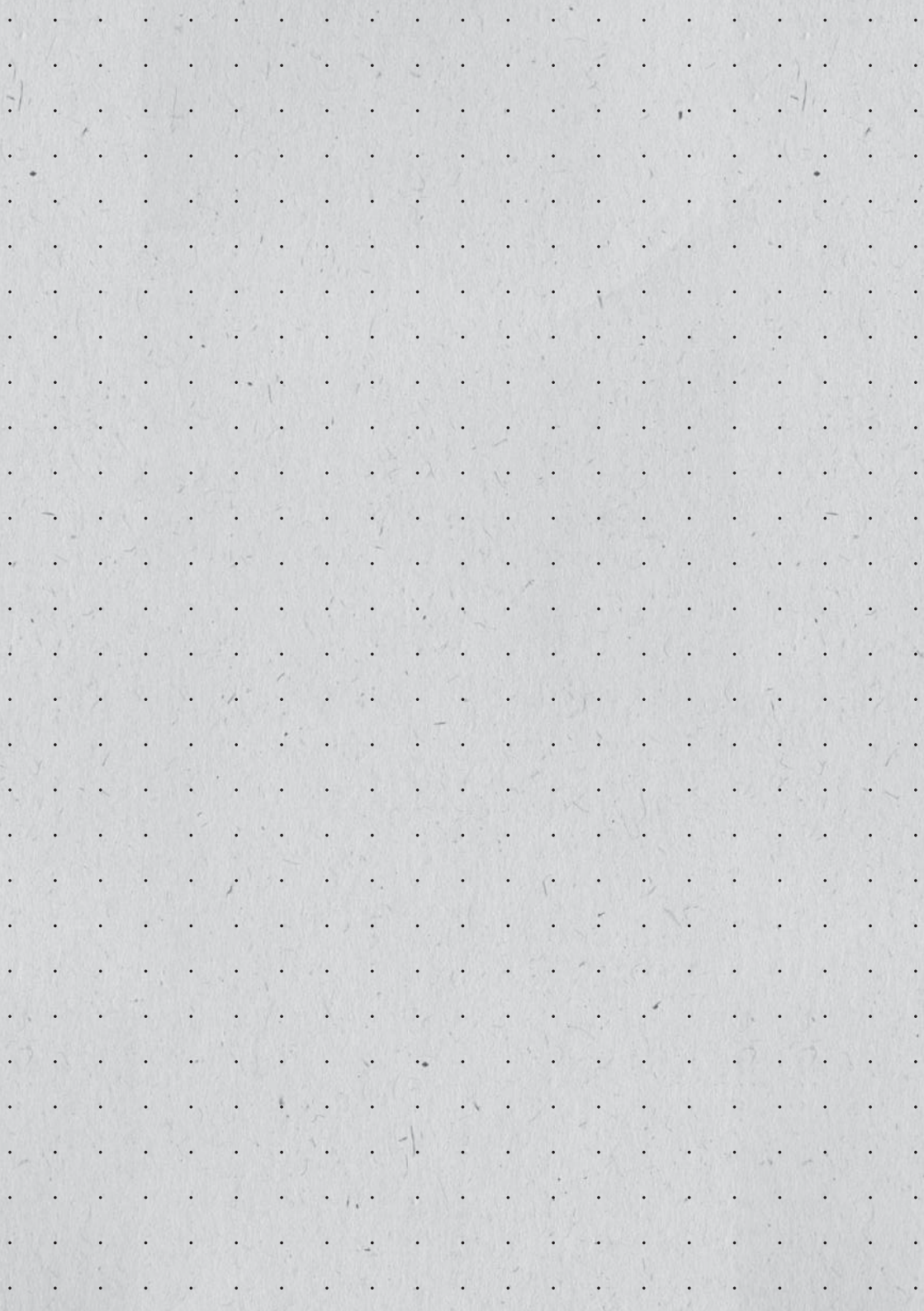
ЛИДЕРЫ НЕ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ.

ОНИ ЗНАЮТ, ЗА КЕМ ИДТИ СЛЕДОМ.

Ты оказывался в тупике? Следовал дурным привычкам? Со мной такое бывало. Все мы когда-нибудь ошибаемся, а потом признаем свои ошибки, исправляем содеянное и движемся дальше. Сожаления и угрызения совести погубили многих. Забудь о них. Соскочи с дурацкой карусели. Ты — автор книги своей жизни. Переверни страницу.

Часть шестая

СТРЕЛА
НЕ ИЩЕТ ЦЕЛЬ,
ЦЕЛЬ
ПРИТЯГИВАЕТ
СТРЕЛУ

2005 Г., МАРТ

ЗА СВОЮ ЖИЗНЬ мне довелось познакомиться и проводить время со многими чудесными женщинами; за некоторыми я даже серьезно ухаживал, а с некоторыми до сих пор поддерживаю дружеские отношения. Однако же все это было промежуточными остановками, а не конечной станцией. Мне перевалило за тридцать, и я искал любовь своей жизни, подругу и мать моих детей. Я даже больше скажу — я искал свою единственную. Ее. Ту самую.

А потом мне приснился сон. Ну да, с оргазмом. Влажная мечта.

Нет, не тот, который снился раньше. Другой.

Я, опять же в полном умиротворении, сидел в кресле-качалке на веранде своего одноэтажного загородного дома. Изогнутая подковой грунтовая подъездная дорожка вела к трем ступенькам на веранду. Перед домом зеленел газон — два кра густой нестриженной травы св. Августина. Вдали, за деревьями, к началу подъездной дорожки подкатывала церемониальная процессия «рейнджроверов», «навигаторов», «субурбанов» и микроавтобусов. За рулем каждого автомобиля сидела женщина, а в каждом салоне — по четверо детей. Все приветливо махали мне. Машины останавливались — два колеса на траве, два на грунтовке. Все женщины были спокойны и приветливы. Все дети — здоровы, веселы и счастливы. Мы все хорошо знали друг друга.

Двадцать две машины.

Двадцать две женщины.

Восемьдесят восемь детей.

Женщины приехали не к человеку, за которого вышли замуж, а к любимому мужчине, отцу своих детей. Дети приехали к отцу.

Ко мне.

Приехали праздновать мой восемьдесят восьмой день рождения.

По ребенку на каждый год моей жизни.

Все были рады меня чествовать, рады были видеть друг друга. С каждой матерью меня связывали добрые воспоминания, дети забирались ко мне на колени. Мы обнимались, целовались, смеялись и шутили, плакали от счастья. Все собрались вокруг меня для семейной фотографии, и мы устали в объектив большого фотоаппарата на треножнике, установленном у ступенек веранды. *Три! Два! Снимаю!*

Я кончил.

Во сне я не был женат. Я был восьмидесятивосьмилетним холостяком. В то время одна мысль об этом внушала мне ужас.

Но сон был не об этом. Сон был прекрасен. Сон убедил меня, что все в порядке. Что со мной все хорошо.

Сон напомнил мне, что всю жизнь больше всего на свете я хотел быть отцом. А еще сон говорил, что даже если я не встречу свою единственную и не женюсь, то это тоже нормально.

У меня могут быть дети.

Я могу стать отцом.

Я могу быть восьмидесятивосьмилетним холостяком, окруженным двадцатью двумя улыбающимися матерями и восьмьюдесятью восемью счастливыми здоровыми детьми — и любить их всех, а все они будут любить меня.

Красный свет — страх на всю жизнь остаться холостым — возник в **зеленом свете** эротического сна. Это был знак, призыв остановиться, прекратить поиски своей единственной, той самой женщины, и положиться на естественный отбор, который

СТРЕЛА НЕ ИЩЕТ ЦЕЛЬ, ЦЕЛЬ ПРИТЯГИВАЕТ СТРЕЛУ

отыщет ее для меня, и, может быть, тогда она меня найдет. Или не найдет.

Поэтому я прекратил поиски.

И она пришла.

**стрела не ищет цель,
цель притягивает стрелу**

Следует сознавать, что именно мы притягиваем
в жизни, потому что это не случайность —
счастливая или нет.

Паук ждет, когда в паутину попадется ужин.

Да, иногда надо гоняться за тем, чего хочешь,
искать его, забрасывать удочки в воду,

а иногда не надо ничего делать,
все случится само по себе.

Душа — вечный магнит.

В июле 2005 года мы с друзьями сидели в клубе «Хайд» на бульваре Сансет, и я смешивал на всех лучший на свете коктейль «Маргарита». И тут я увидел ее.

В сумрачном неоновом мареве зала парила фигура — карамельная кожа, бирюзовое платье мягчайшего шелка.

Она ничего не несла.

Она никуда не уходила.

Она невесомо двигалась туда, куда ей было нужно, и мне захотелось оказаться там, куда она направляется. Голова ее не качалась. А ноги вроде бы не касались пола. Ну, в этом я не уверен. Как я уже сказал, в зале было сумрачно.

Она впечатляла — и проясняла.
Игривая и серьезная.
Молодая и умудренная жизнью.
Провинциальная и космополитичная.
Наивная и хитроумная.
Свежая и пикантная.
Домохозяйка и королева.
Не девственница, но не продажная.
Будущая мать.

Она ничего не *продавала*. В этом она не нуждалась. Она знала, что она, кто она, и гордилась этим. Она была своей стихией. Законом природы. Именем собственным. Неизбежностью.

«Что... это?» — мысленно поразился я и привстал, поднятый неумолимой силой ее притяжения. Увидел, как она садится на банкетку, обитую красным бархатом, рядом с какими-то двумя женщинами. Я не мог поймать ее взгляда, замахал рукой, чтобы привлечь ее внимание, но тут в левом ухе прозвучало: «Такой женщине не машут через весь бар, сынок. Оторви зад от стула, подойди к ней и представься». Голос моей мамы. Надо решаться.

Я подошел к банкетке и вмешался в разговор:

— Привет.

Незнакомка посмотрела на меня.

— Меня зовут Мэттью, — сказал я, протягивая руку для честного пожатия.

Я сразу понял, что ей известно, кто я. Она, совершенно невозмутимая, даже не шевельнулась. Как я уже говорил, не продается.

— Камила, — наконец сказала она и коротко, но уверенно пожала мне руку.

Я перевел дух.

— А не хотите ли вы... и ваши подруги присоединиться к нашему столику? Вон там. Я угощу вас великолепной «Маргаритой».

Она взглянула на своих подруг.

— Прошу прощения, — сказала она, встала — одна — и позволила мне проводить ее к нашему столику.

Хотя она оставила подруг, я знал, что, если бы я повел себя не по-джентльменски и не пригласил и их тоже, она никогда не села бы к нам за стол.

Я смешал свой лучший коктейль. Я старательно заговорил по-испански.

Она ответила на португальском. В ту ночь я, как никогда в жизни, понимал португальский. Больше мне такого не удавалось.

Ритмы романских языков звучали слаженно, в такт. Спустя двадцать минут мы шептались что-то друг другу на ухо в конце стола — вели нашу первую беседу, — и вдруг...

— Макконахи! — заорал мой приятель, перекрикивая музыку.

Два часа ночи. Бар закрывался.

— Дай мне пять минут, — сказал я, для наглядности ткнул в него растопыренной пятерней и обратился к своей новой знакомой: — Поехали ко мне? Мы с ребятами собрались выпить еще по стаканчику.

— Нет, спасибо, не сегодня. Как-нибудь в другой раз, — дружелюбно ответила она.

Черт возьми.

Я проводил ее на стоянку, но, как ни странно, ее машины там не оказалось.

— Я припарковалась вон там! — сказала она, указывая на свободную площадку у бензозаправки рядом с клубом.

— Белый «авиатор»? — уточнил служитель заправки.

— Да, — подтвердила она.

— Его увезли эвакуаторы. Это парковка только для посетителей заправочной станции.

— Слушай, поехали ко мне, — снова сказал я. — А потом мой шофер отвезет тебя домой.

— Ладно, — наконец согласилась она.

Мы сели во внедорожник, и два моих приятеля переместились на третий ряд, в самый конец салона.

03:30 утра. Мой дом

— Что ж, спасибо за выпивку. А сейчас мне пора, — сказала она.

Я проводил ее к подъездной дорожке, где должен был ждать шофер. Но шофера почему-то не было.

Я напустил на себя озабоченный вид:

— В чем дело? Куда он запропастился? Невероятно! Прости, давай я вызову такси.

В этой части Голливуд-Хиллз очень ненадежная мобильная связь, но у меня был и стационарный телефон. Я обзвонил три таксомоторных компании, и что вы думаете? Ни одна не приняла заказа.

— Если хочешь, располагайся в гостевой спальне.

Пятый час утра, никаких машин пока не предвиделось, так что она согласилась. На всякий случай я еще два раза заглянул в эту спальню, проверить, не нужно ли чего моей гостье. Оба раза меня выставили за дверь.

Я проснулся около одиннадцати утра. Спускаясь по винтовой лестнице в вестибюль, я слышал, что из кухни доносятся оживленные голоса и смех. Так разговаривают только люди, которые ничуть не стесняются друг друга. Старые друзья.

Она, все в том же бирюзовом платье и с теми же карамельными плечами, сидела на кухне, спиной ко мне, за стойкой центрального «островка». Беседовала. Моя экономка готовила оладьи на всю компанию. Два моих приятеля, без рубашек, хохотали над какой-то скабрёзной историей, которую только что рассказала моя гостья.

Все это походило не просто на дружескую беседу, а на встречу старых приятелей. В моей гостье не было ни напускного смущения, ни подростковой неловкости, обычной после ночи, вынужденно проведенной у малознакомых людей. Уходить она тоже особо не спешила, а держала себя с доброжелательной уверенностью.

Я позвонил на бензозаправку, узнал, куда именно эвакуаторы увезли машину. Штрафстоянка находилась в часе езды от

моего дома, и я вызвался отвезти туда мою гостью. В машине я поставил альбом одного из моих любимых реггей-музыкантов, Мишки, — я как раз был его продюсером*.

Я вел машину. Мы слушали музыку. Прозвучали две песни, потом три, но никто из нас не произнес ни слова. Нам не нужно было разговаривать. Мы не стремились заполнить молчание. Молчание не было неловким. Оно было золотым.

Наконец мы приехали на штрафстоянку, отчаянно сожалея, что она не во Флориде. Перед тем как попрощаться, я попросил у Камилы номер телефона. Она полезла в сумочку, достала скомканную страничку, вырванную из блокнота, и записала свой телефон.

Я хотел поцеловать ее на прощанье, но она повернула голову, так что поцелуй пришелся лишь в левый уголок рта.

Я спросил, не хочет ли она встретиться со мной вечером.

— Хочу, — ответила она. — Но не могу. У отца сегодня день рождения.

— А завтра?

— Позвони мне.

Отъезжая, я помахал ей на прощание. Она помахала мне в ответ.

Девять лет назад амазонская русалка меня все-таки заметила. Она проплыла в глубокие воды Атлантического океана, обогнула мыс Горн, устремилась вдоль Тихоокеанского побережья и наконец-то добралась до Голливуда и явилась в клуб на бульваре Сансет, где я тут же узнал ее бирюзовые очертания и карамельные плечи. Там она и завладела моими чувствами.

И сейчас, пятнадцать лет спустя, она по-прежнему остается единственной женщиной, которую мне хочется пригласить на свидание, с которой я хочу спать в одной постели и с которой мне нравится просыпаться по утрам.

ЗЕЛЕНый СВЕТ

* В первый раз я услышал Мишку на Ямайке, в начале 2000-х гг., и сразу полюбил его музыку. Пять лет спустя я отыскал его, мы организовали совместный музыкальный проект, я основал компанию «j.k. livin Records» и выпустил пару альбомов Мишки.

о леди доброй надежды

любовь моя, как ты?

Видеть — не делать —
тебя счастливой

одно из моих самых
любимых занятий

Сестра моя, моя
возлюбленная,
моя подруга, мой
двойник

мы с тобой в одиночку

стремглав прорывались
сквозь дни

И теперь мы тут
Глядим с обрыва

«Давай ты первый!»

«Нет, ты».

А если взяться
за руки
и спрыгнуть вместе?

Тут высоко,
бездна глубока,

мы оба знаем, что
так оно и есть.

«Хорошо», — говорю я.

«Что?» — говоришь ты.

«Я хочу с тобой
летать».

Мы с Камиллой встречались около года, когда мне предложили роль в фильме «Золото дураков». Съемки проходили в Австралии.

Прежде я всегда ездил на съемки в одиночку и жил один, но Камила заняла в моей жизни особое место. Я хотел, чтобы три месяца в Австралии мы провели вместе, в двухспальном доме, который я собирался снять на пляже Порт-Дугласа. Мне не хотелось с ней расставаться. Мне нравилось думать, что я повсюду буду с ней. Я пригласил ее с собой.

— А не пожалеешь? — спросила она.

— Нет.

— Ты уверен?

— Да.

— Хорошо. Только сперва нужно кое-что уладить. У меня должна быть своя спальня, своя ванная комната и свой ключ от дома.

— Договорились.

Она поехала со мной. Осталась. В своей комнате она не спала, своей ванной почти не пользовалась, как и своим ключом от дома. Но для нее была важна ее личная свобода и наша свобода на этой стадии отношений.

Очень мудрое решение.

Месяца через два съемки прервались на новогодние каникулы. Я запланировал шестидневную поездку на Папуа — Новую Гвинею — серфинг, хижины, джунгли, приключения.

Мы плавали, ныряли, бродили по джунглям, ходили на деревенские рынки и посещали местные племена. Мы жили в хижине на краю джунглей. Электричества там не было, да мы в нем и не нуждались. Все было дико, прекрасно, волшебное.

На четвертый день мы сидели перед хижинкой, отдыхая после любовных утех, любовались закатом над Соломоновым морем и потягивали коктейли, прежде чем присоединиться к местным жителям в баре неподалеку.

Я понял, что влюблен.

— Что я должен сделать, чтобы тебя потерять? — спросил я, полуобернувшись и краем глаза глядя на нее.

Она подносила бокал к губам. Ее рука не дрогнула, не застыла, а продолжала плавное движение, будто никакого вопроса задано не было.

Она медленно пригубила коктейль, не отводя глаз от заката, потом сделала большой глоток и так же медленно поставила бокал на круглый влажный след, оставшийся на ручке деревянного кресла.

— Ну, это очень просто, — сказала она, повернувшись ко мне.

У меня бешено забилося сердце. Она посмотрела мне в глаза:
— Изменись.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Когда мы вернулись из Австралии, Камила собралась переезжать из Нью-Йорка на запад. Дом в Голливуд-Хиллз был идеальным местом для влюбленных, но это был мой дом, а нам обоим хотелось начать все заново, построить совместную жизнь. Поэтому мы обосновались в трейлерном парке на пляже Малибу-Бич, в моем двадцативосьмифутовом «Эйрстриме» по прозвищу «Каное». Намереваясь провести дальнейшую жизнь вместе, мы серьезно обсудили будущую семью и решили в дальнейшем обходиться без противозачаточных средств.

— С одним условием, — сказала Камила. — Когда ты уезжаешь на съемки, все едут с тобой*.

— Договорились, — сказал я.

* Вот уже двенадцать лет, где бы ни снимали фильм с моим участием, Камила и все наши дети всегда едут на съемки и живут вместе со мной.

сегодня я занимался любовью с моей женщиной

Не потому, что мне этого сразу хотелось,
а потому что знал, что мне захочется,
едва лишь мы начнем.

И что после этого прогулка по пляжу станет
романтичнее.

Коктейль, который я смешаю без четверти шесть,
будет вкуснее.

Креветки, которых я приправлю, будут ароматнее.

Баскетбольный матч, который мы посмотрим
в семь, будет интереснее.

Музыка, под которую мы протанцуем до полуночи,
будет ритмичнее.

А разговоры о жизни, которые мы поведем
на кухне до трех часов утра, сидя друг против
друга за столом, будут захватывающими...

Все так и произошло.

Несколько месяцев мы *старались* завести ребенка, освоив при этом каждый из 188 квадратных футов «Каное», но безуспешно. В общем, мы перестали *стараться* и стали просто заниматься любовью.

Как-то раз я вернулся домой часов в семь вечера. Камила, как всегда, встретила меня объятьями, поцелуем и улыбкой. Поцелуй был горячее обычного.

Она протянула мне стакан с двойной порцией текилы со льдом. Я скинул шлепанцы и уселся на диван. Из кухни донолся запах моего любимого блюда — домашних чизбургеров.

— Ух ты! Я что, попал в рай?

— Да, — сказала она, села рядом на диван и протянула мне деревянную шкатулку, перевязанную ниткой бирюзовых бус.

Я открыл шкатулку. В ней лежала фотография. Я не сразу понял, что на ней изображено, и пригляделся повнимательнее.

Из глаз брызнули слезы. Я посмотрел на Камилу. Она тоже плакала от счастья. В шкатулке лежал снимок УЗИ. Камила была беременна.

Мы плакали, смеялись, танцевали.

Всю жизнь больше всего на свете мне хотелось быть отцом.

Для меня отцовство всегда означало, что жизнь сложилась. В детстве я говорил отцу и его приятелям «да, сэр» и «нет, сэр», потому что все они были отцами. Отцовство всегда было тем, к чему я относился с наибольшим уважением, тем, что меня больше всего восхищало, — а теперь и мне предстояло к этому приобщиться. Мысли о взрослении и зрелости, которые впервые пришли мне в голову после смерти отца, я теперь ощущал с новой силой, поскольку и сам должен был стать отцом.

Да, сэр.

З Е Л Е Н Ы Й С В Е Т

Часов в десять вечера мы позвонили моей маме, сообщить радостные новости.

В Техасе была полночь.

— Мам? Это мы с Камиллой. У нас есть великолепные новости, мы хотим с тобой поделиться. Ты на громкой связи.

— Отлично! Обожаю хорошие новости. Привет, Камила!

— Добрый вечер, миссис Макконахи.

— Мам?

— Да?

— У нас с Камиллой будет ребенок. Она беременна.

Молчание.

Долгое молчание.

— Мам? Ты слушаешь?

— Нееееет! Нет-нет-нет! Мэттью! Это неправильно. Ой, нет-нет, неееееет! Мэттью, что я тебе с пеленок внушала? Сначала

свадьба, потом дети! С кем угодно! Нет! Это все неправильно. Нет-нет, Мэттью, это не хорошие новости.

Мы с Камиллой переглянулись, удивленно разинув рты. Я потянулся к телефону выключить громкую связь, чтобы Камиле не пришлось выслушивать мамину гневную отповедь, но потом передумал. Нет, пусть знает, с кем ей придется иметь дело.

— Да ну тебя, мама! Я думал, ты обрадуешься. Вот мы с Камиллой очень рады.

— А я не рада! Это неправильно. Мэттью, неужели я тебя так воспитала? Извини, Камила, но Мэттью я растила не для такого. Так что я совсем не рада, — сказала она.

И повесила трубку.

Мы с Камиллой ошарашенно глядели друг на друга. Слезы радости испарились.

— Вот черт, — сказала Камила.

— Ага, — вздохнул я.

Мы откинулись на спинку дивана, расслабиться.

Камила налила мне выпить. Я не то чтобы сделал глоток — я выхлебал содержимое стакана.

Через несколько минут зазвонил телефон. Мама. Господи, что она еще скажет? Я ответил на звонок.

— Мам?

— Да. Включи громкую связь. Камила, ты меня слышишь?

— Да, миссис Макконахи.

— Мама, что случилось?

— Ну... Знаешь, давай-ка возьмем корректорские белила и замажем наш предыдущий разговор. Это слишком эгоистично с моей стороны. Разумеется, я не согласна с таким развитием событий, но не мне вас за это судить. Раз вы рады, то и я рада за вас. Договорились?

Я уставился на телефон, покачал головой.

— Хорошо, миссис Макконахи. Предыдущий разговор мы уже откорректировали, — сказала Камила, с трудом сдерживая смех.

— Вот и славно. Каждый заслуживает второго шанса. Ну все, люблю, целую. Пока.

И мама повесила трубку.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Встречаются такие люди,
которые, когда их замечаешь
краем глаза, через дорогу,
в волшебный час, кажутся
необыкновенно
привлекательными, чуть ли
не божествами или богинями.
То, как они двигаются,
то, как их ласкает свет,
вызывает невольное
благоговение. ВПЕЧАТЛЕНИЕ.

А потом вглядываешься.
Ближе. Черт возьми.
Разочарование. Издалека
хороши, но до хорошего
им далеко.

Некоторые никогда не станут
привлекательнее первого
впечатления.
Издалека, в определенном
освещении в определенное
время, в том, как их видишь,
когда питаешь большие
надежды и лелеешь ожидания.
Они никогда не будут
выглядеть лучше, чем в тот
первый раз, на первый
мимолетный взгляд.
Впечатление. ОБЩИЙ ПЛАН.

Некоторые отношения лучше
В общем плане. Больше
впечатляют при первом
впечатлении.

Как родственники супругов.
С ними лучше встречаться
только по праздникам.
Как соседи. Поэтому у нас
есть стены и заборы.
Как романтическое увлечение

на расстоянии,
Которое исчезает, как
только начинаешь жить
вместе.

Как тот летний роман,
Который закончился
в августе.

Та подруга, которая стала
возлюбленной,
И теперь тебе не хватает
подруги.

Как ты сам,
Когда притворяешься.

Все это лучше на расстоянии.
С меньшей частотой.
С меньшей близостью.

Иногда нужно больше места.

Это любовный роман.
Это воображение.

Расстояние — как флирт,
как подмигивание,
Игриво и загадочно.
Фантазия.

Постоянный медовый месяц
не совсем замечаешь,
в нем не совсем уверен,
его не совсем знаешь.

Перепах. Бесстрастное.
Раздельное. У всех на виду.
Легкомысленное.
Безболезненное.
Взаимы.

И тебе это нравится,
потому что иногда
в полумраке гораздо лучше.

ЗЕРКАЛО

Встречаются такие люди,
которые,
Когда смотришь им в глаза,
Когда они прямо перед нами
При свете дня, кажутся
необыкновенно
привлекательными,
Чуть ли не богами и богинями.
То, как они двигаются,
То, как их ласкает свет,
Вызывает невольное
благоговение.
ЯСНОСТЬ.

А потом вглядываешься.
Ближе. Ух ты. Улет.
Вблизи хороши,
А крупным планом еще лучше.

Некоторые становятся
привлекательнее,
производят большее
впечатление, чем чаще их
видишь, чем ближе,
в определенном освещении,
в определенное время
в том, как их видишь,
когда питаешь большие
надежды и лелеешь ожидания.
Они всегда будут выглядеть
лучше, чем ближе к ним
приглядываешься,
чем четче их видишь.
Ясность. КРУПНЫЙ ПЛАН.

Некоторые отношения
Лучше крупным планом.
Больше впечатляют
своей ясностью.

Как женщина, которая
не возбуждает на фотографии,
Зато возбуждает
в действительности.

Как наши дети.

Как наши супруги.

Как лучший друг.

Как Бог.

Как ты сам, когда честен.

Все это лучше вблизи,
С большей частотой,
С большей близостью.

Иногда нужно быть рядом.

Это любовь, она буквальна.

Близость —
совместное умиротворение
разделенная боль,
красота, честность.
Настоящее. Реальное.
Постоянные отношения
всегда видишь, в них уверен,
их знаешь.

Любовные ласки.
Привязанность. Единение.
Личное. Оно тебе дорого
обходится. Оно ранит.
Оно твое.

И тебе это нравится,
потому что иногда
при свете гораздо лучше.

Впечатления в зеркале

Камила была на седьмом месяце беременности, когда мне позвонили из моей продюсерской компании в Венисе, Калифорния. Номер высветился на определителе, и я потянулся к телефону.

И замер.

Мне не хотелось отвечать на звонок. Звонок из моей же продюсерской компании. Из офиса, за аренду которого платил я. И зарплаты сотрудников — тоже из моего кармана. С 1996 года.

Я не ответил на звонок. Вместо этого я позвонил своему адвокату, Кевину Моррису.

— Компания закрывается. Немедленно. Завтра я всех обзвоню и объявлю новость. Да, с выходным пособием. И «j.k. livin Records» тоже закрываем.

Настало время привести дела в порядок. Методом исключения. Каждый день на моем воображаемом письменном столе было пять важных дел: семья, благотворительный фонд, съемки, продюсерская компания и лейбл звукозаписи. Со всеми пятью я справлялся на «хорошо». А если закрыть продюсерскую компанию и лейбл, то с оставшимися тремя я справлюсь на «отлично». Метод исключения.

Я объяснил адвокату, что хочу заниматься только семьей и благотворительной организацией, а сниматься на киностудиях.

Упрощай, фокусируйся и сохраняй силы, чтобы освободиться.
Олрайт, олрайт, олрайт.

Великий человек не все для каждого
Он каждый для всех.
Гений может делать все,
но делает одно за другим, по очереди.

Седьмого июля 2008 года, после трех суток схваток и экстренного кесарева сечения, Камила родила ребенка. Мальчика, весом семь фунтов восемь унций.

Мы не стали определять пол ребенка заранее, потому что это — самый большой сюрприз в жизни. Для девочки имя мы выбрали, а вот для мальчика у нас был длинный список.

Мэттью. Мэн. Медли. Иглу. Мистер. Гражданин. Леви.

Ну все как обычно.

Камиле нравилось имя Мэттью. Меня несколько беспокоила необходимость называть его «младший», равно как и то, что он будет тезкой своего знаменитого отца. Но пока мы не волновались о том, как назвать ребенка. Мы улыбались, смеялись, плакали и любили.

Часа через полтора после рождения в палату вошла медсестра и протянула мне официальный документ, который требовалось заполнить:

7 июля 2008 г. в 06:22 вечера

родился.

(имя)

6:22.

Мой любимый библейский стих.

*«Если око твое будет чисто,
то все тело твое будет светло».*

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ, 6: 22.

Мандорла.

Парадокс вместо противоречия.

Союз вместо трений.

Место, где обитают все цвета.

Белый свет.

Третий глаз.

Стих, который много лет служил мне духовным проводником. Даже дверь нашей с Камилой спальни, сработанную догонскими мастерами-резчиками по моему заказу в 2000 году, украшали цифры 6:22.

В некоторых странах апостола Матфея называют полным именем — Левий Матфей. Один и тот же человек. Разные имена.

Левит. Третья книга Пятикнижия и Ветхого Завета. Религиозные наставления и обряды.

Колено Левитово. Левий.

Левитация. Леви. Евангелие от Матфея, 6: 22.

Итак, 7 июля 2008 года, в 6:22 вечера родился Леви Алвес Макконахи. Его второе имя, Алвес, — девичья фамилия Камилы.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Мужчина обретает настоящую мужественность с рождением его первенца. Не мачизм, а мужественность. После рождения первенца ум, душа и чутье нового отца сливаются воедино, все его пять чувств настраиваются на одну волну, интуиция обостряется, и на полгода он должен сконцентрировать все свои инстинкты — личные, финансовые, духовные и карьерные. Ему следует доверять своим «я знаю» и знать, что он способен предсказать будущее, потому что сейчас, впервые в жизни, он живет ради ребенка, а ребенок живет ради него.

Поставь на карту все — и выиграешь.

Едва я встретился с новой жизнью, как на моих родных обрушился серьезный кризис с потенциально опасными последствиями, и я срочно уехал в Остин, к маме и братьям. Камила и Леви присоединились ко мне через пару недель. Мы сняли небольшой дом в поселке для бодрых пенсионеров, где жила моя мама, и спали на надувных матрасах на полу. Не знаю, что обычно происходит в поселках для пенсионеров, но в этом народ подобрался хоть куда. Пожилые люди живут здесь в свое удовольствие, никого не трогают и не ждут, чтобы им указывали, что и как делать. В старости они как будто стали революционерами. Или и того хуже — анархистами. Прямо как дети.

Обитатели поселка — боголюбивые патриотичные американцы, со своеобразным чувством юмора и с полным отсутствием

притворства или политкорректности. Они высмеивают всех и вся и любят, когда поднимают на смех их самих. А еще они любят поговорить и давать непрошенные советы.

*Мэттью, вот я смотрю фильм с твоим участием
и вижу, что тебе весело.
Это правильно, так и надо жить — весело.*

*Мэттью, дети — самое большое достижение в твоей жизни.
Поэтому заведи детей побольше.
А еще запомни: внуки в два раза лучше,
а возни с ними в два раза меньше.*

Жизнь среди пенсионеров напоминает о том, что и ты смертен, но в то же время позволяет чувствовать себя моложе. Старческое тело не делает того, что требует разум, а разум забывает, то что хочет запомнить, но пожилые люди относятся к этому без лишних сантиментов и предпочитают жить заведенным порядком: ходят в спортзал, по вечерам выпивают по коктейлю, поют в церковном хоре и участвуют во всех мероприятиях подряд.

*Мэттью, общительность и активный образ жизни —
вот секрет долголетия.*

Однажды, возвращаясь домой из местного культурно-оздоровительного центра, где играли в бинго, мы остановились на красный сигнал светофора.

Неожиданно Камила спросила:

— Тебе хочется переехать в Техас?

На самом деле я об этом уже думал. Может быть, это манера себя вести, то, что здесь ценят здравый смысл, а когда играешь в бейсбол перед домом, рядом останавливается машина соседа, а не папарацци. Может быть, это здешний оптимизм и то, что все сохраняют спокойствие даже в критических ситуациях.

Может, потому что маме было далеко за семьдесят — то, что в футболе назвали бы четвертой четвертью, — и хорошо бы навещать ее почаще, чем два раза в год. А может, дело было в том, что теперь у нас с Камилой была семья, и мне хотелось, чтобы наши дети росли среди всего этого.

Я повернулся и посмотрел ей в глаза:

— Да.

— Вот же сукин сын, — вздохнула она, с понимающей улыбкой покачала головой и покосилась на детское сиденье сзади, где спал Леви. — Тогда переезжаем.

На светофоре зажегся **зеленый**. Я нажал на газ.

ЖИЗНЬ, КАК АРХИТЕКТУРА, — ЭТО ГЛАГОЛ.
ЕСЛИ ОНА ХОРОШО СКОНСТРУИРОВАНА, ТО ВСЕ РАБОТАЕТ.
ОНА ПРЕКРАСНА. ЕЕ НЕ НУЖНО НАПРАВЛЯТЬ.
ЕЕ НУЖНО ПОДДЕРЖИВАТЬ В ХОРОШЕМ СОСТОЯНИИ.

Я разобрался с семейной дилеммой, из-за которой приехал в Техас, и мы с Камилой и Леви купили дом на окраине Остина, на холме у реки.

Девять акров земли, колодец с родниковой водой, а еще участок на берегу для лодочного домика, о котором предыдущий хозяин забыл упомянуть. Больше чем достаточно места для того, чтобы завести собак, растить детей и барабанить по конгам в чем мать родила, не доставляя соседям никаких неудобств.

Безвременная кончина отца заставила меня повзрослеть, а семейные проблемы и отцовство помогли разобраться и в самом себе, и в жизненных приоритетах. Особенно в моей карьере. Смерть, семейный кризис и младенцы — конец жизни, поддержание жизни и появление новой жизни — эти три вещи глубоко потрясают, придают ясность, напоминают о том, что ты смертен, и, как следствие, находишь в себе мужество стать

тверже, сильнее и честнее. Эти три вещи заставляют тебя задать себе вопрос:

«Что имеет значение?»

Эти три вещи заставляют тебя осознать:

«Все имеет значение».

В той участи, что приносят
смерть и рождение,
сознаешь, что ты — и человек,
и Бог.

Веришь, что твой выбор имеет
значение,

что ничто не напрасно,

что все ради всего.

Я был известным актером, знаменитостью, кинозвездой. Мне не надо было волноваться о том, чтобы прокормить семью и обеспечить им безбедное существование, но ни роли, которые мне предлагали, ни фильмы, в которых я снимался, меня больше не удовлетворяли. Мне надоели герои романтических комедий и их тесный мирок. У меня уже давно свербело в заднице.

Я жил полной жизнью. Неистойой. Необузданной. Незаурядной. Бурной. Я, живой человек, смеялся громче, плакал горше, любил сильнее, презирал глубже и чувствовал больше, чем те, кого я изображал на экране. Я прекрасно понимал, что, если равновесия в этом не достичь, то актуальная жизнь важнее актуальной карьеры, но я хотел сниматься в таких фильмах, которые своей полнотой не уступали бы полноте моей жизни, и играть живых, правдоподобных персонажей.

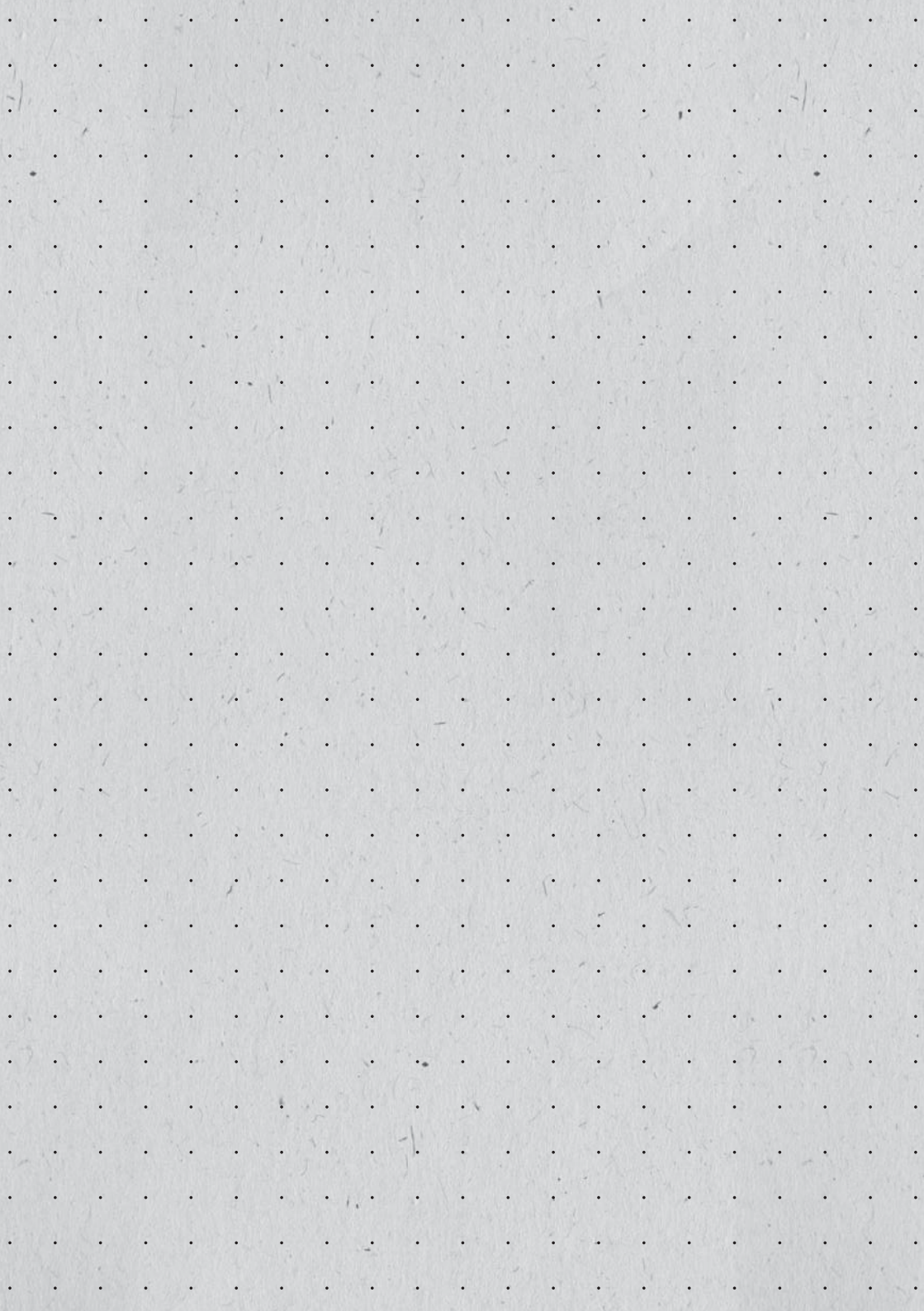
Вот только ни роли, ни фильмы, которые могли бы поспорить с моей реальной жизнью, почему-то мне не доставались. А те, что доставались, мне уже здорово поднадоели. Мне были нужны перемены, радикальный поворот, новые обязательства. Хватит мотаться с места на место в поисках хорошей погоды. Теперь, когда у меня появилось все то, ради чего стоит жить, надо было проявить истинное себялюбие и выяснить, без чего можно обойтись.

Пришло время настоящих жертв. Вдобавок Камила снова забеременела.

**ЕСЛИ НЕТ ОПАСНОСТИ ПРОИГРАТЬ,
ТО НЕТ И РИСКА**

Часть седьмая

**ДЕРЗНИ
ВЗЯТЬ ВЫСОТУ**

НА СОБСТВЕННОМ ОПЫТЕ я убедился, что в любой критической ситуации, будь то ураган Катрина, семейные неурядицы или серьезный жизненный выбор, сперва необходимо распознать проблему, потом стабилизировать положение дел, разработать ответные действия и преобразить их в жизнь. Признав, что мне, как актеру, нужно большее, я распознал проблему. Теперь пришло время сделать разворот и стабилизировать положение дел.

Я позвонил своему финансовому консультанту Блейну Лурду и спросил, как долго я смогу обходиться без заработка, не меняя при этом привычного образа жизни.

— У тебя вполне приличные сбережения, — ответил он. — Так что поступай, как считаешь нужным.

Я позвонил своему агенту Джиму Тоту и объяснил ему, что хочу сниматься не в романтических комедиях, а в серьезных драматических ролях.

— Нет проблем, — ответил он.

— Как это — нет проблем? — спросил я. — Вот уже десять лет за мои романтические комедии твое агентство получает десять процентов комиссионных — немалую сумму. Как, по-твоему, отреагирует твое начальство, если в понедельник ты придешь в офис и заявишь: «Макконахи больше не желает сниматься в романтических комедиях»?

— Макконахи, я работаю не на начальство, а на тебя.

Вот он, настоящий мужчина.

себялюбец

Когда я богат
и не беспокоюсь
о деньгах.

Когда жизнь
ребенка важнее,
чем моя.

Когда моя самооценка
не зависит от обожания
окружающих.

Когда меня больше
не волнуют
мимолетные желания.

Я смотрю вокруг
и в себя и становлюсь
себялюбцем.

Этим измеряется
величие человека,

когда он становится
образцом.

Когда одного
материального
вознаграждения
недостаточно,
чтобы платить
по счетам,

он становится
легендой.

Ищи себя.
Люби себя.

Я шел на большой риск. Регулярный отказ от участия в голливудских проектах приводит к тому, что Голливуд перестает тебя приглашать. Если ты сходишь с наезженной колеи и отвергаешь типовые роли, гарантирующие кассовые сборы, то киноиндустрия от тебя отворачивается. По большому счету им все равно: желающих занять твое место больше чем достаточно. Опять же ничего личного, просто бизнес.

Обливаясь слезами, я обсудил свое решение с Камилой. Мы поплакали. Помолились. И заключили договор.

— Что ж, милый, придется нам посидеть на мели. Неизвестно, сколько это протянется. Будет трудно. Ты станешь раздра-

жительным, неуверенным... будешь искать утешения в бутылке, но... Если ты действительно хочешь все изменить, то останешься верен себе. А я тебя поддержу. Только не облажайся. Договорились?

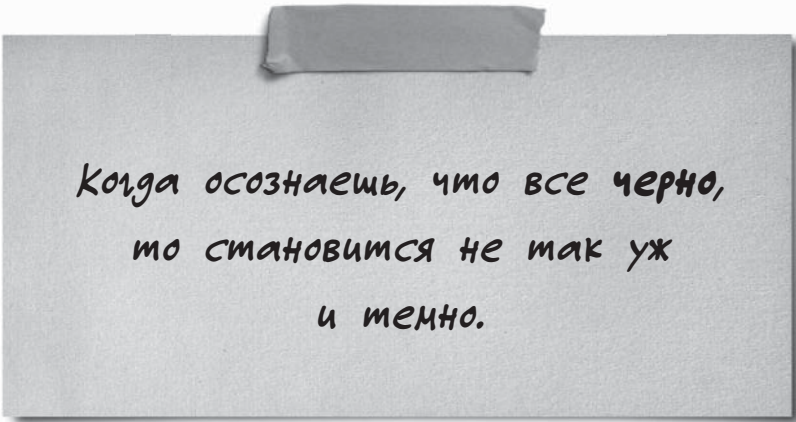
Именно то, что много лет назад сказал мне отец.

— Договорились.

То, что я оказался на перепутье, само по себе не было катастрофой, но я знал, что эта жизненная дилемма обойдется мне дорого — и материально, и морально. Самым большим испытанием была неизвестность. Как, когда и чем завершатся мои искания? Я заявил Голливуду, своей возлюбленной, с которой провел почти двадцать лет: «Я все еще тебя люблю, но нам придется на время расстаться. Лучше пусть я буду счастлив в одиночестве, чем несчастен с тобой».

Теперь я находился в подвешенном состоянии. Я приобрел билет в один конец «до нового уведомления». Я подготовился к худшему и надеялся на лучшее.

*Когда осознаешь, что все черно,
то становится не так уж
и темно.*

Приближались новогодние праздники. Я радовался возможности провести время с семьей, с родными и близкими. Чем больше родных соберется вокруг, тем меньше я буду думать о карьере и тем больше буду вспоминать о своих корнях.

Каждый год на Рождество мы собираемся на ранчо моего брата в Западном Техасе. Все грузятся в автодома, с детьми, собаками и багажом, и едут на ранчо. Там мы рассказываем друг другу, как провели год, пьем, едим и травим байки. Устраиваем дальние походы по техасской глуши, охотимся на оленей, ездим верхом, кормим коров, смотрим футбол по телевизору, а по вечерам собираемся у костра и до самого утра вспоминаем забавные случаи из прошлого и рассказываем новые истории. Хотя мы и получили христианское воспитание, в нашей семье Рождество сводится к обмену подарками утром двадцать пятого декабря. Ни совместного застолья, ни чтения Библии вслух — только пять дней подряд сплошняком мясо, байки, никаких ограничений, душ по желанию, а выпивка для того, чтобы помнить, а не забывать.

Если кто-то начинает много о себе воображать или «заноситься», как говорит моя мама, все остальные быстренько заваливают его на грешную землю, да так резко, что виновник начинает молить о пощаде, и тогда его снова ставят на ноги и наливают штрафную. В нашем семействе новогодние праздники редко обходятся без слез, но, когда приходит пора расставаться, всем все прощается, потому что, как говорит мой брат Рустер, «если бы мы всегда поступали правильно, то никогда не узнали бы, что такое „неправильно“».

Пару раз доставалось и мне — по делу, чтобы не слишком задирал нос, но в этом году все знали о моих затруднениях и, если честно, наверняка недоумевали, с какой это стати я отказываюсь от работы и немалых денег. Однако же все понимали, что своих намерений я менять не собирался, а в моем семействе принято уважать твердость убеждений.

Спустя пару дней после Рождества мы с Рустером и Пэтом попивали пиво и раскатывали по ранчо на внедорожнике Пэта. Пэт, который тогда, как и сейчас, был поставщиком труб и работал на Рустера, решил позвонить в телефонную службу и проверить, не оставили ли ему сообщений за время рождественских каникул. Он набрал номер службы и сказал:

- Абонентский ящик восемьсот двенадцать.
- Да, минуточку, я проверю, — ответила телефонистка и секунд через десять сказала: — Простите, сэр, но этот ящик недействителен.
- Как это недействителен?
- Он больше не обслуживается, сэр.
- Но ваша компания выделила мне именно этот ящик! Что-бы я мог проверять сообщения.
- Да, конечно, сэр. Но за два года вы им ни разу не пользовались...

Пэт раскипятился, нажал на тормоз, выскочил из кабины грузовика и начал орать в трубку:

- В каком смысле не обслуживается? Два года? Вы хоть представляете, сколько миллионов долларов я потерял из-за того, что люди мне звонили, хотели купить у меня — у меня! —

трубы и не могли оставить сообщения, потому что мой ящик, видите ли, не обслуживается?! Да я на вас в суд подам! Не отвертитесь! Мой ящик два года не обслуживается по вашей вине!

— А... простите, сэр, но я просто оператор, перенаправляю звонки на абонентские ящики, а ваш ящик, сэр, не обслуживается.

— А мне плевать, что вы там делаете! Из-за вас я потерял как минимум десять миллионов долларов, а все потому, что из-за вас мой абонентский ящик два года не принимал никаких сообщений! Десять миллионов долларов, дамочка! Поэтому я подаю на вас в суд.

Она положила трубку.

Пэт продолжал костерить оператора:

— И не смей тут трубки бросать! Я с вас все стрясу!

Наконец Пэт закрыл свой телефон-раскладушку, попинал землю и повернулся к нам с Рустером:

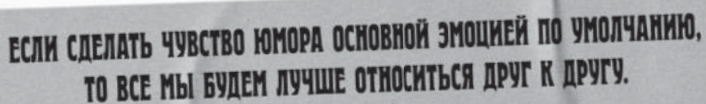
— Нет, вы представляете, какая наглость! Два года мой абонентский ящик не обслуживался! Вот мудак! Я отсужу у них десять миллионов. До Верховного суда дойду, если понадобится!

И тут Рустер задал Пэту вопрос, который явно не приходил тому в голову:

— А ты подумал, братишка, что скажет тебе судья, когда выяснится, что ты два года не проверял сообщения в своем абонентском ящике, а потому и не знал, что он не обслуживается?

Занавес.

Похоже, все мои родственники обожают судиться, вот только не всегда выбирают беспроектные дела.

ЕСЛИ СДЕЛАТЬ ЧУВСТВО ЮМОРА ОСНОВНОЙ ЭМОЦИЕЙ ПО УМОЛЧАНИЮ,
ТО ВСЕ МЫ БУДЕМ ЛУЧШЕ ОТНОСИТЬСЯ ДРУГ К ДРУГУ.

На следующий день Камила, Леви и я раньше срока отправились домой, чтобы заняться одним неотложным делом.

Я твердо уверен, что любые попытки растянуть медовый месяц на всю оставшуюся жизнь заведомо обречены на провал. Я даже больше скажу — это несправедливо по отношению к супругам. Медовый месяц — как 120-ваттная лампочка, яркая, но недолговечная. Любимые вряд ли выдержат, если постоянно возносить их на пьедестал. Если смотреть на любимых как на сверхъестественные существа, то наше отражение в их глазах превращает в сверхъестественные существа и нас самих. И мы оба становимся недостижимыми для полного обладания.

Медовый месяц, как и Голливуд, напоминает мультфильм, прекрасный, но нереальный, далекий от действительности за порогом кинотеатра.

Мы живем в действительности. В ней обитают человеческие чувства. В ней скрываются наши секреты, поражения, страхи, надежды и неудачи. В ней заключено все то, что начинается после финальных титров. В ней настоящая любовь заботится, бо-лит, понимает, спотыкается и поднимает на ноги. В действительности жить нелегко, но мы стараемся изо всех сил.

Двадцативаттная лампочка не осветит дорогу, если воспринимаешь любимую исключительно как Чудо-Женщину, а она считает тебя исключительно мистером Совершенство.

Стоваттная лампочка медового месяца — явление сверхъестественное.

По определению.

Медовый месяц — это начало. Первый раз. Рождение. Поэтому он и называется медовый месяц, а не семейная жизнь. Им невозможно завладеть в полной мере, его невозможно растянуть.

А потом рождается дочь.

Третьего января 2010 года родилась Вида Алвес Макконахи.

Это единственный медовый месяц, который длится всю жизнь.

ЗЕЛЕНый СВЕТ

определи успех для себя

Как-то раз в Новом Орлеане я заглянул в лавочку вуду. Там на полках стояли флаконы с «волшебными зельями», и на каждой полке висела табличка с описанием, для чего это зелье. Плодовитость. Здоровье. Семья. Нелады с законом. Сила. Прощение. Деньги.

Угадайте, на какой полке было пусто? На полке с табличкой «Деньги». Да, деньги сегодня – царь и Бог. Деньги – это успех. Чем больше у тебя денег, тем успешнее твоя жизнь. Верно?

Сегодня деньги служат мерилom даже культурных ценностей. Смирение больше не в моде, оно слишком пассивно. Можно быстро сделать деньги на интернетных аферах, объявить себя великим специалистом во всех областях, не разбираясь ни в чем; получить всемирную известность из-за секс-видео; обрести богатство, славу, власть и даже заслужить уважение, не имея ни малейшего понятия ни о чем. Это происходит каждый день.

Все хотят добиться успеха. Однако же надо задать себе вопрос: что именно ты считаешь успехом? Деньги? Что ж, можно и так. Здоровье? Счастливую семейную жизнь? Помощь другим? Славу? Известность? Душевное спокойствие? Самовыражение? Творчество? Способность сделать мир лучше?

«Что я считаю успехом?» Снова и снова задавай себе этот вопрос. В чем ты преуспеваешь? В чем твоя значимость? Ответ может меняться, но сделай себе одолжение – каким бы ни был ответ, не выбирай ничего такого, что заденет твою душу. Расставь приоритеты: кто ты, кем ты хочешь быть – и не трать время на то, что противоречит твоей натуре. К сладкому быстро привыкаешь, сладкого все время хочется, но если вовремя не остановиться, то можно остаться без зубов.

Жизнь – не состязание в популярности. Дерзни взять высоту, но сначала ответь на вопрос: «Что такое моя высота?»

ПРОШЕЛ ГОД.

Мне предлагали десятки ролей в романтических комедиях. Исключительно роли в романтических комедиях. Из вежливости я читал сценарии, но упрямо придерживался выбранной стратегии и на все предложения отвечал отказом. Вот прямо-таки на все? А какие вообще были предложения?

Ну, один раз мне предложили пять миллионов долларов за два месяца работы. Я прочитал сценарий. Отказался.

Потом предложили восемь миллионов. Отказался.

Потом предложили десять миллионов. Нет, спасибо.

Потом двенадцать с половиной миллионов. Спасибо, как-нибудь в другой раз.

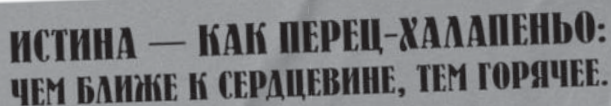
Потом четырнадцать с половиной миллионов.

Гм. Может, повнимательней прочесть сценарий?

Как ни странно, он оказался намного *лучше*. Смешнее, драматичнее и в общем *качественнее* того, который мне предлагали за пять миллионов. Тот же самый сценарий, с теми же самыми словами. Но гораздо лучше предыдущих.

Я отказался.

Если у меня не было возможности делать то, что я хочу, я не собирался делать то, чего не хочу, и не важно, сколько мне за это заплатят.

**ИСТИНА — КАК ПЕРЕЦ-ХАЛАПЕНЬО:
ЧЕМ БЛИЖЕ К СЕРДЦЕВИНЕ, ТЕМ ГОРЯЧЕЕ.**

Мне на выручку приходило чувство юмора, меня поддерживала сильная женщина, а сын и дочь не давали сидеть без дела. Все это помогло мне пережить временный разрыв с Голливудом.

дом. Однако же постоянно приходилось напоминать себе, что моя самоизоляция — разновидность отложенного вознаграждения, что сегодняшнее воздержание — это завтрашняя прибыль, что мой личный протест выгребает мусор из моей души, что я, как говорит Уоррен Баффет, запасаясь соломенными шляпами среди зимы. Но то, что я не работал и не был на виду, сказывалось на моем настроении.

Дело в том, что я ощущаю свою значимость только в работе. За восемнадцать лет я пристрастился к съемкам, как к наркотику, мне нравилось играть роли, и отсутствие работы вызывало своего рода ломку. Каждое предложение сняться в романтической комедии заставляло думать о ролях — о любых, каких угодно, лишь бы получить работу. Стремление к личностному развитию боролось во мне с соблазном делать то, что я и без того считал большой честью, хотя хорошо понимал, как важно для меня, чтобы мое творчество и работа отражали мою жизнь и мою сущность.

ПРОШЛО ЕЩЕ ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ.

Стало ясно, что абсолютно все — киноиндустрия, студии, продюсеры, режиссеры, директора кастинга — уяснили мою позицию, потому что предложений больше не поступало. Никаких романтических комедий. Вообще ничего. Ни одной роли. Где угодно.

Прошло двадцать месяцев с тех пор, как я начал отвергать все роли того типажа, который был у меня в Голливуде.

Герой романтических комедий? Нет.

Парень без рубахи на пляже? Нет. В Остине нет ни пляжей, ни папарацци.

На целых двадцать месяцев я лишил киноиндустрию и зрителей того, что от меня ожидали — привычных, предсказуемых, типических ролей «в образе». Двадцать месяцев я не появлялся на публике. Сидел дома, в Техасе, с Камилой, растил Леви и Виду, занимался садом, писал, молился, навещал старых друзей, проводил время с родными и приходил в себя. В Голливуде знали, чего я не делаю, но не знали, где я. С глаз долой — из мыслей вон. Казалось, обо мне забыли.

добровольные обязательства

В детстве нас учат матери и отцы. Преподаватели, наставники, власти и закон — все дают указания, как жить, устанавливают правила, которые надо соблюдать ради ответственности и порядка.

Я говорю не об этих обязательствах. Я говорю об обязательствах, которые устанавливаешь сам. Обязательства «ТЫ против ТЕБЯ САМОГО». В отличие от установок и ожиданий общества, которые признаешь, соблюдаешь и которые распространяются на всех, эти обязательства основываются на вере; их принимаешь на себя самостоятельно; именно они определяют твой склад ума и характер.

Это твои сокровенные тайны, твой личный распорядок, защитник на суде твоей совести; за то, что ты их исполняешь, тебя не наградят и не похвалят, а если не исполняешь, то никто не осудит, потому что о них никто не будет знать, кроме тебя самого.

Душевное спокойствие — лучшая подушка для честного человека. Каждый вечер ложишься в свою постель, и кто бы в ней с тобой ни спал, во сне ты одинок. Добровольные обязательства — твоя совесть, твой сверчок Джими. Полиция всего мира не сможет обеспечить их исполнение. Это твоя задача.

А потом, почти через два года после того, как я ушел из кинематографа и заявил Голливуду, что я — не типаж, неожиданно и как-то очень внезапно я стал востребован.

Моя анонимность и недавняя безвестность подстегнула творческий импульс. Пригласить Мэттью Макконахи сыграть адвоката защиты в фильме «„Линкольн“ для адвоката» — великолепная мысль. Отдать Мэттью Макконахи заглавную роль в фильме «Киллер Джо» — новаторская идея.

Ричард Линклейтер пригласил меня сняться в «Берни».

Ли Дэниелс предложил главную роль в «Газетчике».

Джефф Николс написал для меня сценарий фильма «Мад».

Стивен Содерберг дал роль в «Супер-Майке».

Сказать «нет», чтобы услышать «да».

Цель притянула стрелу.

Меня помнили, потому что обо мне забыли.

Я перестал быть «типажом».

Меня открыли заново, и настало время перевоплощаться.

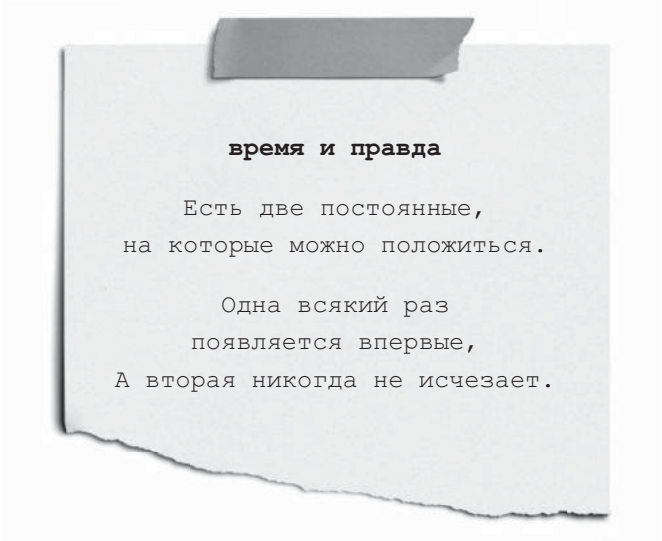
Мою жертву приняли, я пережил ураган.

Я все рассчитал, знал, чего хотел, и был готов к ответу.

Теперь я должен был сказать «да» и перевоплотиться.

К черту деньги. Мне нужно многообразие.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

время и правда

Есть две постоянные,
на которые можно положиться.

Одна всякий раз
появляется впервые,
А вторая никогда не исчезает.

Все наперебой предлагали мне роли, совсем как после успеха фильма «Время убивать».

Разница заключалась в том, что сейчас я знал, какие персонажи и какие фильмы меня интересуют. Я жаждал рискованных драматических ролей, а Камила жаждала, чтобы ее супруг сам проторил себе дорогу.

Мне одновременно предложили роли в фильмах «Газетчик», «Супер-Майк» и «Мад», и мне ужасно хотелось сыграть каждую из них, но график съемок получался необычайно плотным — перерывы между картинками составляли всего несколько недель, а к ролям надо было серьезно готовиться.

— Если выбрать две роли из трех, то у меня будет восемь недель на подготовку, — сказал я Камиле.

— Но тебе же хочется сыграть все три? — уточнила она.

— Да, хочется, но график слишком плотный. Я не успею.

— Если тебе хочется сыграть все три, то дерзни, ухвати себя за яйца и сыграй все три. Ты ж не маленький. Вот увидишь, у тебя получится.

Я так и сделал. И все получилось.

В 2007 году я прочитал сценарий «Далласского клуба покупателей» и сразу же застолбил себе роль главного героя, Рона Вудруфа.

Меня снова привлек образ отщепенца, неудачника, вольнодумца, который делает все для того, чтобы выжить. В данном случае «застолбить» означало, что мне предоставлялся контроль над сценарием и право согласовывать постановщика. До моего двадцатимесячного отпуска режиссеров и продюсеров не интересовал фильм о начале эпидемии СПИДа, да еще и с ромкомовцем Макконахи в главной роли. Даже в начале моего так

называемого Макконессанса* желающих снять картину не находилось. Многие актеры пытались отнять у меня роль, и многие режиссеры хотели снять фильм, но с кем-то другим в главной роли, но я твердо стоял на своем.

В январе 2012 года мой агент сказал мне, что канадский режиссер Жан-Марк Валле прочитал сценарий и хочет со мной встретиться. Я посмотрел его фильм «C.R.A.Z.Y.», который мне очень понравился: в нем сочетались несентиментальный юмор, душевность, бунтарство и глубокая человечность мечтателя. А еще у фильма был потрясающий саундтрек — я до сих пор не пойму, как это удалось при таком небольшом бюджете. В общем, режиссерская подача материала как нельзя лучше подходила для сценария «Даласского клуба покупателей». Мы с Валле встретились в Нью-Йорке и обсудили проект. Я недавно закончил съемки «Супер-Майка» и был в прекрасной физической форме.

— Между прочим, у Рона Вудруфа четвертая стадия СПИДа, — заметил Жан-Марк. — Как ты собираешься играть эту роль, если выступишь так, как сейчас?

— Не волнуйся, сыграю. Не подведу Рона.

Через неделю Жан-Марк Валле согласился стать режиссером фильма. Мы с Жан-Марком и продюсерами Робби Бреннер и Рейчел Уинтер собирались приступить к съемкам в октябре того же года. Я весил 182 фунта, надо было срочно сбрасывать

* А знаете, что это я придумал термин «Макконессанс»? Да-да, честное слово. В 2013 году я был на кинофестивале «Сандэнс» с фильмом «Мад» и дал интервью корреспонденту MTV. Моя карьера уверенно шла на подъем, и я решил, что неплохо бы придумать какой-то девиз, своего рода бамперку. Разумеется, это не должно было исходить от меня.

— Мистер Макконахи, в последнее время у вас вышло много замечательных фильмов: «Киллер Джо», «Берни», «Супер-Майк» и вот сейчас «Мад», — сказал репортер.

— Да, верно. Спасибо. Я недавно давал интервью одному журналисту, и он назвал это Макконессансом, — ответил я.

— Здорово! Макконессанс. Классное слово, надо запомнить, — сказал он.

Эту историю я никогда и никому не рассказывал и сейчас записал ее впервые.

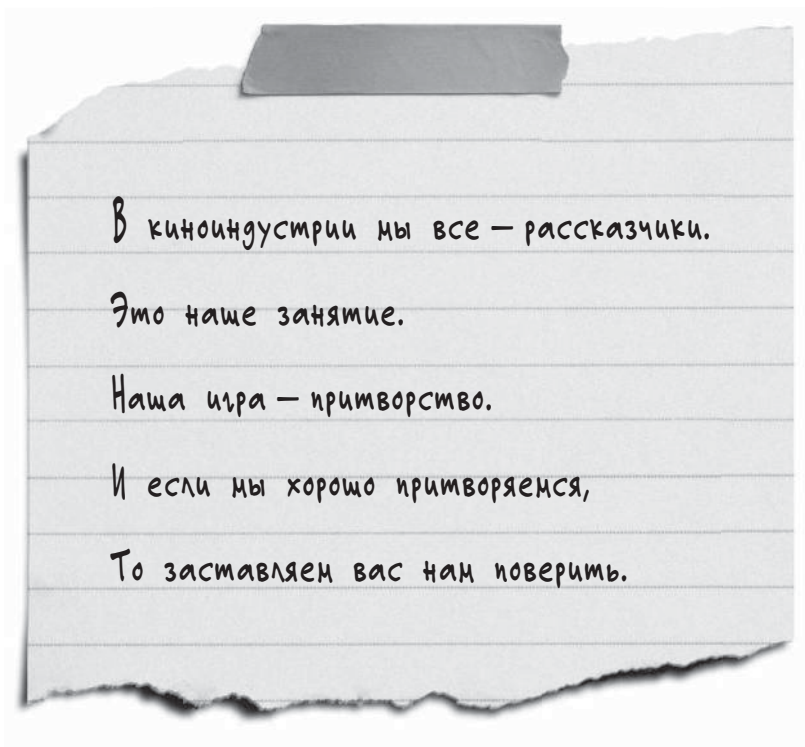
вес. За пять месяцев до согласованной даты я сел на диету: на завтрак — три яичных белка, на обед — пять унций рыбы и чашка овощей на пару, на ужин то же самое, и сколько угодно вина. Каждую неделю я стабильно худел на два с половиной фунта.

Goal 145 lbs.	
9.13.12	156.3
9.14	155.6
9.15	154.2
9.16	153.2
9.17	154.1
9.18	153.2
9.20	155.1
9.21	157.5
9.22	155.7
9.23	155.3
9.24	157.9
9.25	154.6
9.26	154.6
9.27	152.5
9.28	152.3
9.29	152.3
9.30	152.3
10.01	152.0
10.02	151.1
10.03	150.9
10.04	150.1

Когда я весил 157 фунтов и до намеченной цели было еще далеко, мне позвонил Мартин Скорсезе и предложил небольшую роль Марка Ханна, босса Джордана Белфорта (Леонардо Ди Каприо) в фильме «Волк с Уолл-стрит». На съемки эпизода отводилось два дня. Помните, что я говорил о стартовых репликах? Я прочел сценарий. Марк Ханна утверждал, что секрет успешной брокерской деятельности заключается в *кокаине и шлюхах*. Это и стало моей стартовой репликой. Безумец, который верует в подобное, заслуживает, чтобы о нем написали целую энциклопедию. Вот я и стал ее писать. Сценарный эпизод

был совсем небольшим, но я завел безумный монолог нараспев, что-то типа рэпа, и он вошел в фильм целиком.

Скорсезе меня не остановил, а Ди Каприо мне подыграл. А битье себя в грудь и мычание? Так я делал в перерывах между дублями, чтобы расслабиться и поддержать ритм. Леонардо предложил включить это в эпизод.

В киноиндустрии мы все — рассказчики.

Это наше занятие.

Наша игра — притворство.

И если мы хорошо притворяемся,

То заставляем вас нам поверить.

— Осенью мы приступаем к съемкам «Далласского клуба покупателей», — говорил я всем подряд, без разбору.

Как мама, я не ждал разрешения.

— Мэттью, у нас нет денег на съемки. Нет денег! — уверял мой агент.

— Деньги есть, — возразил я. — Осенью приступаем к съемкам.

Я стоял на своем.

И продолжал сбрасывать вес, чтобы достоверно рассказать историю на экране. Во мне осталось 150 фунтов веса, тело ослабело, но рассудок прояснился. Я терял фунты, а взамен обретал живость ума. Я, как и Рон, стал расчетливым, беспристрастным, скрупулезным, вьедливым, педантичным и взыскательным. Спал я на три часа меньше обычного, мог пить вино до двух часов ночи, а в четыре утра просыпался без будильника и работал со сценарием. Я вошел в образ, роль меня вдохновляла, и я ее обожал. К сожалению, хотя я ощущал моральный подъем, как перед решающей, седьмой игрой Мировой бейсбольной лиги, физически дела обстояли хуже: из-за резкого похудения я утратил либидо.

Автор сценария Крейг Бортен передал мне десяток магнитофонных кассет с записями разговоров Рона о создании и работе клуба покупателей лекарственных препаратов против СПИДа. Я слушал их постоянно, запоминая интонацию и ритм голоса Рона, его напускную храбрость и уязвимые стороны. На одной из кассет Рон и еще какой-то мужчина разговаривали с двумя женщинами. В разговоре звучали отчетливые нотки сексуального характера, и ясно было, что все четверо недавно занимались сексом — друг с другом. «Но как? — подумал я. — У Рона же четвертая стадия СПИДа. Не может быть... Хотя... ну конечно же, у них у всех СПИД». Это было дико, рискованно, но такова правда жизни. Я предложил Жан-Марку послушать кассету и спросил:

— А можно как-нибудь перенести это на экран?

— Ох, это так прекрасно и печально! — вздохнул он. — Даже не знаю, получится ли сделать так, чтобы не выглядело отталкивающе.

Больше мы об этом не упоминали, но, как выяснилось впоследствии, он не забыл нашего разговора.

Я навестил сестру и дочь Рона Вудруфа в небольшом городке неподалеку от Далласа. Они приняли меня радушно, с верой

в то, что я воздам должное их брату и отцу. Мы смотрели старые видеозаписи — Рон с семьей, на отдыхе, в хеллоуиновском наряде. Родственники ничего не скрывали и честно отвечали на все мои вопросы о том, каким был Рон.

Его сестра обняла меня на прощание и спросила:

— А хотите почитать дневник брата? Рон его вел много лет.

— С удовольствием, — ответил я.

Если видеозаписи давали возможность увидеть Рона со стороны, то дневник раскрыл его внутренний мир и стал ключом к душе Рона. Из дневника стало ясно, кем был Рон одинокими вечерами. Именно дневнику он поверял все свои мечты и страхи. А теперь о них узнал и я. Я открыл для себя Рона через его дневник — и то, кем он был после того, как заразился ВИЧ, и то, кем он был до того. По вечерам он лежал в постели, покуривая косячок и рисуя каракули в своем блокноте. Там встречались такие записи:

«Надеюсь, завтра Том и Бетти Уикмен подтвердят заказ на установку динамиков JVC. До их дома 42 мили езды, значит потрачу 8 долларов на бензин туда и обратно и 6 долларов за кабель для динамиков. За установку я прошу 38 долларов, то есть у меня будет 24 доллара прибыли. Здорово! А после этого заеду в „Соник“, за двойным чизбургером и за Нэнси».

На следующее утро он проснулся, отгладил свою единственную пару брюк и рубашку с коротким рукавом, вставил новую батарейку в пейджер и выпил вторую чашку кофе, готовясь заработать свои 24 доллара. И тут на пейджере высветился номер Тома и Бетти. Они не подтвердили заказ, объяснив, что нашли другую компанию, которая берет за установку дороже, но предоставляет гарантийное страхование своей работы. Рон расстроился и записал в дневнике: «Черт возьми». Потом курнул травки и все равно поехал в «Соник». Там он купил чизбургер — обычный, не двойной — и стал заигрывать с Нэнси Блэнкеншип, которая ему очень нравилась, особенно когда подъезжала на роликах к его машине и улыбалась щербатой улыбкой.

ДЕРЗНИ ВЗЯТЬ ВЫСОТУ

«Мое счастливое число 16», — писал он в дневнике.

Как выяснилось, 16 было номером комнаты в дешевом отеле по соседству, где Рон с Нэнси иногда трахались. Поэтому число было счастливым.

Рон изобретал всякую всячину, но никогда не оформлял патентных заявок. Он составлял планы, но редко воплощал их в жизнь. Он был мечтателем, и ему ужасно не везло.

Тем временем Жан-Марк Валле и продюсеры готовили съемочную группу, подбирали актеров и искали площадки в Новом Орлеане. Они не ждали разрешения. Они стояли на своем. Однако же для съемок фильма нужны деньги. Названный нами срок неумолимо приближался. Все считали, что мы блефуем. Мы не блефовали. Я продолжал сбрасывать вес.

05 - 150.3	16) 147.5	26 th - 146.0
06 - 149.4 — UT - WV Game	17) 148.5	27 146.0
07 152.3	18) 147.9	28 147.3
08 151.4	19) 148.9	29 144.8
09 150.9	20) 146.9	30 143.4
10 150.1	21) 147.9	31 144.4
11 149.4	22) 148.8	1 144.6
12 151.9	23) 149.4	2 145.2
149.4	24) 148.5	3 145.5
148.8	25) 147.7	4 144.6
147.4		5 145.2
		6 144.3
		7 142.0

— Съемки начинаются в Новом Орлеане, первого октября! — объявляли мы всем подряд.

В конце концов нам поверили. Кто-то поверил в нас и вложил в фильм 4,9 миллиона долларов. Планировалось, что бюджет фильма составит 7 миллионов, но для начала хватало и этого. За восемь дней до начала съемок в Новом Орлеане мне позвонил Жан-Марк.

— Не знаю, что у меня получится. Семь миллионов — необходимый минимум. Но если ты с первого дня будешь на съемочной площадке, то и я с первого дня буду на съемочной площадке, а там уж как выйдет. Сделаем, сколько сможем.

Мы оба с первого дня были на съемочной площадке.

Спустя несколько недель после начала съемок Жан-Марк сказал мне:

— Знаешь, я тут вспоминал ту кассету, на которой Рон рассуждает о женщинах, и у меня возникла мысль. В сценарии есть эпизод, когда дела Рона идут на подъем. Из своего «офиса» в номере мотеля он видит покупателей, которые приходят за лекарствами от СПИДа. Одна женщина ему сразу нравится, и он спрашивает секретаршу, больна ли эта посетительница. «Да, у нее СПИД», — отвечает секретарша. А потом Рон и эта женщина трахаются в душевой кабинке. Ну, такая жажда жизни.

— Очень правдоподобно. А ты сможешь сделать так, чтобы не выглядело отталкивающе? — спросил я.

— Смогу, — ответил он.

Действительно, эпизод вышел замечательный — человечный, трогательный и очень смешной. Рон с покупательницей трахаются в душевой кабинке, а за перегородкой, в офисе все это слышат и обмениваются удивленными взглядами и понимающими улыбками. В комизме скрыта человечность. Жан-Марк не знал, как сделать так, чтобы не выглядело отталкивающе, и в результате снял прекрасный эпизод.

ДЕРЗНИ ВЗЯТЬ ВЫСОТУ

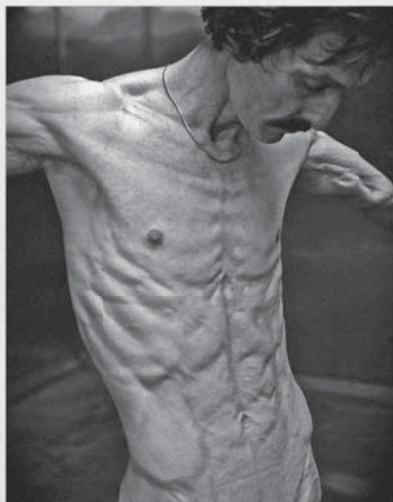
Фильм «Далласский клуб покупателей» мы сняли за 25 дней
и за 4,9 миллиона долларов.

Мы не ждали разрешения.

Мы стояли на своем.

Мы взяли высоту.

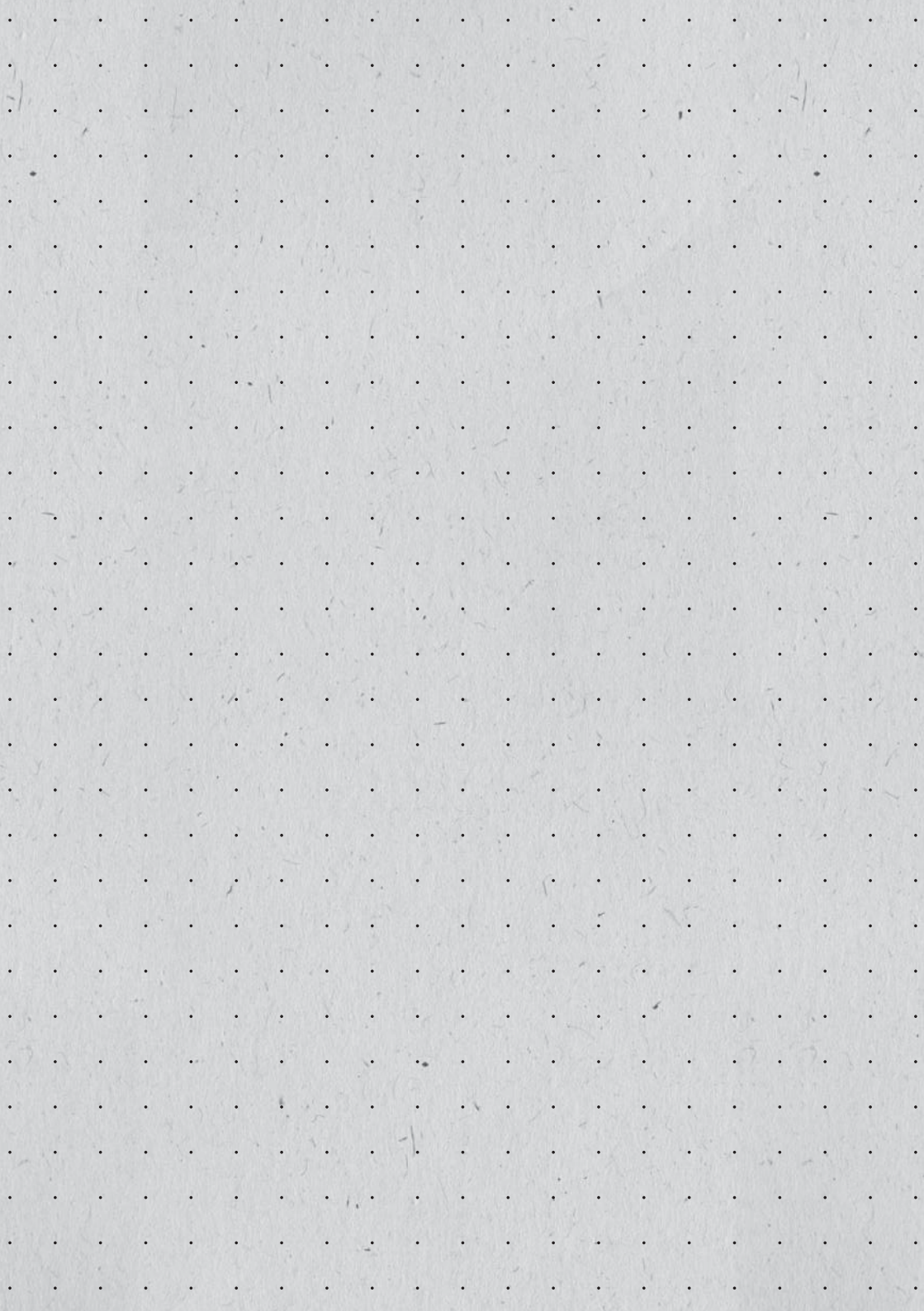
Я весил 135 фунтов.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Часть восьмая

**ЖИЗНЬ
КАК НАСЛЕДИЕ**

2011 г., 7 НОЯБРЯ

— А ПОЧЕМУ МАМА НЕ МАККОНАХИ? — спросил мой сын Леви, любознательный, как все трехлетки.

— Как это? — не понял я.

— Ну вот я — Леви Макконахи. Вида — Вида Макконахи. А мама — Камила Алвес. Почему у нее другая фамилия?

Поразмыслив, я ответил:

— Потому что мы еще не женаты.

— А почему? — спросил он.

Если у вас есть дети, то вы знаете, что иногда они задают такие вопросы, на которые *обязательно* отвечать с умом, потому что наши слова запомнятся на всю жизнь. Вот и этот вопрос был из таких.

— Очень хороший вопрос, — сказал я. — Я хочу жениться на маме. Но мне это *не то чтобы необходимо*. Если я женюсь на маме, то должен чувствовать, что мне это *необходимо*. Я не хочу этого делать, потому что *так положено* или потому что я *просто этого хочу*. Я хочу сделать это тогда, когда почувствую, что это *необходимо*.

— Ты боишься, да? — спросил он.

Вот еще один вопрос из тех же. И я — как на суде. Очевидно, мой трехгодовалый сын унаследовал мои способности вести дебаты и устраивать перекрестный допрос. Я снова задумался.

— Да, немного.

— А чего ты боишься?

— Потерять себя, — ответил я.

На следующий день я пошел к пастору.

Мы беседовали о священном институте брака и о том, как преодолеть мои страхи. Пастор говорил о таинстве бракосочетания, о союзе людей, которым суждено быть вместе, о том, что совместная жизнь — рискованная затея, но не лишает человека индивидуальности, а, напротив, питает и озаряет его. О том, как те, кто вступает в супружеский союз, становятся единым целым и что в браке не теряешь часть себя, а, наоборот, расширяешь границы своего «я». Давая обет Господу, супруги фактически утрачивают свои личности. Три сущности — жена, муж и Бог — в единении становятся единоклубными. $1 \times 1 = 3$. Такое вот мистическое умножение.

— Брак требует смелости и жертв, — сказал пастор, а потом поставил меня перед выбором: — Мэттью, что для тебя представляет больший риск: ваши теперешние отношения или супружеская жизнь?

Я воспринял это как вызов и стал над ним размышлять. Несколько недель я обсуждал проблему с пастором, с братом и с теми из моих знакомых, кто вел счастливую семейную жизнь. Вскоре я впервые дерзнул взглянуть на брак не как на конечную цель, а как на новое приключение, как сознательный моральный выбор единого духовного роста вместе с женщиной, с которой я и без того хотел провести весь свой век. С ней, единственной, я мечтал встретить свой восемьдесят восьмой день рождения.

Я впервые осознал, что брак — нечто большее, чем библейское наставление и требование закона, за соблюдение которого я *обязан* отвечать. Я ощутил *внутреннюю необходимость* жениться на Камиле.

В 2011 году, в Рождество Христово, я преклонил перед ней колена и попросил ее руки.

Она согласилась.

Но дня свадьбы мы не назначили.

когда просто сожительствуешь,
то живешь ради настоящего.

когда вступаешь в брак,
то живешь ради будущего.

Лили Фини Занук

Камила совершенно не похожа на мою маму, но в мае 2012 года, спустя пять месяцев после того, как я сделал ей предложение, она поступила со мной точно так же, как мама поступила с отцом. С одной лишь разницей.

Она вручила мне приглашение на нашу свадьбу.

— Хорошо, — сказал я. — А когда?

Она протянула мне еще один снимок УЗИ.

— У нас будет третий ребенок, но я не хочу стоять с брюхом перед алтарем в день свадьбы.

На свадьбу мы пригласили восемьдесят восемь самых близких друзей и родственников и разбили во дворе сорок четыре палатки, чтобы дать гостям приют на три дня гуляний. Меньше чем через месяц, 13 июня 2012 года, Камила Араухо Алвес стала Камиллой Алвес Макконахи.

Мы венчались по католическому обряду. Церемонию проводили брат Кристиан из монастыря Христа в Пустыне и наш пастор Дейв Хейни, Джон Мелленкамп играл псалмы, а жрица кандомбле благословила нас по ритуалу афробразильской магии.

После свадьбы мой брат Рустер заявил:

— Братишка, по-моему, все прошло не хуже, чем в раю.

Тем вечером, у алтаря, Камила посмотрела мне в глаза и сказала:

— Мне не надо ничего, кроме того, что ты готов мне дать.

Тем вечером я женился на женщине своей мечты. Единственной и лучшей на земле. Она русалка.

Меня больше ничего не пугало, и, отправившись в погоню за новыми тайнами, я всецело предался преданности и впервые в жизни осознал, что даже если споткнусь, то не упаду. Я понимал, что перед нами обязательно возникнут трудности, потому что супругам всегда есть над чем работать. Я больше не гоняюсь за бабочками, потому что мы с Камилой ухаживаем за садом и бабочки слетаются к нам сами.

Моей маме больше не нужны корректорские белила.

А у Леви стало одним вопросом меньше.

З Е Л Е Н Ы Й С В Е Т

Я знаком с двумя Ливингстонами. И на одного и на другого я обратил внимание издалека, примерно так же, как когда заметил Камилу в клубе. Я воспринял их как впечатления. Оба были сильными, прямодушными и уверенными людьми, которые вели себя с достоинством и сдержанным благородством. Такой необычный типаж: днем лесоруб, а вечером — дирижер симфонического оркестра. Оба — ренессансные личности, постигшие искусство жить. В дальнейшем я познакомился с ними поближе и выяснил, что первое впечатление меня не обмануло — такими они и были.

А теперь мне хотелось познакомиться с третьим.

В 07:43 утра 28 декабря 2012 года родился Ливингстон Алвес Макконахи.

З Е Л Е Н Ы Й С В Е Т

Я жил полной жизнью. Женат. Отец троих детей (как и мой отец). Я черпал вдохновение отовсюду — теперь не из мыслей, а из истин. Я не кичился своим успехом, но был в него вовлечен; хотел того, в чем нуждался, и нуждался в том, чего хотел. Успех меня отрезвлял; мне так нравилось быть в своей компании, что прерывать удовольствие я не собирался.

Чем ближе я к божественности,
тем больше чувствую себя обманщиком...

Наверное, это потому, что мне
все еще нужно учиться выигрывать.

Мне предложили одну из главных ролей в телевизионном сериале «Настоящий детектив» на канале Эйч-би-о. Сценарий Ника Пиццолато был таким живым и правдоподобным, что страницы чуть ли не кровоточили. Меня не смущало, что это сценарий для телевидения, а не для большого экрана, потому что и сюжет, и персонажи были выписаны четко и объемно. Мне предложили роль Мартина Харта, но я хотел сыграть Растина Коула. Для меня он стал самым лучшим детективом на свете.

Я лихорадочно листал страницы, чтобы поскорее узнать, что он скажет дальше. Коул, человек-остров, с благоговейным страхом относится к смерти и в то же время жаждет освобождения, которое она дарует. Он неустанно ищет истину, какой бы горькой она ни оказалась. Я трепетал и покрывался холодным потом при мысли об этом персонаже.

— Если дадите мне роль Растина Коула, я согласен, — ответил я на предложение.

Спустя несколько дней, обдумав мой неожиданный запрос, Ник Пиццолато, режиссер Кэри Дзедзи Фукунага и продюсеры утвердили меня на роль Растина Коула. Мой давний приятель Вуди Харрельсон согласился сыграть Марти Харта. По счастью, у него больше не было ролей, которые вдохновляли зрителей на убийство.

Мы с семьей собрались и переехали в Новый Орлеан, где шесть месяцев снимали сериал.

Я всегда любил этот город-полумесяц. Может, потому, что здесь вырос мой отец, и мы всегда приезжали в гости к его маме на праздник благословения промысловых креветочных флотилий. А может, потому, что здесь снимались четыре из пяти моих недавних фильмов. Или потому, что если надо узнать, в хорошем или в плохом районе ты остановился, местные объяснят своим характерным напевным говорком:

*«Видите ли, сэр, в любом хорошем есть капелька плохого,
а в любом плохом — капелька хорошего»*

Здесь я всегда чувствовал себя как дома.

Места — как люди. У каждого есть своя индивидуальность. В своих путешествиях по миру я записывал в дневник свои впечатления о культуре и индивидуальности мест, в которых побывал. Я всегда пишу любовные послания тем местам и людям, которые затрагивают глубины моей души. Таким местом стал для меня Новый Орлеан.

Дорогой Новый Орлеан!

Ты – огромный восхитительный кавардак. Гигантский мигающий желтый сигнал светофора: будьте осмотрительны, но двигайтесь вперед.

Ты не честолобив, но у тебя сильный характер. Ты не ищешь интриг, развития или признаков прогресса. Ты знаешь свой вкус – он твой и только твой и, если чужаки хотят его распробовать, ты гостеприимно принимаешь их, но ничего им не навязываешь.

Время в тебе струится медленно, вторники не отличаются от суббот, как в других городах, а времена года плавно перетекают из одного в другое. Ты – Большой повеса... дом самого короткого похмелья на свете, где выпивка встречает тебя в понедельник утром с той же улыбкой, что и в субботу вечером.

Ты – дом парадного крыльца, а не черного хода.

Эта изумительная архитектурная особенность сплотила твоих жителей воедино. Ты отдыхаешь, разглядывая улицы и соседей в домах напротив. Ты не уединяешься на заднем дворе, ты вовлечен в круговорот всего, что происходит вокруг, у парадного крыльца. Частные владения радушно раскрывают друг другу свои границы, а в девять утра тебя будит колокольный звон в церквях, полицейские сирены и плотники, которые за восемь долларов в час медленно чинят оконную раму двумя этажами ниже.

Тебя не волнуют подробности и мелкие провинности, ведь выкрутиться удастся каждому, поэтому все остальные просто хотят быть на стороне победителя. А если ты плутуешь, то этого и следует ожидать, потому что ты любишь азартные игры, а правила для того и созданы, чтобы их нарушать, и не надо читать наставлений, терпи. Здесь торгуют вразнос отправлением всевозможных обрядов и судебными тяжбами, а мертвые спят лицом к лицу с живыми.

Ты – город с правым полушарием мозга. Здесь опасно тыкать всем в лицо своими моральными принципами, можно и сдачи получить. Здесь от влажной жары плавится мозг, поэтому, переходя улицу с односторонним движением, лучше смотреть в обе стороны.

Здесь всем заправляет Мать-Природа, царица естественных законов, наука для зверей, а для двуногих – властная и безжалостная сука. Но ее быстро прощаешь, потому что на пренебрежение она отвечает новой вспышкой гнева: невезение, вуду, карма. Поэтому ты и принимаешь все как есть, медленно ползешь вперед, преодолеваешь трудности, не обращая внимания на мелочи. Твое искусство – в твоём беспорядочном росте. Здесь коронована Мать-Природа, здесь правит ее величие, но, в отличие от Англии, здесь у нее есть и сила, и власть.

Но тебе не нужен пылесос. Нет, ты предпочитаешь метлу и грабли, чтобы привести себя в порядок. Как упало, так и лежит, колдобины можно объехать, под ветвями можно пройти, пригнувшись, нищета, уровень преступности – все это есть как есть и как вышло. Ты – как суп гамбо, потому что в тебе намешано всего.

7 июня 2013 г., Новый Орлеан, штат Луизиана.

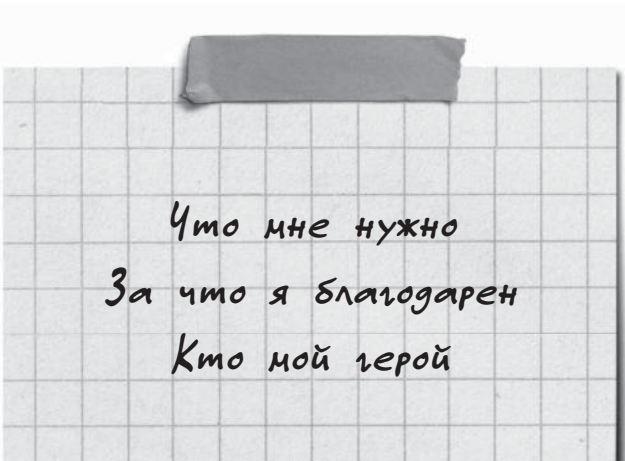

Сериал «Настоящий детектив» мы с Камилой смотрели каждое воскресенье, как и все телезрители. Разумеется, у меня была возможность посмотреть все серии сразу, но я решил, что надо смотреть его в задуманном формате — по одной серии в неделю, чтобы в понедельник обсуждать его с друзьями и знакомыми, чтобы предвкушать следующую серию. «Настоящий детектив» стал — и остается — моим любимым телесериалом.

Показ сериала по времени совпал с рекламной кампанией фильма «Далласский клуб покупателей» — шло номинирование фильмов на премию Американской академии кинематографических искусств. Сейчас я понимаю, что моя работа в «Настоящем детективе» заслужила нечто вроде премии самому ценному игроку, в результате чего меня номинировали на премию за лучшую мужскую роль в «Далласском клубе покупателей». Серии «Настоящего детектива» были еженедельной рекламой, которую ни за какие деньги не купишь. Каждое воскресенье миллионы телезрителей смотрели на Расти Коула, а на следующий день видели мое же лицо на афишах «Далласского клуба покупателей».

Роль Рона Вудруфа принесла мне несколько премий за лучшую мужскую роль: меня наградили и «Выбор критиков», и «Независимый дух», и Гильдия киноактеров США. Не было лишь самой главной — премии Американской академии.

Я не заготовил благодарственной речи — плохая карма, — но составил небольшой список того, о чем мне хотелось бы упомянуть, если со сцены объявят мое имя.

Что мне нужно
За что я благодарен
Кто мой герой

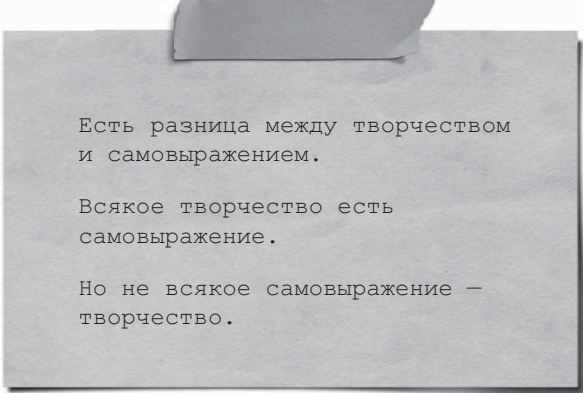

Мое имя объявили.

Я удостоился «Оскара» за лучшую мужскую роль.

Эта награда, величайшее подтверждение актерского мастерства, была для меня большой честью. А еще она подтверждала, что мой выбор ролей и фильмов также свидетельствует о моей приверженности кинематографу. Я не работаю спустя рукава.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Есть разница между творчеством
и самовыражением.

Всякое творчество есть
самовыражение.

Но не всякое самовыражение —
творчество.

Потом я снялся у Кристофера Нолана в «Интерстелларе»; у Гаса Ван Сента в «Море деревьев»; у Гэри Росса в «Свободном штате Джонса»; в «Золоте» Стивена Гейгана; в фильме Яна Деманжа «Белый парень Рик»; в «Море соблазна» Стивена Найта; в «Пляжном бездельнике» Хармони Корина и в «Джентльменах» Гая Ричи. Для моих детей я озвучил роли в нескольких мультфильмах: «Кубо. Легенда о самурае» Трэвиса Найта, а также «Зверопой» и «Зверопой-2» Гарта Дженнингса. А еще я стал преуспевающим продавцом автомобилей, рекламируя «Линкольн», и креативным директором по рекламе бурбона «Уайлд төрки».

Все персонажи и создания, которые мне хотелось понять, отобразить и воплотить.

Все сюжеты и истории, которые казались мне поразительными, оригинальными и заслуживающими внимания.

Все, пережитое мной.

И все это — с минимальными кассовыми сборами. Что-то не ладилось. Не передавалось. Я зазывал зрителей, но в зале оставалось много пустых мест.

Почему? Из-за меня? Из-за сюжетов? Из-за самих фильмов? Из-за дистрибьюторов? Простое невезение? Или времена меняются?

Я не знаю. Наверное, всего понемногу.

Отсутствие кассовых сборов не угасило моей любви к актерскому мастерству. Наоборот, я старался еще больше. Мне нравилось играть роли. Нравилось творить. Нравилось входить в образ, чтобы потом выйти из него. Нравилось глубоко погружаться в роль, чтобы понять персонажа изнутри. Мне нравилась работа, процесс, конструирование, архитектурное выстраивание характера. Нравилось, что моя жена даже не пытается меня разуверить, когда я заявлял, что каждая моя роль — самая последняя в моей жизни. Я обожал играть роли.

Обожал до такой степени, что в конце концов заметил: роли, которые я играл, и фильмы, в которых я снимался, ощущались правдоподобнее меня самого и *моей собственной жизни*. Я больше не был аниматором, я был актером. Артистом. И меня это удовлетворяло. Я жил карьерой. Неистойвой. Необузданной. Незаурядной. Бурной. Играя роли, я смеялся громче, плакал горше, любил сильнее, презирал глубже и чувствовал больше, чем ощущал это в своей жизни.

Тогда я сказал себе: «Ты вывернул сценарий наизнанку, Макконахи. Теперь чаша твоих весов чересчур накренилась в другую сторону».

Зачем молиться?

Пора трезво подвести итог.

Поглядеть с высоты на себя,
на любимых, на род человеческий.

Пора с улыбкой принимать благодать,
сдерживать себялюбивые порывы.

Обнимать тех, кто нуждается в сочувствии,
мысленным взором видеть их по-настоящему,
теми, кто они есть,

как памятное фото

тех, кого знаешь и любишь,

запечатлевшее их настоящих.

Не в счастье, не в гордыне,

не в горести, не в задумчивости,

а такими, которых видишь, когда,

без рисовки и нарочитости,

в них сияет внутренний свет,

и наконец видишь и себя таким же,

прежде чем произнести: «Аминь».

Когда ты тот, кто ты есть, и больше никто.

В фильмах я был *живее*, чем в жизни.

Истории, разыгрываемые мной, выглядели живее, чем моя жизнь.

Впечатления в зеркале.

Пришло время что-то менять.

И я составил план.

Пора избавиться от фильтров. Пора превратить свою жизнь в любимый фильм. Быть своим любимым героем. Написать свой собственный сценарий. Стать его режиссером. Изобразить свою биографию. Документальный фильм про себя самого. Не беллетристика. Живая трансляция, не запись. Пора поймать героя, за которым я гонюсь всю жизнь, проверить, растопит ли солнце воск моих крыльев, или жар светила иллюзорен. Надо жить свое наследие. Хватит играть роль. Надо быть собой.

Я собрал все записи, которые вел тридцать пять лет из своих пятидесяти, и увез их в пустыню, чтобы проверить их рассудительность, чтобы заново ознакомиться с ними и критически оценить, разумно ли я вложил в себя.

Две недели я провел в пустыне, где был зачат, две недели — на реке, где научился плавать, две недели — в хижине посреди соснового бора в Восточном Техасе, три недели — в мотеле на границе с Мексикой, а потом на две недели заперся в нью-йоркской квартире.

И в каждом из этих мест я глядел себе в глаза. Пристально рассматривал все пятьдесят лет своей жизни. Очень страшно, когда оказываешься наедине с тем, кто за все это в ответе. С единственным, от кого мне никогда не избавиться. Я опасался, что мне не понравится то, что я увижу. Я знал, что хлынет кровь.

И она хлынула.

Я смеялся. Я рыдал. Я боролся. Я давал зароки.

И прекрасно провел время в самой прекрасной компании на свете.

друзья

Пока ты здесь,
где веришь больше, чем знаешь,
нравится добиваться желаемого.
Не нужно ни на кого оглядываться,
когда сам себе советчик,
когда пишешь свою книгу
и ты в ней — главный герой,
который идет к недостижимой
финишной черте,
где становишься другом
с самим собой.

И вот я, пятидесятилетний, рассматриваю прошлое, чтобы увидеть будущее.

О чем это все? В чем мой посыл? Где эпилог? Где подведение итогов? Где заключительные комментарии? Что я усвоил? Что я знаю?

Я, антрополог-любитель, доморощенный философ и уличный поэт-правдоискатель, я следовал за знаками свыше, отыскивал между ними связи, слышал голоса и гонялся за снами в действительности.

Я брал взаймы, заигрывал, увлекался, заводил интрижки и гонялся за бабочками до изнеможения, лишь точки и никаких остановок на дороге моей жизни к тому, кем я стал. Я обрел и собственность, и закон, и связи, и карьеру, жену и семью, и как только я что-нибудь обретал, то бросал якорь. Я ухаживал за их

садами, и они расцвели пышным цветом, и заученные уроки воплотились в жизнь, знание стало действием, актерская игра — существованием. И тогда бабочки начали прилетать в мой сад.

Эту книгу я написал, чтобы быть в ответе за написанное. Эту книгу я написал, чтобы вы могли судить обо мне и напомнить мне о том, что я забыл. Я не раз возвращался к прошлому и его урокам — усвоенным, повторенным и пройденным заново. Я заметил, что осознание происходит быстро, обучение требует времени, а самое трудное — просто жить. Я нашел себя именно там, где я себя оставил.

В первые двадцать лет своей жизни я научился ценить ценности. Дисциплина и любовь научили меня уважению, ответственности, творчеству, мужеству, терпению, честности, служению, добродушию и жажде приключений. Некоторые сочтут определенные способы моего обучения насильственными, но я воспринимаю это как проявления суровой и справедливой любви и ничуть не жалею о порках, потому что так родители внушили мне ценность ценностей. И я им за это благодарен.

Два последующих десятилетия моей жизни были полны противоречий. В эти годы я избавлялся от тех условностей и истин, которые были мне не по нутру. Для меня ценность этого традиционного периода заключается в том, что я еще в молодости оградил себя от нежелательных привычек и черт характера. В те годы меня больше беспокоило, как бы не проскочить на красный, а не то, как создавать себе **зеленый свет**. Я делал, что хотел. Я научился жить. Я выжил.

После сорока я начал активно использоваться заученными истинами и применять их в деле. В те годы я сознательно рисковал своей карьерой и удваивал ставки. Ценность этого либерального периода для меня заключается в том, что он подчеркнул силу моего характера. Я не только двигался по зеленой волне, потому что избавился от красных и желтых сигналов, но и создавал для себя **зеленый свет**. В те годы все красные и желтые сигналы прошлого наконец-то стали зелеными, бывшие тяготы и невзгоды превратились в удачу и везение, а **зеленый свет** засиял ярче, потому что я питал его своей энергией. Я делал то, что мне было необходимо, я жил, чтобы учиться. Я процветал.

Теперь, начиная следующую главу истин, я знаю наверняка лишь одно: я снова пересмотрю себя и семья будет для меня центром моих дальнейших действий. Будучи отцом, я часто противоречу сам себе и знаю, что часто поступаю вопреки собственным наставлениям, но я хорошо усвоил, что, если наставление верно, о нем нельзя забывать, а наставник заслуживает прощения, если он забыл о нем сам.

Я надеюсь дать своим детям возможность найти любимое занятие, приложить все усилия, чтобы преуспеть в нем, и стараться достичь высот в избранном деле. Я хочу закрыть им глаза не на суровую правду, а на лживые фантазии, которые лишат их способности жить в реальности завтрашнего дня. Я верю, что они с этим справятся.

Очень трудно отыскивать естественные закономерности и постоянные черты в жизни, но когда у тебя появляются дети, то никакие интеллектуальные обсуждения и философские дискуссии не объяснят, как именно их надо любить, защищать и направлять. В этом помогает лишь родительский инстинкт, который срабатывает раз и навсегда, как и родительская ответственность. Это великая честь. Это **зеленый свет**.

В начале года, когда я завершал работу над книгой, мою и вашу жизнь остановил красный свет COVIDa-19. Это вмешательство в нашу жизнь стало неизбежностью. Нам пришлось сидеть дома, соблюдать дистанцию общения, носить защитные маски, не ходить на работу. Мы теряли родных и любимых, нас увольняли, и мы не знали, когда все это кончится. Нам было страшно. Мы озлобились. Всем нам пришлось чем-то жертвовать, резко сворачивать с пути, упорствовать и смиряться. Пришлось менять отношение.

Трагическое начало 2020 года сменилось еще одним красным сигналом светофора: убийством Джорджа Флойда. И это вмешательство в нашу жизнь вскоре тоже стало неизбежностью. Начались протесты, грабежи, бунты, страх и возмущение. Ужасающе несправедливое убийство привело к революции социальной справедливости в США и во всем мире. Оно осветило жуткую личину расизма и напомнило, что не могут быть важны ВСЕ ЖИЗНИ без того, чтобы были важны и ЖИЗНИ

ЧЕРНЫХ. Всем нам пришлось чем-то жертвовать, резко сворачивать с пути, упорствовать и смиряться. Пришлось менять отношение.

Оба этих красных света заставили нас всмотреться в себя, в буквальном смысле слова изолировали, чтобы в душе мы смогли отыскать выход. Мы критически осмыслили свои жизни и свое место в них — что нас волнует, каковы наши приоритеты, что для нас важно. Мы лучше узнали своих детей, своих родных и близких и сами себя. Мы читали, писали, молились, плакали, слушали, кричали, высказывались, митинговали, помогали тем, кто в нужде. Но намного ли мы изменились в нужную сторону — в сторону добра — и надолго ли?

Для тех, кто выжил, весьма относительно то, как и когда станет ясно, принесли ли наши страдания и лишения хоть какую-то выгоду. Но если каждый из нас приложит усилия к тому, чтобы воплотить изменения, необходимые для создания справедливого будущего, то красный свет 2020 года в один прекрасный день, в зеркале заднего вида жизни, неизбежно вспыхнет зеленым, и, может быть, будущие поколения назовут его решающим, переломным моментом для человечества.

Я с уважением отношусь к моральным ценностям, внушенным моими родителями, я много путешествовал по свету и ценю культуру и культуру ценностей. А еще я верю в ценность честного труда. Я твердо уверен в том, что для нас самих и для нашего общества в целом лучшим путем является тот, что ведет к повышению ценностей и компетентности. В прошлом году я стал «министром культуры» Техасского университета, и в мои обязанности входит поддержание, пропаганда и распространение культуры компетентности и общечеловеческих ценностей в городах, организациях, учебных заведениях и спортивных клубах. Общечеловеческие ценности существуют независимо от политических и религиозных убеждений и являются не только принципами, с которыми согласны все, но и представляют собой этический фундамент, способный объединить людей. Если быть компетентными в ценностях и ценить компетентность, то легко создать ценное сообщество, а значит, получить больший возврат на наши вложения в нас самих.

Так что эта книга написана еще по одной причине. Надеюсь, книга будет вам полезна, чему-то научит, вдохновит, рассмешит, напомнит или поможет забыть, а также даст возможность продвинуться по пути саморазвития. Что касается меня, искусство жизни я освоил далеко не на «отлично», но я не сдаюсь. И да, для меня компетентное «удовлетворительно» дороже невежественного «отлично».

Я всегда верил, что наука удовлетворения заключается в том, чтобы научиться, как и когда бороться с трудностями, которые возникают в нашей жизни. Если умеешь делать погоду, свисти по ветру. Если попал в бурю, молись об удаче и терпи. Шрамы были, есть и будут у всех. Поэтому вместо того, чтобы бороться со временем и тратить его зря, лучше устроить танцы со временем и возместить его, ведь оттого, что стараешься не умереть, дольше не проживешь. А вот когда занят жизнью, то живешь дольше. Я лавировал сквозь бури своей жизни и менял отношение к неизбежному. В этом — мой секрет успеха.

Мы живем, меняя отношение. Жизнь — наш послушной список. Мы рассказываем эту историю, а наш выбор пишет в ней главы. Можно ли жить так, чтобы предвкушать возможность оглянуться на прошлое?

Неизбежно мы умрем. Надгробное слово произнесут другие, другие расскажут нашу историю, и такими мы и запомнимся, когда уйдем.

У души есть цель: начать, памятуя о конце.

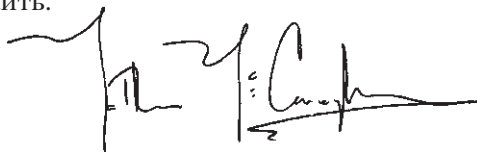
А у вас какая история?

У меня пока — вот такая.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Пусть он встречается вам почаще.

Просто продолжайте жить.

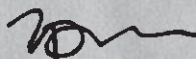
A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Mattie MacConachie', with a stylized flourish at the end.

МЭТТЮ МАККОНАХИ

01.09.92

10 ЦЕЛЕЙ В ЖИЗНИ

- 1) стать отцом
- 2) найти и удержать свою женщину
- 3) поддерживать отношения с Богом
- 4) искать лучшего себя
- 5) быть эгоистичным и прагматичным
- 6) идти на риск
- 7) быть ближе к маме и родным
- 8) получить «Оскара» за лучшую роль
- 9) смотреть на прошлое и наслаждаться
- 10) просто продолжать жить

Готовясь к работе над книгой, я нашел этот листок в одном из своих дневников, среди обрывков салфеток и бирдекелей, исчерканных каракулями. Я не видел этого списка с тех пор, как его составил. Обратите внимание на дату — спустя два дня после окончания съемок моего первого фильма, «Под кайфом и в смятении», где я сыграл роль Вудерсона. Две недели после смерти отца. (Как я уже говорил, я помнил больше, чем забыл.)

ЗЕЛЕНый СВЕТ

Благодарности

Спасибо моим родителям и братьям за то, что дали мне семью, моей жене и детям за то, что создали мою собственную семью, и спасибо бесчисленным персонажам, источникам вдохновения и идеалам, которые я встречал на своем жизненном пути. Спасибо моим героям, от Пэта и Мелленкампа до меня самого через десять лет, и всем тем, кто дал мне стихотворения, которые я написал, забыв, кто их написал.

Спасибо моим друзьям, таким, как Сет Роббинс Биндлер, за то, что дерзают прокладывать путь; Австралии за одиночество, Дону Филлипсу за предвидение, Ричарду Линклейтеру за провидение, Коулу Хаузеру за индивидуальность, Гасу за верность, Кевину Моррису за абсолют, Марку Гастосу за веру, Марку Норби за простоту, Джону Чейни за твердую руку, Николь Перес-Крюгер за правильность, Блейну Лурду за дополнительные нолики, Мисс Хад за привязанность, Иссе Балло за указанный путь, Мали за дом, брату Кристиану за человечность, Пенни Аллен за ярость, пастору Дейву за контекст, Джордану Петерсону за ясность, Чаду Маунтину за то, что слушал, Дэну Вюттнеру за приключения, Роя Спенсу за цель, Нику Пиццолато за честность, Ал Коголю за идеи, Лиз Ламберт за пустыню, Барту Нагтсу за реку Льяно, Дэвиду Дрейку, Джиллиан Блейк и Мэтту Инману за редактуру и работникам агентства «WME», издательств «Crown/Penguin», «Random House» и «Headline» за то, что помогли мне перенести мой рассказ на бумагу.

Об авторе

Мэттью Макконахи – сын дважды разведенных и трижды женатых Джима и Кей Макконахи, муж и отец троих детей. Он называет себя везучим, считает, что по профессии он – рассказчик, пишет стихи и пытается стать музыкантом (ну, время у него пока есть). Он отличный спутник в поездках, по пути в храм не отказывается хлебнуть пивка и не гнушается трудового пота. Мэттью – очень целеустремленный человек, мир для него – родной дом, он любит сравнивать, прежде чем противопоставляет, и постоянно ищет общие знаменатели в жизни. Крунер, талантливый свистун, борец, нормативный этимолог и путешественник, он верит, что шрамы – родоначальники татуировок, и к пятидесяти годам его шевелюра естественным образом стала гуще, чем в тридцать пять. Он – победитель шести конкурсов водохлебов в разных странах, возносит благодарственную молитву перед едой, потому что так вкуснее, любит давать прозвища, изучает гастрономию и архитектуру, обожает чизбургеры и соленые огурцы, учится говорить «прошу прощения» и раз в неделю, в церкви, любит всплакнуть. Он не смотрит фильмы со своим участием, если они случайно попадутся по телевизору, делает всякую всячину, чтобы доказать, что у него все получится, никогда не ложится спать в обиде и недавно узнал, что правым можно быть по-разному. Он стал бы моряком, но не астронавтом, он мастер танцевать, доводам предпочитает убеждения и верит, что всему хорошему люди не тираны – каждый себе сам.

В 2009 году Мэттью и его жена Камила организовали благотворительный фонд «j.k. livin», который разрабатывает и осуществляет внеклассные программы для нуждающихся школьников в 52 школах США и пропагандирует здоровый образ жизни учащихся. В 2019 году Мэттью не только написал эту книгу, но и стал профессором факультета кинематографии Техасского университета в Остине, где преподает созданный им предмет, «От сценария на экран». Он один из владельцев футбольного клуба «Остин» и «министр культуры» Техасского университета и города Остина. Он остается лицом рекламной компании автомобилей «линкольн» и креативным директором по рекламе бурбона «Уайлд тёрки»; он также принял участие в создании своего любимейшего бурбона, «Лонгбранч». Мэттью предпочитает закаты, а не рассветы.

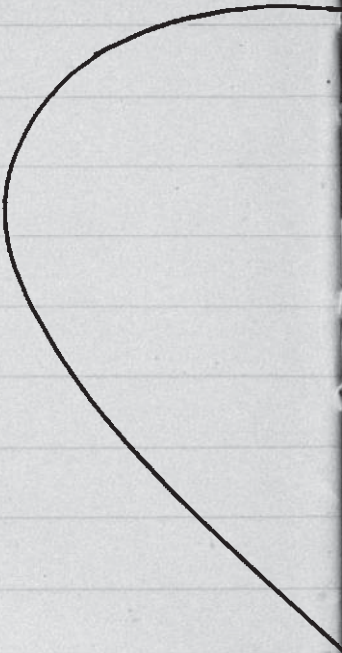
jklivinfoundation.org

greenlights.com

Instagram: @officiallymacconaughey

Twitter: @McConaughey

Facebook.com/MattewMcConaughey

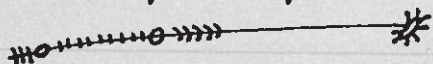

Форт-Дэвис, Техас, 8 мая 2019

Четвертый день работы

над «Зеленым светом».

пролей кровь

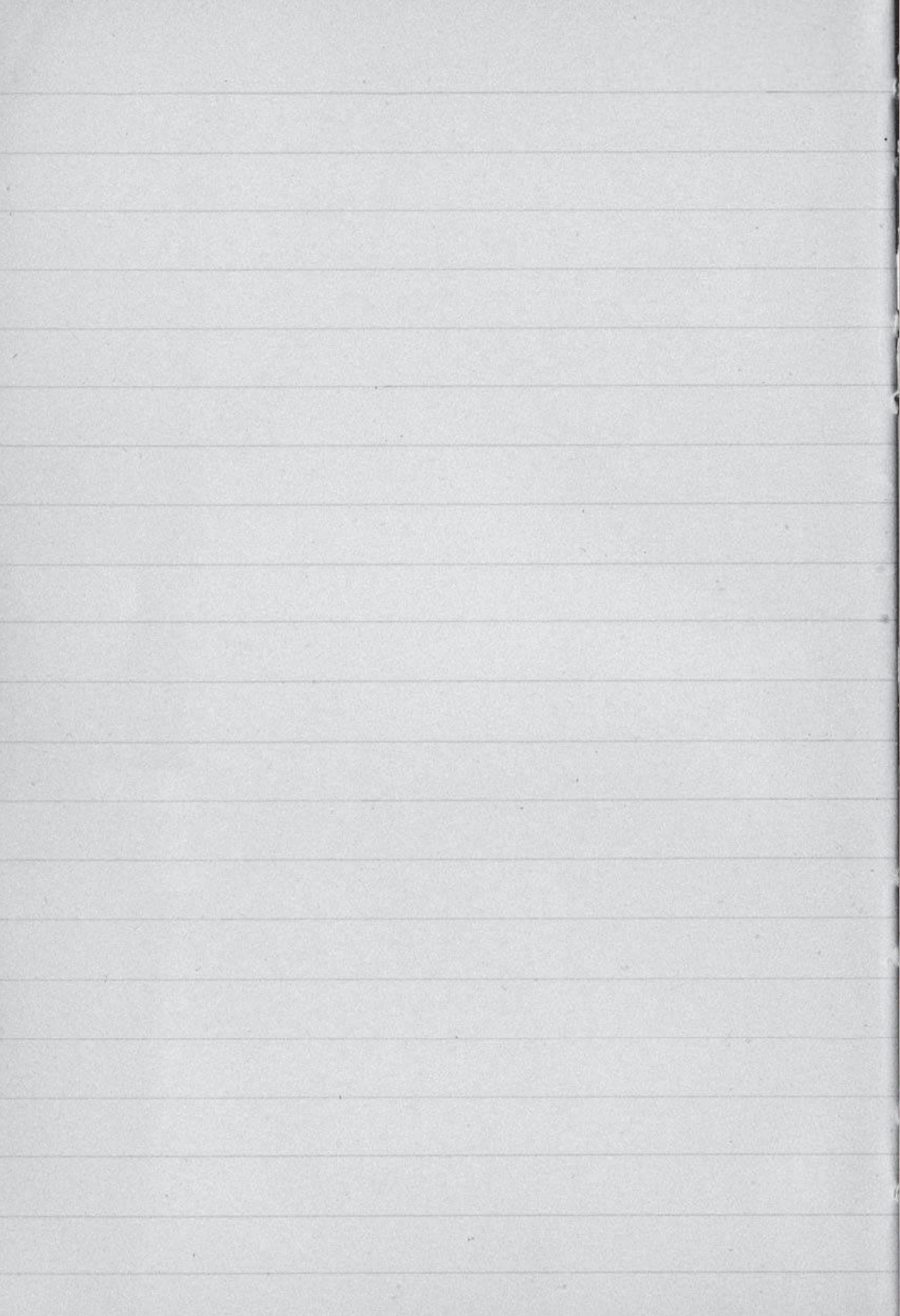
я пришел сюда в одиночестве, чтобы писать.

я знал, что прольется кровь.

так и случилось.

сердце знало по жилам больше крови,
чем обычно.

ВО ЧТО Я ВЕРЮ?

* Я верю, что нужно уделять больше времени на разработку способов спасения мира, а не сидеть в классе и решать арифметические задачки. Я верю, что необходимы уроки, где нас будут учить различным способам спасения самих себя. «Гринпис», борьба за права человека, за ядерное разоружение и пр. * Я все еще верю в любовь и в справедливость.

* Мир как квартал по соседству, только гораздо больше. Мы все соседи.

Неудачник = голод

Засыпать с пушиками, а не со свинцом на глазах.

«НА ГРАНИ УЛУЧШЕНИЯ»

стремиться, учиться, достигать

— невежественный → знающий

а потом — следующая цель

(выросшая из предыдущей

или совершенно другая)

Показать фермерам
на ранчо, что такое
красивая машина.

Здесь совсем другой тип
людей. Деревенщины, ковбои,
без школьного образования,
но с «лошадиным чутьем».

Социальный
когда-то
я кричал (а-а-а)

посыл силен,

Но, кажется, я слишком слаб.

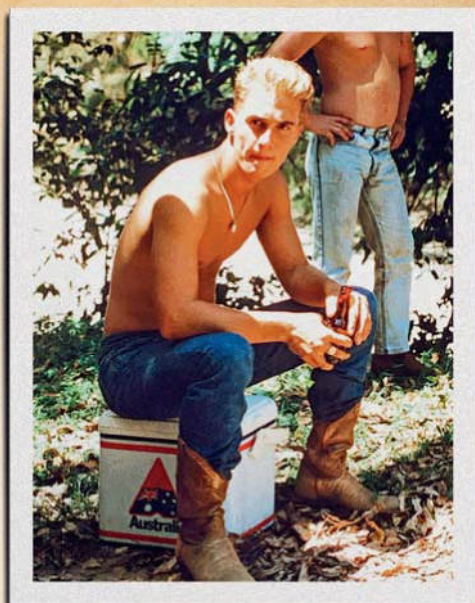
Держись, а сейчас шепчу,

Держись за мечту.

Здоровой душе хорошо
с самой собой.

Пот заливает страницы,
На которые я изливаю душу.
Меня убивает, если не писать.
Это не продлится вечно.
Иногда мне хочется, чтобы
продлилось. Так я учусь
Выражать себя.

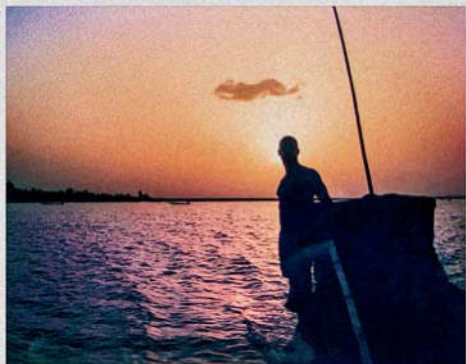

Как быть гедонистом и все-таки следовать правилам.

Между прочим, я все еще очень молод.
И это может остановить меня в моих стремлениях.

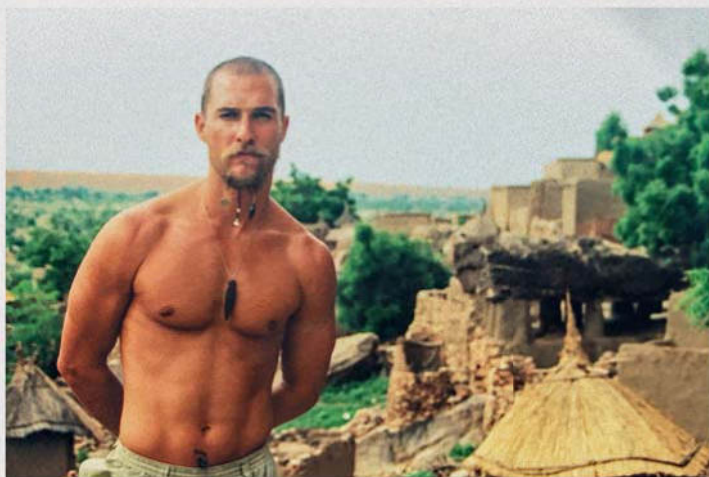

Мит, когда время останавливается, — путь запада
и востока — это искусство науки. Синева зелени,
луна солнца, как наверху, так и внизу.

Я ищу
невывказанное
слово.
Оно в глазах.
Общий знаменатель
млекопитающих
и человека.
Мандорла.

Остановился в Ниафунке («сыновья одного отца»), чтобы встретиться с Али Фарка Туре. Мы искали его три часа, а потом нашли в доме его второй жены. Он пошел в мечеть, а когда вернулся, мы уселись на полу, ели пальцами из одной миски и смотрели его концерт по телевизору. Я задал ему два вопроса: «Что заставляет тебя улыбаться?» → Он ответил на банбара: «Я сделал то, что хотел... финиш». А потом я спросил, что заставляет его недовольно морщиться. Он ответил: «Ложь и предательство».

Мне так комфортно, что, наверное, я был здесь раньше. А еще почти все смеются над бусинами в косичках моей бороды и называют меня психом. Любя. Сегодня мой самый любимый день.

Давайте взрослеть, сохраняя молодость и оставаясь собой.

Опять проснулся на рассвете. Ночью было так тепло, что я спал в одних шортах на натрассе, без спального мешка. Мне приснился чудесный сон, будто я — какой-то африканский зверек с огромными щеками, ношу во рту воду с севера на юг Африки, где кому-то нужна вода, и выливаю ее изо рта. Весь сон был африканским. Никаких разговоров и никаких отсылок к тому, что я знал до этого. Я и не предполагал, что эта поездка станет для меня таким уроком по истории и мифологии Африки.

Надо делать больше,

чем просто любить...

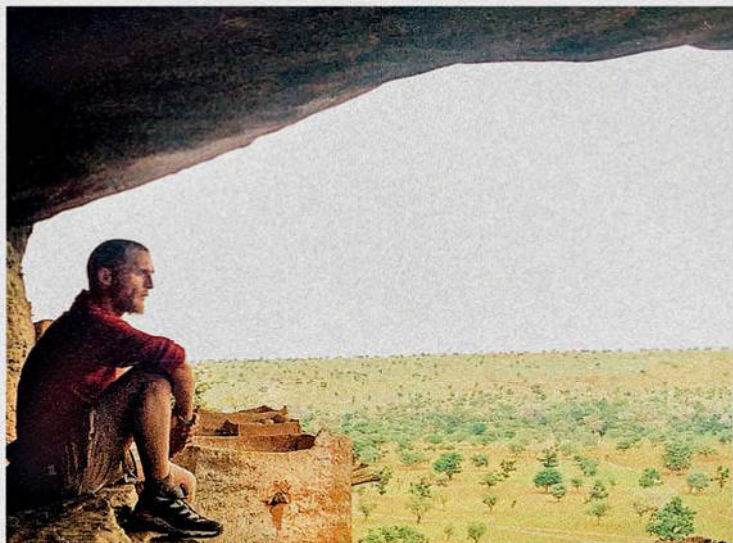
Это требует труда.

Это все глалол.

Жизнь, любовь, архитектура.

Я осознал, что «это» —
именно то, ради чего
я путешествую: чтобы
восстановить веру
в человечество...

В Африке слово «картинкемуза» — гласно. Нечто продолжающееся. Начинается сезон дождей, приходится отсиживать и ежедневно поддерживать пастбищу. Это часть повседневной жизни. Жизнь — это гласно. Просто продолжай жить.

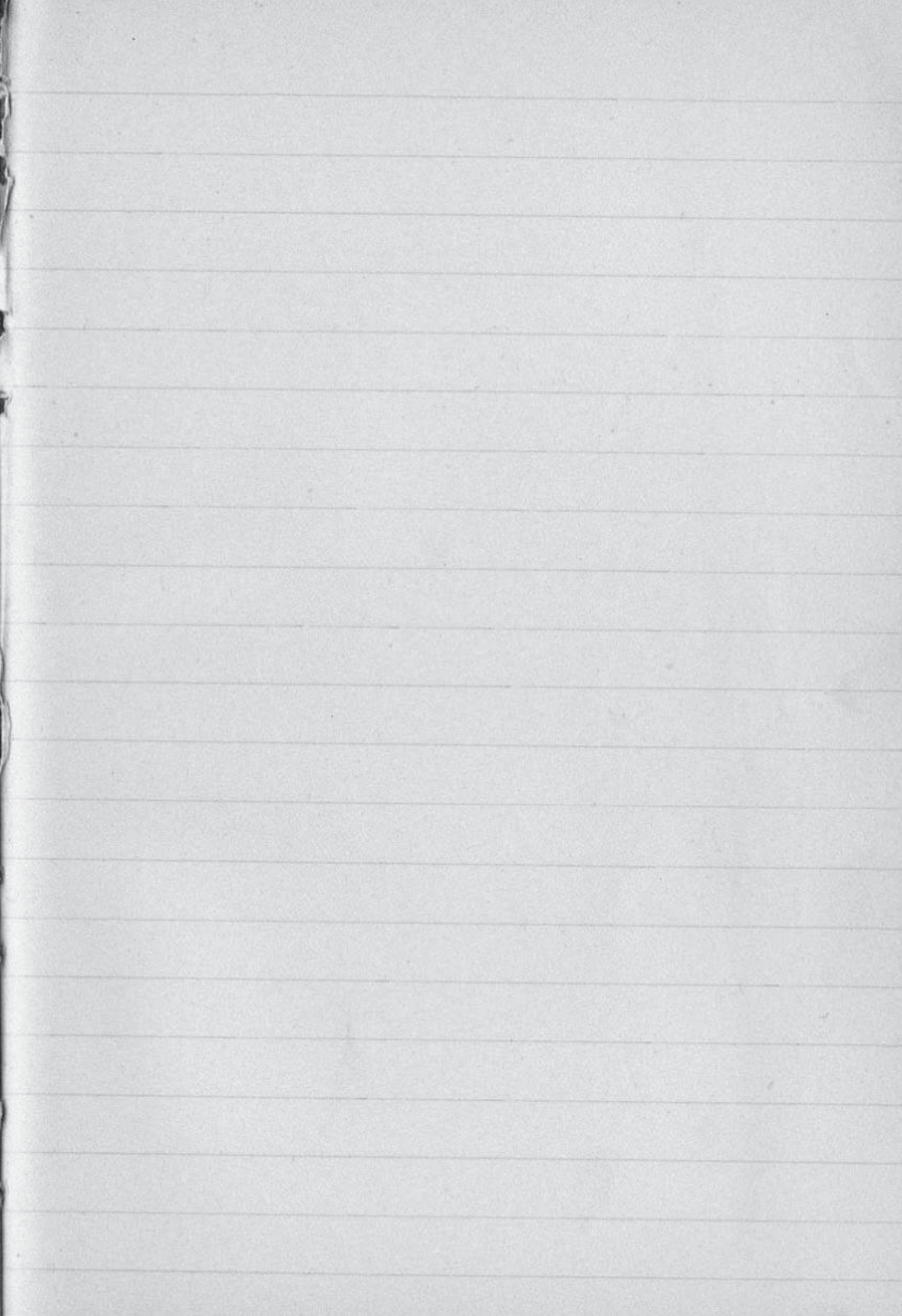
Артист: тот, кто творит... должен искать автономности, чтобы раскрыть истину... а потом он находит автономность, которая предоставляет ему возможность его собственной интерпретации истины. То, как он думает, превращается в то, во что он верит. А затем он применяет свою веру к себе, и она становится его сущностью.

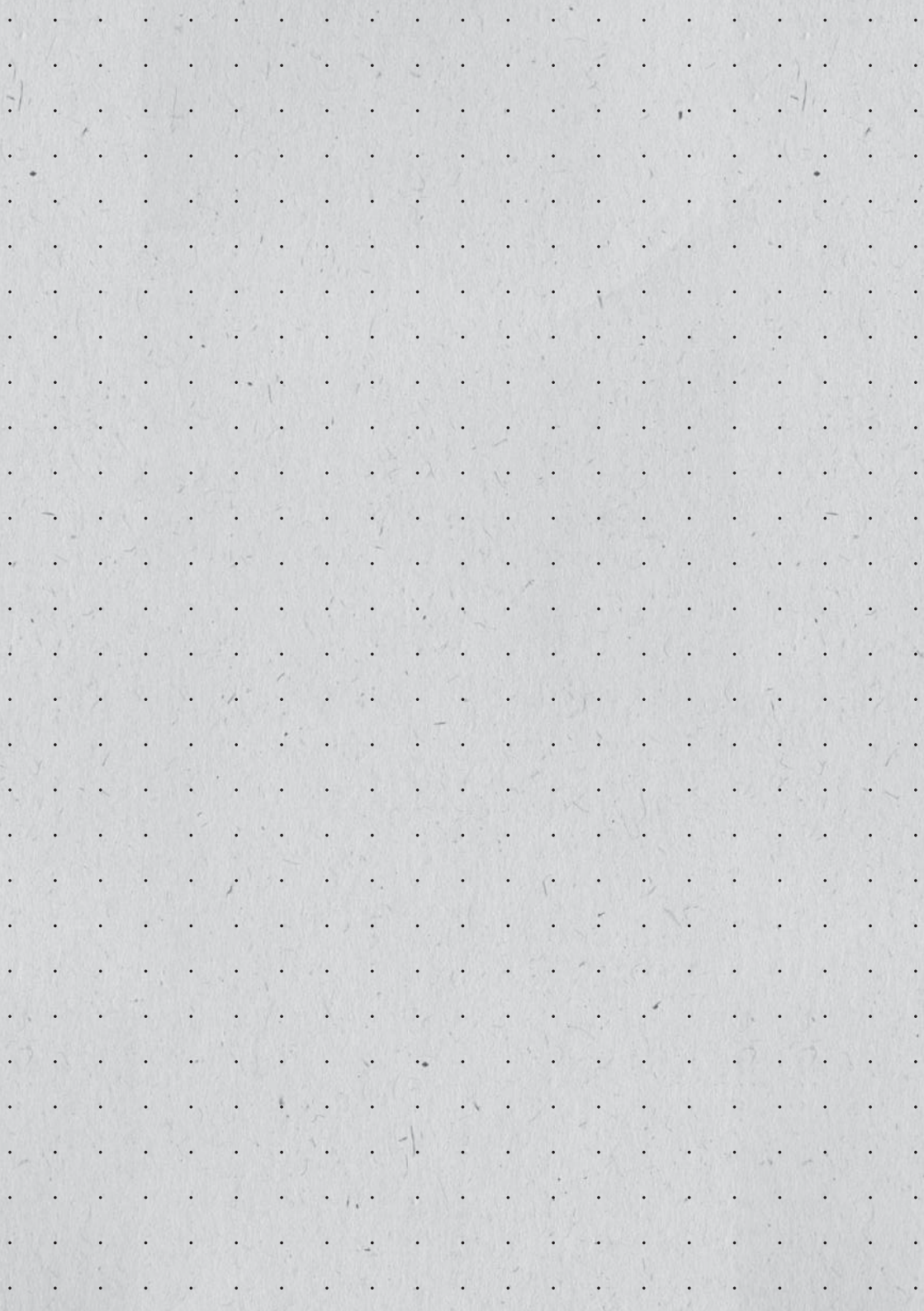

Полон мыслей.
Нужна бумага.
8 декабря 1993 г.

Вопрос: Нашел ли я ответы?

Ответ: Нет... но я задал серьезные вопросы, которые придутся человечеству в его эволюции.

Примезания

С. 25. *Если все, чего мне хочется, это сидеть и говорить с тобой... / Будешь ли ты слушать?* — Из стихотворения американской писательницы Энн Эшфорд (1939–1988) «Если бы мне встретился печальный единорог» (1978).

С. 32. *Старшего, Майкла, вот уже софок лет зовут Рустером, потому что даже если он ложится спать за полночь, то все равно просыпается с петухами, на рассвете.* — От англ. «rooster», то есть петух, кочет.

С. 47. *Ивел Книвел* (Роберт Крейг Книвел, 1938–2007) — известный американский исполнитель мотоциклетных трюков.

С. 53. ... *«Невероятный Халк» с Лу Ферриньо.* — Имеется в виду американский телесериал «Невероятный Халк», транслировавшийся по каналу Си-би-эс с 1977 по 1982 г.; роль Халка исполнял американский бодибилдер Луи Джо Ферриньо (р. 1951).

С. 58–59. ... *с грудью, крест-накрест перевязанной гвоздевой лентой... то ли Панчо Вилья...* — Панчо Вилья (Хосе Доротео Аранго Арамбула, 1878–1923), лидер крестьянских повстанцев во время Мексиканской революции 1910–1917 гг., традиционно изображался с пулеметными лентами, скрещенными на груди.

С. 59. *«Мад» («Mud», 2012)* — кинофильм режиссера Джеффа Николса, где Макконахи сыграл главную роль.

С. 75. *Ротари-клуб* — международная неполитическая благотворительная организация, основанная в 1905 г. в Чикаго; среди ее гуманитарных и образовательных программ есть Ротарианская программа школьного и студенческого обмена.

Эль Макферсон (Элинор Нэнси Гоу, р. 1964) — австралийская супермодель, актриса и дизайнер.

С. 83. *«Добровольцы поневоле»* («Stripes», 1981) — кинокомедия режиссера Айвана Райтмана с участием Билла Мюррея.

С. 84. *Робб Биндлер* (Сет Роббинс Биндлер, р. 1970) — режиссер документальных фильмов и фильма «Серфер» («Surfer, Dude», 2008), где Макконахи сыграл главную роль.

С. 91. *В сумраке Сумеречной зоны...* — отсылка к популярной американской медиафраншизе «The Twilight Zone», основой которой стал созданный Родом Серлингом одноименный телесериал-антология (1959–1964), где каждый эпизод оканчивается жуткой или неожиданной развязкой.

С. 99. *«Стиль — это знание того, кто ты, что ты хочешь сказать, и равнодушие к этому».* / Гор Видал... — Гор Видал (Юджин Луис Видал, 1925–2012) — американский писатель и драматург, высказывание о стиле приписывается ему апокрифически.

С. 107. *«Я приобрету благие привычки и стану их рабом».* — Цитата из книги американского писателя Ога Мандино (1923–1996) «Величайший торговец в мире» (1968, перев. М. Гавриловой).

С. 119. *Тед Ньюджент* (р. 1948) — американский рок-музыкант, с чикагской группой *The Amboy Dukes* выпустивший семь альбомов в 1967–1975 гг., а затем начавший сольную карьеру.

С. 126. *«Делай то, чувак, что хочет делать Рэндалл „Пинк“ Флойд... просто продолжай жить».* — Из монолога героя Макконахи, Вудерсона, в фильме «Под кайфом и в смятении».

С. 128. *«Иди на Запад, юноша!»* — фраза, приписываемая американскому журналисту Хорасу Грили (1811–1872), в полном виде: «Иди на Запад, юноша, иди на Запад и расти вместе со страной!»

С. 135. *Нехоженная тропа... Роберт Фрост прав...* — Отсылка к хрестоматийному стихотворению американского поэта Роберта Фроста «The Road Not Taken» (1916); в перев. Г. Кружкова — «Другая дорога».

С. 147. *...назвал ее Мисс Хад, по имени героя Пола Ньюмена в одноименном фильме.* — «Хад» — экранизация романа Ларри Макмертри «Всадник, проезжай», снятая в 1963 г. американским режиссером Мартином Риттом.

С. 152. *Джон Мелленкамп* (р. 1951) — американский автор-исполнитель, художник и актер, ранее выступавший под псевдонимами Джонни Кугар, Джон Кугар Мелленкамп; в 1996 г. Мэттью Макконахи снялся в его музыкальном видео «Key West Intermezzo (I Saw You First)».

П Р И М Е Ч А Н И Я

С. 160. «Вверх ногами и задом наперед, все теперь наоборот» — строка из песни американского фолк-рок-исполнителя Джеймса Макмертри (р. 1962) «I Only Want to Talk to You» («Я просто хочу поговорить с тобой») с альбома «Walk Between the Raindrops» (1998).

С. 162. *Томас Мертон* (1915–1968) — американский поэт и богослов, монах-траппист, проповедник дзен-католицизма.

С. 194. *Анри Диконге* (р. 1967) — камерунский певец и гитарист.

С. 197. ...*Вилли Нельсона в судебном разбирательстве по обвинению в хранении наркотиков...* — Вилли Нельсон (р. 1933) — американский кантри-музыкант; его неоднократно арестовывали за хранение марихуаны.

С. 198. *Саут-Банди-драйв* — улица в Брентвуде, Лос-Анджелес, где стоит дом Николь Браун Симпсон, супруги американского футболиста О. Джея Симпсона, зверски убитой в июне 1994 г. Преступление до сих пор не раскрыто, а место привлекает толпы туристов.

С. 200. *Джон Белуши* (1949–1982) — американский комедийный актер и сценарист, старший брат актера Джеймса Белуши, известный по фильмам «Зверинец» (1978) и «Братья Блюз» (1980).

С. 221. «*Энрон*» — жулики. — Американская энергетическая компания «Энрон», штаб-квартира которой располагалась в Хьюстоне, штат Техас, обанкротившаяся в 2001 г., стала символом умышленного корпоративного мошенничества и коррупции.

С. 224. *Роберт Джонсон* (1921–2018) — американский психолог и психотерапевт юнгианского толка, автор ряда научно-популярных трудов, в доступной форме излагающих теории Карла Юнга.

Норби, Марк (р. 1970) — американский каскадер и актер, координатор трюков, дублер Макконахи в фильмах «Ю-571», «Власть огня», «Свадебный переполох», «Сахара», «Братья Ньютон», «Эд из телевизора», «Интерстеллар» и в сериале «Настоящий детектив».

С. 276. *Уоррен Баффет* (р. 1930) — американский миллиардер, один из крупнейших инвесторов в мире.

С. 293. *Лили Фини Занук* (р. 1954) — голливудская знаменитость, режиссер и продюсер нескольких оscarоносных фильмов, в том числе «Кокон», «Шофер мисс Дейзи» и «Кайф»; была продюсером фильма «Власть огня» с участием Макконахи.

А. Питчер

Макконахи М.

М 15 Зеленый свет / Мэттью Макконахи ; пер. с англ. А. Питчер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 320 с. : ил. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-19099-3

Впервые на русском — одно из главных книжных событий 2020 года, «Зеленый свет» знаменитого Мэттью Макконахи (лауреат «Оскара» за главную мужскую роль в фильме «Далласский клуб покупателей», Раст Коул в сериале «Настоящий детектив», Микки Пирсон в «Джентльменах» Гая Ричи) — отчасти иллюстрированная автобиография, отчасти учебник жизни. Став на рубеже веков звездой романтических комедий, Макконахи решил переломить судьбу и реализоваться как серьезный драматический актер. Он рассказывает о том, чего ему стоило это решение — и другие судьбоносные решения в его жизни: уехать после школы на год в Австралию, сменить юридический факультет на институт кинематографии, три года прожить на колесах, путешествуя от одной съемочной площадки к другой на автотрейлере в компании дворняги по кличке Мисс Хад, и главное — заслужить уважение отца...

Итак, слово — автору: «Тридцать пять лет я осмысливал, вспоминал, распознавал, собирал и записывал то, что меня восхищало или помогало мне на жизненном пути. Как быть честным. Как избежать стресса. Как радоваться жизни. Как не обижать людей. Как не обижаться самому. Как быть хорошим. Как добиваться желаемого. Как обрести смысл жизни. Как быть собой».

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

МЭТТЮ МАККОНАХИ

Зеленый свет

Редактор Александр Гузман

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Татьяна Раткевич

Корректоры Маргарита Ахметова, Ольга Золотова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.01.2021. Формат издания 70 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 23,4. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

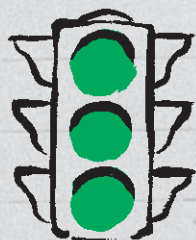
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ABA-27792-01-R

Только
Мэттью Макконахи
мог написать
такую книгу,
как «Зеленый свет».
И это хорошо.
The Times Magazine

Самая необходимая
книга под занавес
безумного года.
Успокаивающая,
светлая и уморительно
смешная.
The Washington Post

Поразительно искренняя и бескомпромиссно
честная книга. Своим нелегким опытом Макконахи
доходчиво убеждает: главное в жизни —
не победа, а понимание.

Марк Мэнсон
(автор «Тонкого искусства пофигизма»)

Пожалуй, собственная жизнь Макконахи
будет даже поинтереснее, чем истории
всех эксцентричных персонажей, которых
ему довелось воплотить на экране.

USA Today

Безумно горжусь моим другом
Мэттью, который написал целую книгу
о своем нелегком пути становления
как актера, режиссера, мужа и отца.

Риз Уизерспун

В преддверии выпуска книги Макконахи
дал интервью *The New York Times*, в котором
признался: более 30 лет назад он поклялся
себе, что станет писателем. Сомнений в том,
что книга найдет своих читателей, не остается —
в ней актер делится тонкими жизненными
наблюдениями и опытом.

Tatler

Не то удивительно, что эта книга хороша,
а то, насколько хороша.

Райан Холидей
(автор «Стоицизма на каждый день»)